

Русская Старина

Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ФЕВРАЛЬ
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1885 г.

Январь, 1885 г.

стр.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. **Н. Ѳ. Сумцова**. 1

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ 20

III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. **В. Антоновича**. 57

IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). **С. Голубева**. . . . 85

V. ДУНАЙЦЫ. **А. Скальковскаго**. 117

VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго**. 133

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—*С. Голубева.*—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—*Н. Д.*—в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—*Г.* . . 157

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—*П. Л.*—б) Новый варіантъ думы «Алексій Поповичъ».—*Н. Ѳ. Сумцова.*—в) Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ.—*С. Бѣлинскаго.*—г) Два письма Б. Хмель-

стр.

вицкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С - ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.— *А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. П—на.*—ж) Изъ письма въ редакцію —з) Журнально газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 177

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1885 г.

✓ I. МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. **Н. Ѳ. Сумцова** 215

✓ II. ВОСПОМИНАНІЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА. **Б. Суханова-Подколзина** 229

✓ III. ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кіевской губерніи). **Бориса П—скаго**. 235

✓ IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Отвѣтъ С. Т. Голубеву). **П. Л.** 268

✓ V. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 282

✓ VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Біографическій очеркъ). **И. Божерянова**. 308

VII. АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ 318

✓ VIII. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. 333

✓ IX. КЪ ИСТОРІИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секундъ маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ **А. Андр.** 339

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической коммисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.— *И. Каманина.*—б) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2—*Ѳ. Н.*—в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.—*N. S.*—г) Ив. Франко.— Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатскои Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.—*Г.* 357

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русская святыня на западѣ Европы.— б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волынская бывальщина.—*И. А. Шафарука.*—г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской

стр.

исторіи и этнографіи.—*Н. Ѳ. Сумцова.* - д) Пребываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г.—Сообщ. *Левъ Мацѣевичъ.*— д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію).—*Г. Лебединца.*—е) А. Ѳ. Кистяковскій. (Некрологъ) —*И. Лучицкаго.*—ж) Библіографическое извѣщеніе.—*Г.* 377

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1885 г.

I. РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 437

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе).* **К. М.** 465

IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **П. Л—ва.** . 500

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. **Ѳ. Каминскаго.** . . . 519

VI. КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ. 501

VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.—*Н. Ѳ. Сумцова.*—б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.—*Дм. Багалѣя.*—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенигова. Спб. 1884 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической коммисіи. Вильна. 1884 г.—*И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ".—*П. Голубовскаго.*—б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.—*А. Лонячевскаго*—в) Гетманскій городъ.—*В. Е. Бучневича.*—г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. *С. Н. И.*—д) Кіевъ въ 1799 году.—*В. Горленка.*—е) Малоруская историческая шарада.—ж) Евгеній Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 569

XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1885 г.

стр.

I. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ . . . . I—VI

II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). **Бориса П—скаго** 613

III. ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). **Н. Ѳ. Сумцова** 649

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 678

V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. **Николая Бакая** . . . 716

VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ) 743

VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ 746

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—*Н. Сумцова.*—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.—*И. Каманина.*—г) П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.—*И. Каманина.* 755

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.—Свящ. *В. Никифорова.*—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. *Е. Попруженко.*—в) Къ характеристикѣ шляхетско-козачаго быта XVIII в.—*Ѳ. Н.*—г) Изъ фамильныхъ преданій.—*С—ка.*—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. *Д. Багалѣй.*—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—*П. Ревы.*—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской компаніи.—Сообщ. *Н. И. Барсовъ* 767

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе)* 145-160

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ XI.

ФЕВРАЛЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го января 1884 года.

МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ.

При первомъ, поверхностномъ взглядѣ на малорусское село возникаетъ мысль объ однообразіи фамильныхъ прозваній. Цѣлые ряды хатъ населены семьями одного фамильнаго прозванія, положимъ, Лободами, Петренками, и самые улички и закоулки сельскіе получили потому названіе Лободивки, Петренкивки. Нужно присмотрѣться къ дѣлу ближе; нужно распросить людей съ фамиліями Лободы, Петренка и проч., по возможности, порознь, и тогда откроется все характерное разнообразіе фамильныхъ прозвищъ въ малорусскомъ простонародьѣ. Положимъ, въ десяти и болѣе дворахъ, рядомъ лежащихъ, живутъ все Петренки; но почти каждый домохозяинъ, кромѣ общаго фамильнаго или родоваго прозванія, имѣетъ еще свое особенное прозвище, выдѣляющее его изъ ряда Петренковъ. Почти каждый крестьянинъ малороссъ, по достиженіи совершеннолѣтія, кромѣ личнаго имени, имѣетъ два или три прозвища: одно прозвище, документально засвидѣтельствованное въ спискахъ населенія, вообще закрѣпленное на письмѣ, и потому устойчивое, часто довольно старинное по времени возникновенія, и два или три прозвища сравнительно новыя, прозвища уличныя.

Личныя и фамильныя прозвища возникаютъ въ народѣ въ силу настоятельной необходимости отчетливаго и жизненнаго различенія лицъ семействъ, по характернымъ ихъ особенностямъ, необходимости, тѣсно связанной и непосредственно вытекающей изъ духовнаго народнаго творчества. Можно сказать, что и въ созданіи фамильныхъ прозвищъ выступаетъ въ видѣ частнаго проявленія тотъ же творческій духъ народа, который въ болѣе ясныхъ и

отчетливыхъ формахъ выразился въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Въ данномъ случаѣ принимаются во вниманіе самыя типичныя черты людей, ихъ физическаго и нравственнаго облика; для выраженія этихъ чертъ изъ лексическаго состава языка выбираются самыя характерныя и меткія слова, и такимъ образомъ создается нѣчто столь выразительное въ видѣ личнаго или фамильнаго прозванія, что село принимаетъ его всецѣло, какъ памятникъ извѣстнаго проявленія текущей жизни.

Какъ быстро создаются личныя прозванія и какъ быстро они пріобрѣтаютъ въ селѣ право гражданства, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ, представляющемъ одинъ изъ огромнаго числа сходныхъ случаевъ сельской жизни. Въ одномъ селѣ ахтырскаго уѣзда проживаетъ нѣкій Иванъ Кириченко, мужикъ уже пожилой, лѣтъ пятидесяти, бодрый и подвижной, съ открытымъ и красивымъ лицомъ, умный и грамотный, настолько грамотный, что хорошо читаетъ книги гражданской печати и свободно пишетъ. Одно лишь плутовское выраженіе большихъ сѣрыхъ глазъ выдаетъ хищническую сторону его природы. И вотъ этотъ человѣкъ, выдающійся по уму и грамотности, съ хорошими денежными средствами, среди бѣлаго дня на базарѣ укралъ съ воза ременныя возжи, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и, по скорому крестьянскому самосуду, больно избитъ возжами. Съ тѣхъ поръ Иванъ Кириченко прослылъ Вижжатымъ; такъ его зовутъ въ селѣ всѣ отъ мала до велика, и старое прозваніе приходитъ въ забвеніе.

Фамильныя прозванія крестьянъ, какъ многія другія проявленія народнаго быта, не могутъ быть вставлены въ строго размѣренныя хронологическія и историческія рамки. По давности уличныя прозванія весьма различны. Одни прозванія возникли при дѣдахъ, перешли къ сыновьямъ, внукамъ, и послѣдніе забыли причину возникновенія прозванія и его первоначальный смыслъ. Другія прозванія возникли десять, пять лѣтъ назадъ, прошлое лѣто, у всѣхъ на виду, и по новости своей еще не успѣли пріобрѣсти въ селѣ полнаго права гражданства.

Любопытное документальное свидѣтельство о малорусскихъ фамильныхъ прозвищахъ относится ко второй половинѣ семнадцатаго вѣка. Въ 1667 г. стольникъ Кикинъ пріѣхалъ въ Полтаву для разъясненія и устраненія столкновенія козаковъ съ воеводой. Онъ

сравнилъ имена козаковъ челобитчиковъ со сказкой воеводы и нашелъ, что многіе козаки прозвищами не сошлись, что одно и тоже лицо имѣетъ по нѣскольку прозваній. Кикинъ обратился къ полтавскому полковнику Витязенку за разъясненіемъ. «А что козаки прозвищами не сходятся, то это потому, объяснилъ ему полковникъ, что у насъ на Украйнѣ обычай такой: называются люди разными прозвищами; у одного человѣка прозвища три или четыре: по отцу, по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ почему одни и тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ спискѣ писаны одними прозвищами, а у насъ въ полковомъ козацкомъ другими» [1]).

Изслѣдователь малорусскихъ фамильныхъ прозваній располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, совершенно сырымъ, чрезвычайно разнообразнымъ. Полнота изложенія и несомнѣнная вѣрность выводовъ въ приложеніи къ фамильнымъ прозваніямъ—дѣло въ настоящее время невозможное, по причинѣ отсутствія вспомогательныхъ статей, мѣстныхъ изслѣдованій. Съ теченіемъ времени, съ выходомъ въ свѣтъ хорошаго малорусскаго словаря (хотя-бы на премію Н. И. Костомарова), съ разъясненіемъ лексическаго состава малорусскаго языка, при ученой разработкѣ народной этимологіи, фамильныя прозвища, можно надѣяться, послужатъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Интересъ такого изслѣдованія увеличится и осложнится, если въ него войдутъ, наравнѣ съ фамильными прозвищами, характерныя наименованія урочищъ, селъ, рѣкъ, явленій природы, животныхъ, растеній, болѣзней, кушаньевъ, одежды, дѣтскихъ игръ.

Безъ ошибки можно сказать, что въ современныхъ крестьянскихъ фамильныхъ прозвищахъ живетъ старая Малороссія. Въ селахъ харьковсоой губерніи встрѣчаются, напримѣръ, крестьяне съ фамильными названіями Сагайдачный, Хмельницкій, Богунъ. Въ числѣ полтавцевъ, убитыхъ въ Болгаріи въ 1877 г., оказываются Скорина и Могила,—фамильныя прозванія, знаменитыя въ исторіи. Впрочемъ Францискъ Скорина XVI ст. и Петръ Могила XVII ст. по происхожденію были чужды малоруссамъ, и самыя ихъ фамильныя прозванія, однозвучныя съ фамильными прозваніями несчаст-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XII, стр. 12—13.

ныхъ жертвъ войны, могутъ подлежать совсѣмъ особому филологическому объясненію.

Повидимому, мѣстной чертой представляется обыкновеніе крестьянъ харьковской губерніи, преимущественно лебединскаго уѣзда, личное имя ставить послѣ фамильнаго прозванія; напримѣръ: Ходакъ Иванъ, Новакъ Антинъ, Василенко Петро. Когда спрашиваютъ крестьянина о его имени или прозвищѣ, то онъ не ограничивается тѣмъ или другимъ, а выкладываетъ ихъ рядомъ, полагая на первое мѣсто прозвище, какъ найболѣе общее и широкое обозначеніе лица и затѣмъ дополняя его именемъ личнымъ.

Фамильныя прозвища весьма разнообразны по окончаніямъ и внутреннему значенію. Слѣдующія окончанія свойственны малорусскимъ фамильнымъ прозваніямъ:

1) *ко*: Канько, Райко, Панько и др...
2) *ка*: Прядка, Коробка, Малинка...
3) *акъ, якъ*: Щербакъ, Шулякъ, Радовличакъ...
4) *икъ*: Осовикъ, Гуликъ, Солепикъ...
5) *окъ*: Чапокъ, Рачокъ, Цыганокъ...
6) *укъ, юкъ, юхъ*: Дундукъ, Челюкъ, Болюхъ, Артюхъ...
7) *ай*: Вересай, Бакай, Лутай...
8) *га, ага, яга*: Шульга, Дувага, Дубяга...
9) *анъ, анъ*: Дараганъ, Рубанъ, Щербанъ...
10) *аль, арь*: Пахаль, Свичкарь, Свинарь...
11) *ахъ, аха*: Томахъ, Черепаха, Мантаха...
12) *ачъ*: Трембачъ, Сурмачъ...
13) *ашъ*: Недашъ, Кардашъ...
14) *ешъ*: Дерешъ, Мелешъ...
15) *ышъ*: Славышъ, Гладышъ...
16) *ець*: Лабунець, Рипунець, Луговець...
17) *ця*: Братыця, Иваныця...
18) *ій*: Кучмій, Баглій, Бурлій...
19) *инъ*: Высочинъ, Доброчинъ...
20) *ичъ*: Катричъ, Павичъ, Самойловичъ...
21) *унъ, юнъ*: Корсунъ, Богунъ, Баюнъ...
22) *на, ня*: Щербина, Борозна, Потебня, Вареня...
23) *но*: Дахно, Пихно, Сахно...
24) *имъ*: Гудимъ, Бутрымъ, Рудимъ...

25) *оль, ялъ:* Хроль, Мнялъ...

26) *ло:* Мурмыло, Подобайло...

27) *ській, цькій:* Новгородській, Буцькій...

28) *стый:* Ярмистый, Женжуристый...

29) *ра, ря:* Манжура, Матора, Хухря...

30) *ный:* Головурный, Буденный...

31) *да:* Лагода, Штонда, Шелегеда, Жейда, Кирда...

32) *исъ:* Чуплимисъ, Номисъ...

33) *усъ:* Левусъ, Бреусъ, Усъ...

34) *бей:* Кочубей, Камбей...

Самый обширный отдѣлъ фамильныхъ прозвищъ составляютъ прозвища, произведенныя *отъ личнаго имени родителей,* отца или матери, преимущественно отца или, чрезъ отца, отъ личнаго имени дѣда, прадѣда. Наряду съ Василенками, Петренками встрѣчаются Химченки, Степенки, Домничи, Катричи, Палажченки и другія прозвища отъ женскихъ личныхъ именъ. Отъ одного и того-же личнаго имени производятся много фамильныхъ прозваній; напримѣръ, отъ Петра Петренко, Петраченко, Петрикъ, Петриченко, Петрусь, отъ Даніила Данилейко, Данилченко, Данильчукъ, Данчукъ, Данушка. Къ разсматриваемому отдѣлу фамильныхъ прозвищъ относятся Антонюкъ, Пилипань, Романика, Андріяшъ, Григорашъ, Богданко, Грицай, Ѳедорка, Ѳедакъ. Такъ какъ личныя имена крестьянъ гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ личныя имена дворянъ, то среди первыхъ не трудно встрѣтить фамильныя названія Харченко (отъ Харитона), Кононенко, Артеменко, Гапоненко (отъ Агафонъ) и т. п. Разнообразіе это зависитъ отчасти отъ различнаго положенія священника въ селѣ и въ городѣ. Сельскій священникъ относится къ своимъ прихожанамъ болѣе или менѣе свысока, какъ къ людямъ, стоящимъ на низшей сравнительно съ нимъ степени духовнаго развитія, не стѣсняется ихъ мнѣніями и потому даетъ новорожденному имя того святого, память котораго празднуется въ день рожденія младенца или въ день первой о немъ молитвы. Въ городѣ священникъ подчиняется мнѣніямъ и желаніямъ интеллигентныхъ родителей новорожденнаго и даетъ ему имя, по выбору родителей, изъ наиболѣе употребительныхъ въ образованномъ обществѣ личныхъ именъ.

Вторую, весьма обширную группу прозвищъ фамильныхъ составляютъ прозвища *по мѣсту жительства*. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ различать два отдѣла: въ первый отдѣлъ входятъ прозванія по первоначальному, старинному мѣсту жительства, откуда произошло выселеніе; во второй отдѣлъ прозванія по данному мѣсту жительства, по наиболѣе характерной особенности той мѣстности, гдѣ находится хата. Въ первый отдѣлъ входятъ прозвища: Миргородскій, Новгородскій, Водолажскій, Трипольскій, Сумецъ и др. Во второй отдѣлъ—Луговецъ, Залужный, Гаевый, Боровый, Лозовый, Степовый, Бузынный, Очеретяный, Пиддубный, Байракъ (извѣстный запорожскій атаманъ), Забайрачный. Къ этому-же отдѣлу слѣдуетъ отнести такія прозвища, какъ Криничный, Бережный, Калюжный, Кутнякъ, при первоначальномъ своемъ появленіи обозначавшія нахожденіе хаты у колодца, или на берегу рѣчки, или на низкомъ мѣстѣ, гдѣ весной бываетъ большая лужа, или въ сельскомъ закоулкѣ. Сюда-же можно пріурочить прозвища Новохатскій и болѣе ясное, вполнѣ народное Новохатько.

Къ числу весьма характерныхъ фамильныхъ прозваній и въ добавокъ весьма многочисленныхъ принадлежатъ прозванія *по выдающимся особенностямъ физіономіи или характера*. Сюда относятся: Лайко, Бій, Бойко, Побиванецъ (первоначально забіяка); Буй, Гордына, Громовый (гордый, грозный); Дубяга, Зализнякъ, Жила (крутой человѣкъ); Левенецъ, Хижнякъ (хищный); Мурмыло, Неживый, Черепаха, Несмашный, Кислякъ (лѣнтяй, угрюмый); Горячій, Метла (въ XVII ст. начальникъ одного козацкаго отряда), Вертій, Борзый, Щиракъ, Баско (дѣятельный, быстрый); Лагода, Розумъ, Мозговый, Човпыло (умный); Патока, Солодай, Солодкій, Лащенко (краснорѣчивый, услужливый); Свѣтличный, Славнынъ, Женжуристый, Чепурный, Хорошунъ, Самоквитъ и т. п. Кромѣ того, встрѣчаются прозвища: Насыпайко, Сухомлинъ, Мякомелинъ, вѣроятно прозвища мірошниковъ по первоначальному своему происхожденію и значенію. Однородныя прозвища по росту, по физическимъ недостаткамъ, какъ-то: Величко, Довгаль, Малышъ, Малецъ, Куценко, Косякъ, Щербакъ, Ковтунъ, Криворучка, Дзюба. Карбань, Шрамко, Ключка, Запка, Губа, Безпалько, Головатый, Сыпливый, Безбородько. Сюда-же относятся прозвища: Забудько, Приходько, Засядко, Заходько (частый гость). Къ этому отдѣлу тѣсно примы-

каютъ прозвища по цвѣту лица или одежды: Чернота, Чернышъ, Сирко, Билыкъ, Бѣлашъ, Червоный и т. п. Наконецъ, къ этому отдѣлу можно пріурочить фамильныя прозванія, свидѣтельствующія о матеріальномъ достаткѣ лица. Въ крестьянскомъ быту каждый грошъ на счету, и всякое матеріальное пріобрѣтеніе подлежитъ суду общественнаго мнѣнія. Отсюда значительное число такихъ прозвищъ, какъ Копило, Роздобудько, Борзобогатый, Скоробогатый, Багацько (въ Запорожьѣ былъ судья Богацько), Бидняженко, Сиромаха, Сирота, Голый, Неижченко.

Весьма распространены прозванія *по ремеслу*. Наиболѣе свойственныя сельскому быту ремесленныя занятія сапожное и кузнечное дали наибольшее число фамильныхъ прозвищъ. Нѣтъ такого села, гдѣ не было-бы Шевченка и Коваля, Ковалевскаго, Ковальчука; встрѣчаются также Кравченки, Бондаренки, Рыбасы, Рымари, Котляры, Кушниры, Мирошниченки, Винниченки, Черевишные, Склярики и Шкляревскіе (склярикъ—стекольщикъ), Тесли, Справныки (справникъ—плотникъ), Шаповалы. Сюда-же относятся такія прозванія, какъ Крамарь, Базарный и т. п.

Особнякомъ стоятъ фамильныя прозвища *отъ именъ числительныхъ*; напримѣръ, Половинченко, Одинецъ, Первакъ, Пивторакъ, Третьякъ, Пятакъ, Шостакъ, Семеренко, Десятинъ, Сороковый. Что въ языкѣ и обыденной жизни прозвища этого рода представляютъ нѣчто особенное, своеобразное, видно изъ того, что производныя отъ нихъ прозванія на *ко* и *скій*, исключая прозванія Третяковскій, встрѣчаются рѣдко. Дѣло въ томъ, что причина возникновенія прозвища по числительному имени скоро теряется изъ памяти, и прозвище дѣлается отвлеченнымъ фамильнымъ значкомъ. Въ моментъ возникновенія прозвища смыслъ его бываетъ ясенъ; напримѣръ, Одинецъ означаетъ крестьянина бобыля или одинокаго жителя въ лѣсу; Пивторакъ,—когда при одномъ хозяинѣ работникѣ находится слабое и малосильное существо, требующее прокормленія. Пятакъ при своемъ возникновеніи могло означать то-же, что означаетъ встрѣчающееся въ Малороссіи прозвище Пятибратъ.

Прозвища *по названіямъ животныхъ* не принадлежатъ къ числу распространенныхъ. Въ исторіи Малороссіи встрѣчается однако довольно много дѣятелей съ такого рода прозвищами; напримѣръ: Гоголь, Крыса (сотникъ при Богданѣ Хмельницкомъ), Шпакъ (брац-

лавскій полковникъ), Пугачъ (гайдамацкій ватажокъ), Орликъ (гетманъ), Сычъ (кошевой атаманъ), Муха, Куликъ (козацкіе полковники), Голубъ (генеральный бунчужный при Самойловичѣ), Кишка (герой народной думы).

Повидимому, болѣе распространены въ настоящее время фамильныя прозвища *по названіямъ растеній.* Сюда относятся фамильныя прозванія: Верба, Дубъ, Калина, Лобода, Шандра (шандра—огородная трава въ родѣ мяты, ею вытираютъ внутри улья, чтобы пчелы плодились), Березка, Малинка, Маслакъ, Рѣпка (харьковскій полковникъ въ XVII ст.), Хмель (кіевскій купецъ въ XVII ст.), Бодянскій (бодянъ—limpinella anisum), Часныкъ, Гречка, Кулибаба (кулибаба—одуванчики, leontodon Taraxacum). Фамильное прозваніе Эварницкій, вѣроятно, представляетъ испорченную форму отъ первоначальнаго Яворницкій; послѣднему соотвѣтствуетъ извѣстное въ исторіи прозвище Яворскій. Квитки, благодаря лингвистическому родству своего фамильнаго прозвища съ цвѣтами, создали на эту тему поэтическій разсказъ о происхожденіи своей фамиліи и связали его съ основаніемъ Харькова. Разсказъ этотъ въ литературной формѣ изложенъ Г. Ѳ. Квиткой въ «Молодикѣ».

Къ числу характерныхъ фамильныхъ прозвищъ принадлежатъ прозвища *по названіямъ кушаньевъ и разныхъ предметовъ домашняго обихода;* напримѣръ, Галушка, Борщъ, Коржъ, Кнышъ, Мандрыка, Кисель, Макуха, Балабуха, Скрынька, Халява, Сокирка, Лантухъ, Лембикъ (лембикъ—мѣдный сосудъ для перегонки и очистки водки). Фамильныя прозванія разсматриваемаго разряда устойчивы; производныя отъ нихъ встрѣчаются рѣдко.

Малороссіянъ считаютъ юмористами отъ природы. Такую репутацію укрѣпили за ними Котляревскій, Квитка и Гоголь. Дѣйствительно, наклонность къ юмору проникаетъ все существо малоросса, сказывается въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ. Какъ всякій юморъ, юморъ малоросса не заключаетъ въ себѣ элемента злобы. Это проявленіе насмѣшки надъ слабостями человѣка, при любви къ человѣку. Проявилась наклонность малоросса къ *юмору* и въ фамильныхъ прозваніяхъ. Прозваніе Махина (нѣчто очень большое) встрѣчается въ приложеніи къ человѣку небольшаго роста и, наоборотъ, въ шутку прозываютъ рослаго парубка Малютой. Нѣкоторыя прозвища по кушаньямъ, животнымъ (мелкимъ) и растені-

ямъ (дурнаго свойства) возникли изъ насмѣшки; напр. Жукъ, Муха, Макуха. Чистымъ порожденіемъ насмѣшки являются прозвища Бабій, Салогубъ, Верещака, Вытрещака, Чсчекало, Вошколупъ, Заплюсвичка, Пупъ, Подлипа, Приблуда, Мара, Довгопятъ, Доброштанъ, Маргуха, Прилипко, Плакса, Кандыба (въ Подоліи кандыба—дрянная лошадь) [1]), Кривошапка. Сюда-же относятся такія прозвища, какъ приведенныя выше: Вертій, Кислякъ, Метла. Попадаются въ этомъ разрядѣ прозвищъ довольно странныя, напримѣръ, Отченашъ, Продайвода, Уворвикишки.

Изрѣдка попадаются *прозвища съ указаніемъ на историческое явленіе или событіе;* напримѣръ, Гайдукъ (гайдукъ, слово венгерское, означало въ старину рослаго лакея; нынѣ гайдукомъ называютъ одинъ родъ танца), Сердюкъ (сердюками назывались козаки, составлявшіе гвардію гетмана и служившіе на жалованьѣ) и Палій—довольно распространенное нынѣ прозваніе фамильное. Въ старину Паліемъ называли того, кто жегъ непріятельскія села; такъ Паліемъ называли знаменитаго Іеремію Вишневецкаго. Впрочемъ нынѣ прозвище Палій можетъ снова возникать, какъ насмѣшливое прозваніе крестьянина, спалившаго по неосторожности свою хату. Повидимому, очень любопытная историко-бытовая черта кроется въ прозвищѣ Мороховецъ, встрѣчающемся въ харьковской губерніи среди крестьянъ. Судя по этимологіи слова, Мороховцемъ назвали впервые того, кто спасъ свою жизнь, спрятавшись въ морѣ или рѣкѣ. Во время набѣговъ татаръ или послѣ неудачныхъ военныхъ столкновеній съ татарами, малороссійскіе, преимущественно хитрые на всякія штуки запорожскіе козаки скрывались или въ лѣсу, гдѣ былъ лѣсъ, или въ рѣчныхъ камышахъ, или прятались съ головой въ водѣ, причемъ во рту держали длинную очеретинку, пустую въ серединѣ, чтобы втягивать черезъ нее воздухъ. Этотъ странный способъ самосохраненія, разумѣется, имѣлъ мѣсто лишь въ крайнихъ случаяхъ опасности, въ безлѣсной мѣстности, гдѣ оказывался вблизи очеретъ.

Малороссы въ старинное время стояли въ тѣсной связи съ своими сосѣдями: татарами, молдаванами, поляками, съ половины XVII ст. съ великороссіянами; въ Украинѣ было много разныхъ инородцевъ: грековъ, армянъ, въ особенности нѣмцевъ и евреевъ.

---

[1]) Чубинскій, Труды эт.-ст. эксп. т. VII и I, стр. 262.

Однихъ тянула въ Малороссію жажда легкой торговой наживы; другіе являлись, какъ грабители и хищники; третіи какъ мирные колонисты и ремесленники. Въ широкое малорусское этнографическое русло вливалось много стороннихъ этнографическихъ струй и потоковъ. Примѣсь инородческаго элемента обнаруживается въ физическихъ очертаніяхъ малоросса, въ особенностяхъ его нравственнаго характера, въ одеждѣ, въ многихъ событіяхъ и явленіяхъ прошлой исторической жизни, въ языкѣ, въ фамильныхъ прозвищахъ. Инородческая примѣсь измѣнялась по мѣстностямъ, въ однихъ мѣстахъ проникалъ литовскій элементъ, въ другихъ молдавскій, въ третьихъ ощущалось вліяніе нѣмцевъ или татаръ. Несомнѣнно присутствіе въ старинное время въ Малороссіи *румынъ;* замѣтно румынское вліяніе въ области названій по скотоводству; извѣстно, что Румынія дала Украйнѣ Памву Берынду и Петра Могилу, Украйна помогала молдаванамъ своими военными силами и типографіями. Насколько значителенъ румынскій элементъ въ фамильныхъ прозваніяхъ во всей Малороссіи, судить трудно; можно только сказать, что въ восточной ея части элементъ этотъ весьма незначителенъ, хотя и тутъ попадаются такія фамиліи, какъ Стратула, Волохъ, Бонческулъ.

Сколько можно судить по имѣющемуся у насъ подъ руками матеріалу, составляющему небольшой отрывокъ изъ громаднаго цѣлаго, въ числѣ крестьянскихъ и даже аристократическихъ малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ *прозвища нѣмецкаго происхожденія* составляютъ ничтожный процентъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что въ языкѣ малорусскомъ много нѣмецкихъ словъ. Повидимому, нѣмцы въ старинное время оказывали на Малороссію значительное культурное вліяніе; несомнѣнно, что вліяніе это шло не только посредствомъ Польши, но и непосредственно отъ нѣмецкихъ колонистовъ, торговцевъ, ремесленниковъ и наемныхъ нѣмецкихъ ратныхъ людей, проживавшихъ въ правобережной Украйнѣ, преимущественно въ городахъ. Оказывая на малороссовъ вліяніе относительно ремесленныхъ занятій и домашняго быта, нѣмцы однако стояли особнякомъ, очень мало смѣшивались съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ. Извѣстная малорусская фамилія Сулимъ производилась отъ нѣмецкихъ графовъ Сольмъ. Изъ украинскихъ фамильныхъ прозвищъ нѣмецкаго происхожденія за-

служиваетъ вниманія прозвище Гизель, которое въ половинѣ XVII ст. носилъ извѣстный ученостью и благотворительностью кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій. Вишневскій ошибочно слово Гизель считалъ испорченной формой слова Кисель и даже роднилъ Иннокентія Гизеля съ извѣстнымъ Евстафіемъ Киселемъ («byl podobno bratem Kisiela Eustachego»)[1]). Гизель—нѣмецъ по происхожденію, и на мѣстѣ его родины, въ Пруссіи, его фамильное прозвище, должно быть, звучало Gesell, что значитъ товарищъ, веселый парень. Придерживаясь такого словопроизводства, начальное *Г* нужно произносить твердо и удареніе дѣлать на второмъ слогѣ. Что современники Гизеля начальное Г произносили твердо, видно изъ того, что поляки писали Gisiel, а малороссіяне Кгизель.

Говоря о малорусскихъ фамильныхъ *прозвищахъ татарскаго происхожденія*, нужно сказать противное тому, что было сказано о прозвищахъ нѣмецкаго происхожденія. Повидимому, фамильныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія гораздо болѣе, чѣмъ татарскихъ словъ въ обозначеніи предметовъ хозяйства, домашняго быта. Исторія доказываетъ, что между татарами и малороссами было тѣсное общеніе, правда, для послѣднихъ невольное и горькое, общеніе преимущественно военное, отчасти торговое. Существовало даже особое слово «тума», которое означало человѣка, происшедшаго отъ помѣси татарской и русской крови, а можетъ быть, лишь родившагося въ Крыму[2]). Въ началѣ XVI ст. въ составъ западно-русскихъ дворянскихъ фамилій вошли крещеныя татарскія семьи Глинскихъ, Кобызевичей, Шабловскихъ и друг. Татарскіе земяне съ правами шляхтичей встрѣчаются въ южной Россіи въ XVI стол., напримѣръ, въ острожскомъ повѣтѣ. Въ числѣ жителей города Черкассъ 1536 г. встрѣчаются Берендѣй, Янъ-Меликъ-баша[3]). Казацкій гетманъ Павлюкъ Баюнъ († 1637) былъ сынъ крещенаго турка. Въ числѣ главныхъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго стоитъ крещеный татаринъ Джеджалыкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ настоящее время въ малорусскомъ простонародьи встрѣчается много фамильныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія, какъ тяжеловѣсный обло-

---

[1]) Wiszuewski, Hist. liter. polskiey, т. XIII, стр. 421.

[2]) Потебня, Къ исторіи звуковъ, т. II, стр. 14.

[3]) «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрск. кн., стр. 19, 27.

мокъ южно-русской старины. Довольно часто встрѣчаются крестьяне съ прозвищами Ходжа, Баша, Якубовичъ, Кочубей, Дундукъ (въ татарскомъ языкѣ дундукъ—угрюмый, суровый), Кучмій, Колча, Озаматъ, Бунякъ, Бурдукъ, Джулай, Келабъ, Кафунъ, Бузукъ. Можно сказать, что почти всѣ прозвища, оканчивающіяся на *бей*, и весьма многія съ окончаніемъ на *ай*, *ій*, *укъ*, *юкъ* татарскаго происхожденія. Прозвище Сагайдачный—также иноземнаго, вѣроятно, татарскаго происхожденія. Слово сагайдакъ давно уже вошло въ русскій и малорусскій языки въ значеніи тула, влагалища для стрѣлъ. Такъ объясняетъ это слово и Памво Берында въ «Лексиконѣ словенороссійскомъ» 1627 года. Фамильныя прозвища Чугай, Чугуевецъ, Чугаевъ, Чугинъ—татарскаго, быть можетъ, даже половецкаго происхожденія. Между половецкими князьями встрѣчается Чуга. Слово «чуга», какъ составная часть, входитъ въ наименованіе городовъ Чугуевъ, Кременчугъ.

Измѣненіе малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ происходило подъ вліяніемъ тѣхъ культурныхъ движеній, которыя обнаружились въ обществѣ. Фамильныя названія видоизмѣнялись въ угоду той или другой группѣ дѣятелей, которая возвышалась надъ народомъ культурнымъ образомъ или административнымъ своимъ положеніемъ. Даже въ такомъ случаѣ, когда высотѣ административнаго положенія не отвѣчала высота культурнаго развитія господствующей въ обществѣ группы дѣятелей, господствующая въ краѣ сила все-таки давала извѣстное направленіе мѣстной, краевой жизни, подтягивала ее подъ тѣ или другія формы общественнаго существованія и, видоизмѣняя разныя проявленія народной жизни, измѣняла и прозвища фамильныя. Отрѣшеніе общества отъ народа, отдѣленіе людей знатныхъ и уроженыхъ отъ тѣхъ, что «изъ одной мисочки борщикъ хлебчуть и сами соби панове и слуги суть», возникновеніе и усиленіе духовнаго разрыва между высшими и низшими слоями народа немедленно отражались на фамильныхъ прозваніяхъ, вызывали ихъ видоизмѣненіе.

Уже въ первые годы XVII ст. благомыслящіе малороссіяне жаловались на полонизированіе южно-русскихъ фамильныхъ прозваній, какъ на явный признакъ пренебреженія къ родному краю и къ православной вѣрѣ. Суровый инокъ аѳонской горы Іоаннъ Вишенскій рѣзко упрекалъ южнорусскую аристократію въ стремленіи подлизываться къ польскому панству и покупать его милостивое обхож-

денія перемѣной религіозныхъ вѣрованій, прадѣдовскаго языка, обычаевъ, фамильнаго прозванія. Неизвѣстный авторъ «Перестроги» отмѣтилъ то, въ началѣ XVII ст. уже достаточно замѣтное, бытовое явленіе, что «русскіе, войдя въ общеніе съ поляками, позавидовали ихъ обычаямъ, языку и наукамъ и, не имѣя своихъ наукъ, въ науки римскія своихъ дѣтей стали отдавать; науки-же, вліяя на дѣтей съ малолѣтства, всю аристократію русскую перевели въ римскую вѣру, такъ что потомки русскихъ князей изъ православной вѣры перешли въ римскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ поизмѣняли свои фамиліи и имена, какъ будто никогда и не назывались потомками благочестивыхъ прародителей своихъ» [1]). Полонизированіе фамильнаго прозванія часто являлось результатомъ политическаго сближенія съ поляками и истекавшаго отсюда проявленія шляхетскаго гонора; такъ, извѣстный въ исторіи Малороссіи XVII ст. Золотаренко, сблизившись съ поляками, сталъ называться Златаревскимъ. Въ «Исторіи Руссовъ» Конисскаго встрѣчается заслуживающее вниманія свидѣтельство, что малороссіяне иногда измѣняли свои фамильныя прозванія на польскій ладъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны латино-уніатовъ, и такимъ образомъ изъ Ходыки вышелъ Ходаковскій, изъ Чаплина Чаплинскій, изъ Бурка Бурковскій.

Несвойственное малорусскому языку окончаніе фамильнаго прозвища на *овъ* имѣютъ многіе интеллигентные малороссіяне изъ дворянъ. Въ старинное время, съ переходомъ лица изъ крестьянскаго сословія въ дворянское, окончанія *овъ* или *инъ* являлись, какъ гербовый знакъ сравнительно высшаго общественнаго положенія. Съ цѣлью облагородить фамильное прозвище не только охотно принимали окончаніе *овъ*, но, если фамильное прозваніе было составное, изъ двухъ словъ, то измѣняли одно изъ составныхъ, почему-либо неудобное слово; такъ изъ Салогубъ возникло Соллогубъ. Нужно замѣтить, что окончаніе *овъ* возникало иногда чисто канцелярскимъ или приказнымъ путемъ. Въ старинное время въ московскомъ государствѣ личность, какъ извѣстно, была принижена, и это приниженіе, между прочимъ, выражалось въ урѣзкѣ фамильнаго прозванія. Немногія лица и лишь съ царскаго соизволенія могли пользоваться отчествомъ своимъ на *вичъ*. Для лицъ незнатныхъ это *вичъ*

[1]) Акты западной Россіи, т. IV, № 149, стр. 204.

отбрасывали и вмѣсто него ставили *овъ*, какъ выраженіе приниженнаго положенія лица. Если и фамильное названіе оканчивалось на *вичъ*, то и съ нимъ поступали такимъ-же образомъ. Извѣстные въ малорусской исторіи политическіе дѣятели XVII вѣка, епископъ Меѳодій Филимоновичъ и протоіерей Адамовичъ, въ московскихъ актахъ XVII столѣтія обозначены—первый Филимоновымъ, второй Адамовымъ. Точно также Самойловича, по удаленіи его отъ гетманства, называли Самойловымъ.

Много характерныхъ фамильныхъ прозваній было измѣнено въ старину архіереями и ректорами духовныхъ семинарій. Поступаетъ въ духовное училище, положимъ, какой-нибудь Кнышъ, Халява или Горобець; преосвященный пересматриваетъ списокъ учениковъ и переименовываетъ Кныша въ Меліоранскаго, Халяву въ Орнатскаго, Горобца въ Сперанскаго. Иногда новое прозваніе представляло простой переводъ на латинскій или греческій языкъ малорусскаго прозвища, а такое обыкновеніе было распространено въ Германіи въ XVI ст. (Шварцерде-Меланхтонъ, Вейеръ-Писципаріусъ и др.) и вѣроятно, черезъ Польшу, гдѣ оно плохо привилось, перешло въ Малороссію и здѣсь было отчасти принято духовными лицами. Первымъ по времени свидѣтельствомъ перевода фамильнаго названія служитъ прозвище извѣстнаго южно-русскаго писателя конца шестнадцатаго вѣка Стефана Зизанія. Въ русскомъ переводѣ Зизаній означаетъ *куколь*. Латино-уніатскіе писатели предпочитали называть Зизанія его настоящимъ именемъ съ тѣмъ, чтобы выставить себя чистой пшеницей на нивѣ Господней. Прозваніе Галятовскій отзывается семинарщиной. Въ латинскомъ языкѣ galaxias—бѣлый, какъ молоко, galactites—камень по цвѣту похожій на молоко. Вѣроятно, первоначальное прозвище черниговскаго архимандрита XVII в. Іоанникія было Молочко или Молочный, потомъ уже явилось и навсегда за нимъ осталось искуственное прозвище Галятовскій.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА.

Покойная моя матушка, Наталья Борисовна, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, подобно многимъ членамъ тогдашняго русскаго общества, поддалась вліянію новыхъ, гуманныхъ «вѣяній» и, какъ женщина умная, для свѣтской-же барыни, начитанная и образованная, съумѣла привлечь въ свою гостинную кружекъ людей, подвизавшихся на литературномъ и художественномъ поприщахъ. Довольно сказать, что писатели Полонскій, Щербина, Майковъ, художники Пименовъ, Айвазовскій, Соколовъ и другіе были постоянными посѣтителями нашего дома. Ив. С. Тургеневъ въ свой пріѣздъ въ Россію появлялся также въ гостинной матушки. Кромѣ дебатированія всевозможныхъ и невозможныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ то время, какъ грибы послѣ дождя, смѣю теперь думать, что крѣпостной поваръ нашъ Семенъ, ученикъ славной кухни гр. Нессельроде, не мало способствовалъ своими гастрономическими талантами, привлеченію и сплоченію этого небольшаго интеллигентнаго кружка.

Хотя я былъ совершеннымъ еще мальчикомъ (мнѣ было лѣтъ 13, 14), на мнѣ отразились упомянутыя «вѣянія», благодаря моему наставнику В. А. Фуксъ, человѣку умному и пылкому [1]). Я восторженно относился къ бывавшимъ у матушки литературнымъ и артистическимъ корифеямъ и, сколько могъ, старался вникать въ смыслъ неумолкаемыхъ диспутовъ и пререканій, которыя велись,

[1]) В. А. Фуксъ, нынѣ преподаватель въ частной московской гимназіи.

съ рѣдкимъ увлеченіемъ, и во всѣхъ тогдашнихъ салонахъ и кабинетахъ. То было время общей лихорадки, когда напримѣръ изъ за какой нибудь статьи «Современника», люди, въ обыкновенное время степенные и не рѣчистые, обращались въ какихъ-то изступленныхъ, готовыхъ въ первомъ попавшемся стаканѣ Chateau Lafitte'а или ликера, утопить неуступчиваго оппотента. Понятно, все это не могло не имѣть вліянія на шустраго мальчика и онъ невольно настраивался подъ общій діапазонъ.

Не вспомню въ точности, когда именно все чаще и чаще стало при мнѣ повторяться имя Шевченка. Отъ учителя своего я провѣдалъ, что этотъ Шевченко великій малорусскій поэтъ, поэтъ самородокъ, вышедшій изъ народа, много пострадавшій правды ради. Кто-то продекламировалъ мнѣ цѣлое стихотвореніе этого поэта, въ которомъ попадается комическій эпизодъ подзатыльника, берущій свое начало сверху и спускающійся по всѣмъ градаціямъ нисходящей служебной іерархіи.

Опять теперь не вспомню, когда и кѣмъ введенъ былъ въ домъ нашъ, приземистый, лысый, усатый человѣкъ, котораго всѣ сразу, а мы дѣти въ особенности, полюбили и съ которымъ стали, такъ сказать, на короткую ногу. Особенно ухаживали за нимъ, старались ему угодить наши крѣпостные люди, все уроженцы Малороссіи. Оказалось, что они всѣ давно его знали, что онъ всѣмъ имъ былъ близокъ, благодаря тому обстоятельству, что у дворецкаго Пивоваренка имѣлось старое изданіе «Кобзаря» эта маленькая засаленная книжка переходила изъ рукъ въ руки, безжалостно трепалась, путешествуя изъ кухни въ переднюю; стихи выучивались наизусть и своими родными теплыми мотивами помогали этимъ простымъ людямъ переноситься мысленно на далекую родину. На заглавномъ листкѣ этой книжки изъ-подъ толстаго слоя грязи, выглядывалъ бандуристъ сидѣвшій, подъ вербами. Съ того времени мнѣ ни разу не пришлось напасть на это изданіе.

Тѣмъ, что Шевченко, войдя въ домъ моей матери, сразу и безъ всякаго съ его стороны заискиванія, съумѣлъ заевоевать общую симпатію всѣхъ домашнихъ, начиная съ затянутыхъ гувернантокъ-англичанокъ и кончая выѣзднымъ «человѣкомъ», лучше всего доказывается, на сколько онъ былъ симпатиченъ, на сколько своей простотой, сердечностью, однимъ своимъ появленіемъ не произвольно

привязывалъ къ себѣ всѣхъ отъ малаго до великаго. Его нѣсколько угловатыя, но нисколько не вульгарныя манеры, простая рѣчь, добрая, умная улыбка, все какъ-то располагало къ нему и оставляло впечатлѣніе стараго знакомства, старой дружбы, при которой всякаго рода церемоніи становились излишними.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ восторженнаго наставника, весьма понятно, для меня этотъ добрый, чудаковатый поэтъ, въ моемъ почти дѣтскомъ воображеніи, принималъ видъ мученика, за правду претерпѣвшаго, и становился еще болѣе милымъ моему сердцу.

Матушка была хорошо знакома съ семействомъ временнаго президента академіи художествъ графа Толстаго, принимавшаго, какъ всѣмъ извѣстно, горячее и благотворное участіе въ судьбѣ Тараса Григорьевича и доставившаго ему, при возвращеніи его изъ ссылки, казенную мастерскую въ самомъ зданіи академіи. Весьма вѣроятно, что съ общаго согласія было условлено пригласить Тараса Григорьевича давать мнѣ уроки рисованія, дабы, подъ видомъ гонорара, оказать ему на первыхъ порахъ матеріальную помощь. Предложить ему денегъ никто-бы не рѣшился, и я имѣю основаніе предположить, что, благодаря этой маленькой хитрости, я сталъ въ одно прекрасное утро ученикомъ этого, по институтски «обожаемаго» мною, человѣка.

Три раза въ недѣлю отправлялся я въ академію и проводилъ передобѣденные часы въ мастерской моего учителя. Ученіе въ строгомъ смыслѣ было очень незначительно, оно главнымъ образомъ ограничивалось рисованіемъ одного и того-же цвѣточнаго горшка въ разныхъ положеніяхъ и на разныхъ плоскостяхъ. Особенной пользы отъ этого метода быть не могло уже потому, что однообразіе сюжета парализовало всякую охоту въ ученикѣ. Поѣздки-же на дальній Васильевскій Островъ, сидѣніе на положеніи взрослаго въ мастерской уважаемаго художника-поэта, артистическая, невиданная еще обстановка самой мастерской, наконецъ «пробриваніе» болѣе серіозныхъ, но за то и болѣе скучныхъ занятій, все это обращало для меня поѣздки въ академію въ настоящій праздникъ, для котораго я охотно мирился съ монотоніей неизмѣннаго горшка съ цвѣтами.

Находясь такимъ образомъ довольно часто «съ глазу на глазъ съ Тарасомъ Григорьевичемъ, я вполнѣ имѣлъ случай видѣть его

не стѣсненнымъ никакими свѣтскими условіями и пользуюсь этимъ, чтобы изъ всѣхъ силъ возстать противъ тѣхъ біографическихъ портретовъ, которые силятся изобразить моего учителя какимъ-то спившимся дикобразомъ. Въ домѣ моей матери, гдѣ онъ зачастую обѣдалъ и гдѣ вина подавалось въ изобиліи, никогда онъ не бывалъ въ «подпитіи». Бывая у него и засиживаясь по долгу, мнѣ никогда не случалось видѣть его въ невмѣняемомъ состояніи, никакихъ циническихъ выходокъ онъ себѣ не позволялъ, никакихъ грубыхъ выраженій не употреблялъ. Можно-ли наконецъ допустить, чтобы покойная матушка, женщина умная и свѣтская, рѣшилась отпустить своего сынишку къ завѣдомо пьющему человѣку—одного безъ всякаго присмотра? Можетъ быть, ему случалось «прорываться»; можетъ быть даже, что впослѣдствіи, когда я съ нимъ разстался, онъ сталъ злоупотреблять спиртными напитками; но во всякомъ случаѣ въ моей памяти его образъ сохранился совершенно чистымъ отъ этой унижающей слабости, и я душевно радуюсь тому, что не могу сочувствовать господамъ, изображающимъ Кобзаря, какъ я только что сказалъ, какимъ-то безобразнымъ чудовищемъ. Мнѣ очень досадно было читать въ книгѣ М. К. Чалаго описаніе дорогой мнѣ по воспоминаніямъ мастерской, въ которомъ она изображается извѣстнымъ монументныхъ дѣлъ мастеромъ чѣмъ-то въ родѣ отвратительнаго свинушника. Соглашаясь съ тѣмъ, что студія Тараса Григорьевича, а также и спальня его въ антресоляхъ, не представляли изъ себя interieur'а голандскаго Minherr'а, не могу согласиться съ безобразной картиной валяющихся повсюду гадостей, неубранной постели и прочихъ проявленій неряшливости, описанныхъ вышесказаннымъ отливателемъ комковидныхъ памятниковъ. Кто когда-либо бывалъ въ студіи художника, а тѣмъ болѣе небогатаго, тотъ не могъ не примѣтить присущій этимъ помѣщеніямъ специфическій безпорядокъ, происходящій частью отъ самаго рода занятій.

Такой именно безпорядокъ царилъ и у Шевченка въ его мастерской. Неряшества-же, грязи и безобразія въ ней было столько-же, сколько правды въ описаніяхъ господъ, уподобляющихъ ее кабаку или чему-то хуже.

Въ ту зиму, когда мнѣ впервые пришлось ѣздить къ Тарасу Григорьевичу, онъ началъ заниматься офортными (eau forte) рабо-

тами; причемъ онъ избралъ себѣ въ руководители и наставники величайшаго мастера этого дѣла Рембрандта и усердно копировалъ его неподражаемые рисунки. Бывало такъ, что мое рисованіе прерывалось предложеніемъ идти вмѣстѣ въ академическую библіотеку, эрмитажъ или къ кому либо изъ коллекціонеровъ, чтобы посмотрѣть какой нибудь невиданный еще рембрандтовскій офортъ. Понятна радость, съ которой я шелъ на такое предложеніе, и гордость, съ которою шествовалъ по корридорамъ академіи или улицамъ Петербурга, сопутствуя моему дорогому учителю въ его невѣроятной, всѣмъ знакомой, мерлушичьей шапкѣ. Часто заходилъ къ Шевченку господинъ Маринъ, обладатель чудесной коллекціи гравюръ, причемъ, какъ большой знатокъ этого дѣла, толковалъ съ Тарасомъ Григорьевичемъ о разныхъ тонкостяхъ этого своеобразнаго и труднаго искусства.

Помнится, что однажды я нашелъ Тараса Григорьевича въ большой суетѣ. Онъ собирался писать масляными красками портретъ извѣстнаго Кочубея, по заказу одного изъ его потомковъ. Требовались: холстъ, разные аксессуары, въ родѣ бархата, парчи, собольяго мѣха и т. п. Тарасъ Григорьевичъ взялъ меня съ собою, и мы до поздняго вечера прошлялись по городу, розыскивая всѣ эти вещи, причемъ, нисколько не стѣсняясь сопровождавшимъ его «хлопцемъ», онъ заходилъ въ лавки, къ костюмерамъ, въ знакомые ему дома. По поводу того-же Кочубея, одинъ изъ уроковъ прошелъ въ томъ, что мы, забравшись въ какую-то преогромную академическую, не то кладовую, не то чердакъ, рылись въ цѣломъ хаосѣ запыленныхъ старыхъ картинъ, чтобы розыскать какіе-то портреты какихъ-то малороссійскихъ гетмановъ (или даже гетмана), нужные ему для большей вѣрности Кочубеевскаго костюма. Послѣ долгихъ поисковъ, измаранные, какъ черти, отрыли мы какого-то стараго чубатаго господина и, окрестивъ его почему-то «Мазепой», торжественно приволокли въ студію. Былъ-ли когда окончень этотъ кочубеевскій портретъ, натворившій столько хлопотъ Шевченку, и гдѣ онъ теперь находится?—Посѣщавшіе Шевченка художники единогласно хвалили его работу, что приводило его въ отличное расположеніе духа, выражавшееся тѣмъ, что онъ, подходя къ своей работѣ, давалъ разныя нѣжно ругательныя прозвища «богатой и знатной» Мазепиной жертвѣ. Кромѣ этой работы я помню еще

исполнявшіеся при мнѣ рисунки сепіей. Одинъ изображалъ стараго турка, въ родѣ тѣхъ, которые красуются на табачныхъ вывѣскахъ, т. е. въ полной своей турецкой формѣ, въ чалмѣ, при кинжалѣ и чубукѣ, сидящаго, безъ особенно видимыхъ цѣлей, рядомъ съ одалиской. Для этой работы являлся старикъ натурщикъ и очень скромная, почти даже безобразная натурщица. На другомъ рисункѣ изображались довольно легко одѣтыя днѣпровскія русалки, увлекавшія молодаго козака на дно рѣки. Козакъ почему-то не удавался Тарасу Григорьевичу и смывался безпощадно; при этомъ и безъ того страдательный запорожецъ обзывался «бисовой дитиной» и иными непріятными эпитетами. Какъ ни старался я заступиться за бѣднягу, неутомимая кисть продолжала свое разрушительное дѣло, и на мѣсто сгинувшаго козачины къ слѣдующему уроку появлялся его замѣститель, котораго русалки продолжали увлекать въ днѣпровскую пучину. Нужно замѣтить, что съ дамами или дѣвицами, бравшими на себя трудъ позировать для русалокъ, я никогда не встрѣчался. Для изображенія козака мнѣ случалось по долгу валяться на диванѣ, свѣсивши руку и ногу, иногда въ очень неудобной и даже мучительной позѣ. Судьба, постигшая эти двѣ сепіи, мнѣ также неизвѣстна, какъ судьба портрета масляными красками.

Являясь очень аккуратно въ часы, назначенные для уроковъ, я иногда не заставалъ хозяина дома. Въ такихъ случаяхъ на дверяхъ мастерской мѣломъ бывало написано: гдѣ онъ, когда вернется или у кого изъ служителей находится ключь. Вообще двери исписывались именами незаставшихъ хозяина посѣтителей, иногда даже выраженіями почтенія или восторга, преимущественно на малорусскомъ языкѣ; случалось даже, что обращенія къ «батьку» принимали стихотворную форму.

Порисовавши часокъ, мы подымались на верхъ, въ полутемный антресоль, служившій спальней Тараса Григорьевича, гдѣ происходило своеобразное и неизмѣнное угощеніе. Изъ огромной, воистину огромной, зеленой стеклянной банки извлекались кильки, сторожъ-старичекъ, отставной солдатъ, вѣчно чѣмъ-то недовольный, приносилъ свѣжаго хлѣба; хозяинъ выпивалъ рюмку «горилки», и мы принимались уплетать непомѣрное количество этихъ ревельскихъ рыбокъ. Повторяю разъ сказанное, никогда Шевченко при этомъ

пьянымъ не напивался и никакихъ излишествъ себѣ не позволялъ. Окончивъ этотъ незатѣйливый пиръ, мы обратно спускались въ мастерскую, и Тарасъ Григорьевичъ снова принимался за свои мѣдныя доски, подъ носомъ напѣвая какіе-то заунывные мотивы, гдѣ слова въ родѣ «серденько», «дивчина» и т. п. возвращались постоянно. Иногда-же онъ садился къ маленькому столику и начиналъ тихо, почти осторожно выводить на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги какія-то, не то старческія, не то старинныя каракули. Бывали такіе случаи, что онъ подзоветъ меня и тихимъ, добрымъ такимъ голосомъ начнетъ читать мнѣ не вполнѣ понятные для меня малорусскіе стихи. Очевидно, что, въ виду моихъ ограниченныхъ познаній въ этомъ языкѣ, роль мольеровской служанки была мнѣ не подъ силу, тѣмъ не менѣе я готовъ былъ плакать, какъ ребенокъ, такъ уже жалостно, припѣвисто-нѣжно выходили эти стихи изъ устъ Кобзаря.

За декламаціей иногда слѣдовало поясненіе самой темы. Такъ напримѣръ, однажды сюжетомъ стихотворенія былъ сонъ крестьянской матери, что послужило поводомъ къ длинному разсказу о томъ, какъ живутъ бѣдные крестьяне, какъ плохо имъ живется и какъ, благодаря государю Александру, для нихъ открывается иная жизнь.

Поправляя мои рисунки, Тарасъ Григорьевичъ часто и охотно пускался разсказывать мнѣ разнаго рода забавныя вещи, часто на сцену выводилась его солдатская жизнь, въ далекой степи. Много смѣху бывало при воспоминаніяхъ о какомъ-то плутѣ жидкѣ-солдатикѣ, который вѣчно «шкодилъ» и всегда успѣшно «откручивался» отъ грозныхъ наказаній начальства.

Иногда-же разсказы принимали болѣе мрачный колоритъ. Вспоминая свою солдатчину, Шевченко вытащилъ изъ запыленной папки цѣлую послѣдовательную серію рисунковъ; одинъ изъ нихъ представлялъ наказаніе шпицъ-рутенами. Объясняя по этому рисунку, какимъ образомъ производилось это истязаніе, и видя, что я собираюсь ревѣть, онъ, къ моей великой радости, объявилъ мнѣ, что этому звѣрству насталъ желаемый конецъ. Въ этотъ-то день я на послѣдній гривенникъ пріобрѣлъ портретъ Государя. Въ той-же папкѣ, между прочимъ, былъ другой рисунокъ, врѣзавшійся также въ моей молодой памяти, такъ какъ представлялъ подкутившихъ

купчиковъ, жарящихъ яичницу на горящихъ кредитныхъ бумажкахъ. Принадлежалъ-ли этотъ этнографическій рисунокъ къ серіи рисунковъ изъ солдатской жизни, теперь не припомню.

Много доводилось мнѣ слышать разсказовъ о старой Малороссіи, про Сѣчь запорожскую, войны, про вѣдьмъ, русалокъ, славныхъ гетмановъ, лихихъ мореходцевъ и пр. Наскучившись вѣчно поворачиваемымъ со стороны на сторону горшкомъ, я подберусь бывало къ Тарасу Григорьевичу и не безъ хитрости начну разными вопросами наводить его на любимыя его темы. Время летѣло незамѣтно, когда, поддаваясь моимъ замысламъ, Дорошенко и Сагайдачный снова принимались нещадно бить «ляхивъ» и прочихъ супостатовъ, и ни разу этотъ добрый человѣкъ не пугнулъ отъ себя назойливаго мальчугана.

Къ Шевченку, въ его мастерскую часто захаживали посѣтители, по большей части его-же земляки. Понятно, что въ такихъ случаяхъ бесѣды велись исключительно на малорусскомъ діалектѣ. Чаще всѣхъ бывалъ г. Кулишъ, посѣщеніе котораго потому засѣло у меня въ памяти, что я почему-то считалъ эту фамилію ужъ больно странной. Случалось иногда быть свидѣтелемъ трогательныхъ встрѣчъ съ горячими объятіями, цѣлованіями, даже проливаніемъ слёзъ.

Помню, какъ-то одинъ изъ гостей принесъ съ собою довольно объемистый портфель, повидимому остававшійся гдѣ-то съ давнихъ поръ на сохраненіи. Когда гость удалился, Тарасъ Григорьевичъ принялся при моей помощи разбирать находившіеся въ портфелѣ, или папкѣ бумаги и рисунки. Радовался онъ имъ, какъ малый ребенокъ, и тутъ-же, въ награду за труды, подарилъ мнѣ акварельный эскизъ Карла Брюллова, понынѣ у меня хранящійся. Между массой самыхъ разнообразныхъ этюдовъ, видовъ и набросковъ отыскался портретъ молодаго человѣка со свѣчей въ рукѣ; въ портретѣ этомъ тѣни на лицѣ были очень рѣзкія, растительность преобильная. Тарасъ Григорьевичъ предложилъ мнѣ отгадать, кого изображалъ этотъ рисунокъ. Разумѣется, я этого не могъ исполнить. Тогда онъ объявилъ, что это его собственный портретъ, имъ же самимъ давно когда-то рисованный, еще въ то время, когда онъ учился у Брюллова. Много онъ смѣялся моему удивленію, поглаживая свою лысую голову и расправляя запорожскій усъ и сравнивая себя, стоя предъ зеркаломъ, съ кудлатымъ безбородымъ

юношей со свѣчей въ рукѣ. Онъ утверждалъ, что въ свое время оригиналъ очень былъ схожъ съ портретомъ, а потому тѣмъ болѣе жалко, если этотъ портретъ Кобзаря въ цвѣтущую пору его творчества утерянъ безвозвратно.

Упомянутый въ книгѣ г-на Чалаго пріѣздъ въ Россію трагика Ольдриджа совершенно свѣже сохранился въ моей памяти, а также и то впечатлѣніе, которое онъ производилъ своей игрой на петербургскую публику того времени. Мнѣ случилось присутствовать при томъ, какъ покойная матушка, полушутя, полусеріозно дѣлала строгій выговоръ Шевченку и Н. Д. Старову [1]), большому пріятелю и почитателю поэта, за то, что они, бывъ приглашены ею въ ложу Маріинскаго театра, гдѣ подвизался Ольдриджъ, въ какую-то особенно патетическую минуту, въ избыткѣ восторга, подняли такую возню, гамъ и вопли, что не только обратили на себя общее вниманіе и протесты публики, но, не слушаясь увѣщаній моей матери, вынудили ее искать спасенія въ бѣгствѣ и уѣхать домой до окончанія спектакля. Бывшая тутъ-же въ ложѣ напыщенная, знатная барыня разобидѣлась въ конецъ и написала по этому поводу матушкѣ ядовитое письмо, отъ чего между ними произошла ссора. Шевченко и Старовъ молили о пощадѣ, обѣщаясь быть въ другой разъ сдержаннѣе въ проявленіяхъ своихъ восторговъ; матушка смилосердилась и отмѣнила принятое было рѣшеніе не брать ихъ болѣе въ свою ложу. И что-же? На слѣдующій разъ восторгъ взялъ свое, клятвенныя обѣщанія были забыты и пріятели совмѣстно нарушили общественную тишину и благочиніе, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый разъ, и къ неменьшей досадѣ бѣдной матушки.

Этотъ-же самый Старовъ влетитъ бывало въ мастерскую Тараса Григорьевича, начнетъ болтать, сообщать видѣнное, слышанное и лишь только роковымъ образомъ коснется «божественнаго», совершеннаго арапа, какъ начинался взаимный обмѣнъ впечатлѣній, напоминаніе того или другаго подмѣченнаго удачнаго момента въ этой или иной роли, подымалась возня, стулья отставлялись, глаза

[1]) Товарищъ и другъ моего батюшки по харьковскому университету, въ то время былъ преподавателемъ исторіи и русской словесности въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Личность до крайности симпатичная, Старовъ, нынѣ уже умершій, отличался юморомъ удивительнымъ.

дико выкатывались, начиналась жестикуляція, скрежетаніе зубовъ, Лиръ мѣшалъ Отелло покончить съ Дездемоной, Шейлоку не давали возобновить требованіе о мясѣ; все, что только попадало подъ руку, служило аксессуаромъ для усиленія эффекта; подушку на диванѣ безжалостно умерщвляли; однимъ словомъ происходило нѣчто совершенно баснословное. Я-же единственный зритель этихъ восторговъ или смѣялся до слёзъ или не на шутку подумывалъ объ отступленіи. Надо притомъ замѣтить, что оба эти энтузіаста были безусловно незнакомы съ языкомъ Шекспира, и это, повидимому, существенное обстоятельство, нисколько не мѣшало имъ до delirium-а проявлять поклоненіе таланту знаменитаго трагика. Въ обыкновенное время Шевченко скорѣе всего подходилъ подъ типъ такъ называемаго «степеннаго» человѣка.

На лѣто семейство наше уѣзжало въ деревню или за границу; съ возвращеніемъ-же въ Петербургъ занятія, или правильнѣе сказать поѣздки на Островъ, возобновлялись; на сколько помнится, въ 1860 году, вернувшись съ путешествія, я не былъ болѣе посылаемъ къ Тарасу Григорьевичу, такъ какъ между нимъ и моей матушкой произошла размолвка.

Дѣло было слѣдующее. Въ самомъ началѣ ихъ знакомства чѣмъ-то разстроганный Шевченко подарилъ моей матушкѣ рисунокъ, сдѣланный тушью и изображавшій его самого въ казармѣ, ночью, во время солдатской попойки, угощающимъ кренделемъ маленькаго киргизенка. Кромѣ дѣйствительно художественнаго достоинства (дивно передана пустая, дымная атмосфера казармы), этотъ рисунокъ особенно интересенъ тѣмъ, что, по словамъ самого художника, это была первая его попытка снова приняться за рисованіе послѣ долгаго запрета прикасаться къ перьямъ, карандашамъ и проч. письменнымъ и рисовальнымъ принадлежностямъ. Исторія добычи куска туши, сооруженія кисточки, самаго рисованія втихомолку и украдкой, все это составляло рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни ссыльнаго поэта и придавало этой вещицѣ особенную, если можно такъ выразиться, святую цѣнность.

Прошло года два со дня поднесенія рисунка. Тарасъ Григорьевичъ приходилъ въ домъ нашъ запросто, обѣдалъ, просиживалъ вечера и положительно считался своимъ, домашнимъ, всѣми любимымъ человѣкомъ. Крѣпко установившіяся по видимому добрыя отноше-

нія прервались совершенно внезапно. Однажды Шевченко попросилъ отдать ему нѣкогда подаренный имъ рисунокъ, говоря, что онъ ему нуженъ для снятія съ него фотографическаго снимка. При этомъ онъ такъ конфузился и путался въ словахъ, что матушка, не желая обидѣть его прямымъ отказомъ и въ тоже время замѣчая, по его необыкновенному смущенію, что онъ не говоритъ правды, рѣшилась, прежде чѣмъ исполнить его желаніе, спросить у профессора Пименова (общаго ихъ друга) объясненіе загадки, покуда-же она ограничилась уклончивымъ отвѣтомъ. Пименовъ рѣшительно посовѣтовалъ матушкѣ рисунка Шевченку не отдавать, такъ какъ, по его словамъ, Тарасъ Григорьевичъ часто высказывалъ сожалѣніе по поводу легкомыслія, съ которымъ онъ разстался съ нимъ. Кромѣ того, матушка уклонилась отъ исполненія просьбы Шевченка и подъ тѣмъ еще предлогомъ, что альбомъ, въ который между прочимъ былъ вклеенъ злополучный рисунокъ, на столько объемистъ и цѣненъ, что поручать его незнакомому фотографу она не рѣшается; она извѣстила поэта, что сама отвезетъ альбомъ къ извѣстному въ то время фотографу Робильяру, который лучше всякаго другаго сдѣлаетъ снимокъ, причемъ обойдется съ самымъ альбомомъ бережно, не испортивъ и не запачкавъ его. По полученіи этого отвѣта между Тарасомъ Григорьевичемъ и моей матерью возникла переписка, съ обоюднымъ обмѣномъ колкостей, послѣ которыхъ онъ пересталъ у насъ бывать. Какъ ни старалась впослѣдствіи моя матушка возобновить дружескія отношенія, Тарасъ Григорьевичъ не поддался никакимъ увѣщаніямъ, и всѣ старанія общихъ друзей устроить примиреніе остались безъ результата.

Насъ не было въ Петербургѣ, когда поэтъ скончался, и потому я не могъ отдать послѣдній долгъ моему доброму, дорогому учителю.

Б. Сухановъ-Подколзинъ.

Село Казинка
10 января 1885 года.

P. S. Кромѣ вышеупомянутаго рисунка, послужившаго причиной ссоры между Т. Г. Шевченкомъ и моей покойной матушкой, у меня сохранились слѣдующія его произведенія:

1) Портретъ меньшаго моего брата, простымъ карандашемъ, помѣченъ 1858 годомъ.

2) Большая сепія; сюжетъ: двѣ малороссіянки, стоящія съ коромыслами подъ вербами, вдали сидитъ Кобзарь.

3) Очень тщательно исполненная меньшая сепія, изображающая мать, стоящую на колѣняхъ и молящуюся предъ колыбелью спящаго ребенка.

Эти три вещицы не имѣютъ артистической цѣнности, чего нельзя сказать про рисунокъ тушью, который исполненъ очень бойко, съ большимъ вкусомъ и колоритно.

ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

(О школѣ и грамотности въ кіевской губерніи).

Прочитавъ замѣтку г-на К. Ц., напечатанную въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины», въ отдѣлѣ Извѣстій и Замѣтокъ, подъ заглавіемъ: «Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ», я вспомнилъ кое-что извѣстное мнѣ изъ сферы народной грамотности въ той-же мѣстности, что самому приходилось видѣть и слышать по сей части, и рѣшилъ передать, что сохранила память моя, къ свѣдѣнію интересующихся этимъ дѣломъ.

Въ шестидесятомъ году въ Кіевѣ были воскресныя школы. Мы, молодежь, съ такимъ рвеніемъ тогда отдавались этому дѣлу, что на каждаго ученика приходилось чуть не по два учителя. Я помню, какъ мы страстно хотѣли вдругъ научить желающихъ читать, какъ старались поскорѣе ограмотить неграмотныхъ, просвѣтить людей темныхъ, передать имъ все то, что сами знали. Пироговъ, Павловъ, Слѣпушкинъ, Чалый, Вороной, Бекманъ—вотъ памятныя имена того времени. Метода Золотова какъ-то вдругъ открыла намъ, учившимся читать по старому, новый способъ сочетанія звуковъ алфавита и рѣчи, и ученіе, благодаря нашему рвенію, шло съ замѣчательнымъ успѣхомъ и быстротою.

Тогда-же въ средѣ студентовъ поляковъ, особенно поляковъ особой украинской окраски, родилась мысль обученія грамотѣ мальчиковъ, имѣвшихся у многихъ студентовъ-панычей въ качествѣ крѣпостной прислуги. Я живо припоминаю то первое время объятій нашихъ съ народомъ. Помню вспышки негодованія противъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые смѣли добиваться отъ данныхъ имъ изъ дому мальчиковъ прислуживанія, а не ученія, которые

являлись по отношенію къ этимъ мальчикамъ господами, помѣщиками, а не *старшими братьями.* Спѣшу впрочемъ оговориться, что случаевъ нарушенія этого общаго любовнаго настроенія было не много.

Такъ какъ студенты-панычи, имѣвшіе изъ дому приставленныхъ къ нимъ мальчиковъ, были исключительно уроженцы юго-западнаго края, то и мальчики эти были кровные украинцы. Грамотѣ они обучались у насъ на природномъ ихъ малорусскомъ языкѣ, принятомъ за разговорный съ прислугою почти во всѣхъ панскихъ дворахъ того края. Ученіе шло тоже по методу Золотова—учились читать по разрѣзнымъ буквамъ. Для чтенія-же малорусскаго имѣлись грамотки Кулиша, надѣлавшія въ то время немало шума и послужившія встревоженнымъ панамъ уликою къ обвиненію университетской молодежи въ демагогической пропагандѣ. Велико на самомъ дѣлѣ было самоотверженіе и самозабвеніе студентовъ поляковъ, когда они для первоначальнаго чтенія мальчикамъ давали грамотку Кулиша, гдѣ съ первыхъ-же строкъ заявлялась ненависть ко всему лядскому.

Школа эта просуществовала недолго въ ея первоначальномъ видѣ. Разстроилась она главнымъ образомъ потому, что контингентъ ея вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ разсѣялся, отчасти-же и потому, что поляки студенты рѣзко повернули въ сторону зарождавшагося польскаго возстанія. Въ ограниченномъ числѣ (кажется пяти или шести мальчиковъ) школа эта поддерживалась кружкомъ студентовъ малороссіянъ. Рожденная *хлопоманами* она въ концѣ осталась на рукахъ *хохломановъ* (фраза эта понятна помнящимъ то время). Преслѣдуемая мѣстными властями, въ концѣ концовъ школа эта уничтожилась; но ученики этой школы продолжали ученіе при поддержкѣ того-же кружка въ гимназіи. Изъ числа этихъ учениковъ однихъ ужъ нѣтъ, а другіе далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ упованій.

Помню, что, кромѣ грамотки Кулиша, для малорусскаго чтенія у насъ были: плохенькій букварь Шевченка, повѣсти Квитки и Марка-Вовчка, Кобзарь, Чорна Рада Кулиша и частью книжки «Основы». Послѣ уже появились *метелики*—маленькія книжечки, предназначавшіяся для народнаго чтенія. Все это составляло скудный матеріалъ для народнаго воспитанія и чтенія. Скорѣе все это

воспитывало въ насъ самихъ любовь къ родному и народному, знакомило насъ съ народомъ и какъ нельзя больше отвѣчало нашему любовному настроенію по отношенію къ *меньшимъ братьямъ*.

Изъ университета я въ числѣ немногихъ бросился къ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу: хотѣлось учить народъ, у него учиться, признавалось главенство его соціальное если не *de facto*, то *de jure*. Очутился я въ глухой деревнѣ подпѣпровской Украины, гдѣ еще жила память о гайдамачинѣ, Желѣзнякѣ, Гонтѣ, Швачкѣ, Кравчинѣ, гдѣ, вслѣдъ за освобожденіемъ, въ памяти народной, особенно подъ чаркой, откапывались отрывки козацкихъ думъ и пѣсенъ. Я не стану говорить про то, что дѣлалось мною, чѣмъ я жилъ, какъ я жилъ: рѣчь идетъ о народной грамотности, о ней и буду говорить.

Учиться, скажу болѣе, поучаться кинулось ко мнѣ все село. Передъ глазами селянъ лежала новая, многознаменательная книга — Положеніе о *волѣ*. Любопытно было освобожденному крестьянину прочесть эту книгу своими глазами, уразумѣть ее, докопаться въ ней истиннаго смысла царскаго слова, скрываемаго, какъ говорили, панами; тутъ кроется, думалъ темный людъ, осуществленіе его завѣтныхъ идей. Каждый грамотный жадно впивался глазами въ эту книгу, стараясь вычитать въ ней пріятное для себя. Но большинство, если не всѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ принуждено было безотрадно отстраниться отъ непонятной грамоты. Можетъ быть, и дорогъ былъ я для селянъ какъ переводчикъ этого непонятнаго. Самъ я чувствовалъ что-то въ родѣ душевнаго удовлетворенія при обращеніяхъ ко мнѣ моихъ сосѣдей и вообще селянъ съ просьбами прочитать и растолковать Положеніе *о волѣ*. Иногда являлись ко мнѣ ночью, съ какою-то таинственностію, и я чувствовалъ, что мои вразумленія и просьбы не дѣлать этого, не таиться со чтеніемъ закона, уже обнародованнаго и приводимаго въ исполненіе, отчасти лишали меня престижа толкователя *достоменнаго* (настоящаго, истаго). Разъ, помню, между такими ночными посѣтителями я замѣтилъ одного грамотнаго, который слѣдилъ за моимъ чтеніемъ, чтобы я читалъ *правильно*, безъ упущеній. Это была своего рода провѣрка хитрыхъ украинцевъ. Подъ чаркой все выяснилось. Много времени спустя, мнѣ пришлось въ дѣлахъ слѣдственной коммиссіи прочитать, признаюсь, лестный для меня отзывъ: сказано было, что при

введенія уставной грамоты въ томъ селѣ, гдѣ я жилъ, замѣтно было вообще пониманіе крестьянами «Положенія» и разумное отношеніе къ дѣлу, благодаря моимъ толкованіямъ. Можетъ быть, такое впечатлѣніе осталось у членовъ коммиссіи потому, что они по навѣтамъ ожидали здѣсь чуть не бунта.

Для деревни въ 1861 г. грамотность стала необходимостію. Цѣлая масса новыхъ отношеній появилась вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ: волость и писарство, податныя книжки, уставныя грамоты, предписанія, требованія, циркуляры, учеты, приговоры—все это вдругъ стало передъ крестьяниномъ со всею необходимостію. Жизнь деревни, знавшей по сю пору только вотчинную власть пановъ и ихъ экономовъ, вдругъ стали втискивать въ рамку письменныхъ регламентацій.—Замѣчу кстати, что это письменное регламентированіе традиціонной жизни деревни впослѣдствіи стало причиною неудобнаго совмѣщенія въ выборномъ сельскомъ начальствѣ двухъ противуположныхъ функцій—представительства интересовъ выборщиковъ и орудія внѣшней для села государственной власти.—Впослѣдствіи грамотность въ селѣ повела къ своего рода деревенскому карьеризму, но въ 1861 году она нужна была сама по себѣ, нужна, какъ нуженъ почью фонарь, какъ микроскопъ изслѣдователю. Мужику хотѣлось прозрѣть въ этомъ новомъ для него мірѣ письменности, и если ужъ онъ сознавалъ себя слѣпымъ съ застарѣлою слѣпотою, то съ молодыхъ глазъ своихъ дѣтей желалъ снять эту катаракту. Эти молодые глаза замѣнили-бы для него его собственные, онъ имъ больше довѣрялъ, чѣмъ постороннимъ: свой *поводырь* лучше наемнаго. Лишь-бы только прочесть точно, безъ утайки, написанное, а понять поймемъ эту царскую бумагу, думалъ мужикъ, не предчувствуя всѣхъ хитросплетеній этого новаго строя жизни. При томъ-же предполагалось, что истинный смыслъ написаннаго вполнѣ отвѣчаетъ идеалу, созданному въ его пониманіи. Только-бы умѣть прочесть, излѣчить слѣпоту.

Но этихъ врачей было мало. По нуждѣ вспомнились старыя церковныя школы. Церковныя сторожки при церквахъ на Украйнѣ во многихъ мѣстахъ не переставали еще называться школами, хотя въ нихъ помѣщались только сторожа да бездомные причетники. Украинецъ повернулъ свои взоры съ надеждою къ духовенству. Но оно не могло отвѣтить на эти упованія: не всегда и не охотно

предлагало оно алчущему духовную пищу не соотвѣтствующую времени. Церковно-славянскія граматки, часословцы, псалтыри съ непонятною мертвою рѣчью, съ титлами и словотитлами, со всею трудностію обученія не отвѣчали назрѣвшей новой потребности. Помимо всего, духовенство, почуявъ неохраняемость мужика вотчинною опекою пана, ставъ, такъ сказать, лицемъ къ лицу съ мужикомъ, накинулось на него со своими нуждами, не всегда отграниченными строго отъ любостяжанія. Для незнакомыхъ съ порядками того времени въ юго-западномъ краѣ я прибавлю слѣдующее въ объясненіе высказаннаго мною. По проэкту обезпеченія православныхъ причтовъ въ томъ краѣ, сверхъ назначеннаго въ 1842 году жалованья, часть земли церковной должны были обработывать прихожане, т. е. помѣщичьи крестьяне, равно на ихъ-же обязанность возлагалась постройка и ремонтъ помѣщеній для причта. При крѣпостномъ правѣ обязательства крестьянъ были вмѣстѣ обязательствами самихъ помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе являлись отвѣтственными во всемъ за крестьянъ, находившихся въ ихъ полномъ распоряженіи. Понятно, что выполненіе крестьянами указанныхъ повинностей ставило церковные причты въ ближайшую зависимость отъ помѣщиковъ, и отъ личныхъ отношеній тѣхъ и другихъ зависѣло осуществленіе благаго намѣренія правительства по обезпеченію православнаго духовенства въ юго-западномъ краѣ. Захочетъ помѣщикъ, и крестьяне обработываютъ причту всю землю, притомъ въ пору, строятъ дома, хозяйственныя службы и огорожу въ самое короткое время. Денежныя и матеріальныя издержки по этимъ постройкамъ производились самими помѣщиками, и не всѣ изъ нихъ возвращали затраченное сборами съ крестьянъ. Такимъ образомъ и натуральныя работы и денежные сборы съ крестьянъ въ пользу причтовъ шли по приказу пановъ, за ихъ какъ-бы счетъ, иногда же и значительно ими облегчались, не возбуждая въ крестьянахъ ропота противъ священниковъ. Съ другой стороны предоставленное священникамъ право чтенія и объясненія прихожанамъ «Инвентарныхъ правилъ», наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ *царскіе* дни не было барщины, и возможность злоупотребленій помѣщичьей власти имѣли свой вѣсъ у помѣщика. Дѣло сводилось на компромиссы. Нужно помнить, что большинство помѣщиковъ на Украйнѣ поляки и католики. Послѣ освобожденія крестьянъ на послѣднихъ легла вся тяжесть

содержанія причтовъ, при чемъ устранилась какъ помощь помѣщика, такъ и въ иныхъ случаяхъ его контроль. Послѣднее сказалось въ возвышеніи по мѣстамъ платы за требы, что при крѣпостномъ правѣ не всегда было удобно. Я помню, благочиннымъ было приказано сдѣлать спросъ крестьянъ о томъ, какія школы имъ желательно имѣть—духовныя или свѣтскія. Отвѣты этого плебисцита были разные, смотря по умѣнью вопрошающихъ. «Вы только что нибудь *накинете* батюшкѣ, да соломки дадите на отопленіе—вотъ у васъ и школа будетъ. На что вамъ свѣтская грамота? Вамъ о душѣ нужно заботиться, поприлежнѣе быть къ Богу, къ церкви»..., увѣщевалъ громаду одинъ благочинный. Но мужики уперлись. «Буде вже й такъ, отвѣчала громада, батюшка самъ соби накинувъ: то було за винъчання бере одинъ карбованець, а то давай три, ще й литомъ щобъ молоди (вступающіе въ бракъ) по два дни одробляли... Ще й солому давать... та же винъ (т. е. батюшка) и такъ усю огорожу за зиму спаливъ (употребилъ на топливо), а по весни загадае городить... Мы такъ хочемо, якъ одъ Царя показано буде»... Не смотря на такіе или подобные отвѣты громадъ, оффиціальныя донесенія указывали на существованіе по деревнямъ при церквахъ школъ, въ которыхъ обучали дѣтей батюшки и причетники. На сколько иногда вѣрны были оффиціальныя свѣдѣнія того времени, можно судить по слѣдующему случаю, за истинность коего я отвѣчаю.

У насъ въ деревнѣ церкви не было, была только часовенька на кладбищѣ, а были мы приходомъ къ церкви сосѣдняго села П—цы. Приходскій нашъ священникъ о. Д. Р—скій былъ особаго покроя человѣкъ: молодой франтъ въ шелковой рясѣ съ *простоволосою* попадьей, большой стяжатель, не разбиравшій средствъ къ наживѣ и впослѣдствіи поплатившійся за свои недостойные поступки переводомъ на худшій приходъ. Вотъ этотъ-то батюшка и разсказываетъ однажды мнѣ при встрѣчѣ слѣдующее:

— А знаете—пріѣзжаю я отъ васъ (онъ былъ у насъ въ селѣ и видѣлся со мною), застаю у себя гостя: благочинный пріѣхалъ. Что такое?—думаю. Потревожился было. Ну, знаете, послалъ титаря собрать кое-что по селу для начальства... такъ хоть малую толику. Послалъ за экономомъ преферансикъ устроить... Оказывается, что благочинный пріѣхалъ обозрѣть училище. Гдѣ ему достать учениковъ?! Все это, знаете, въ полѣ. Ну, кое какъ обошелся. Я пока-

залъ. что у меня 40 учениковъ, а у васъ 23. Такъ и записано. Помните-же, а то какъ-бы не пробрехаться намъ.

Да! Вотъ вамъ и свѣдѣнія оффиціальныя.

На самомъ-же дѣлѣ въ Н—цахъ не было никакой школы, а было два ученика у дьячка—одинъ мальчикъ, а другой лѣтъ 17—18 парубокъ. Ученики эти читали и пѣли на клиросѣ и по праздникамъ ходили съ дьячкомъ *ильковать*, т. е. собирать доходъ, носили *коляду*. У меня-же въ ту пору было постоянныхъ только семь учениковъ.

Школъ дѣйствительныхъ, съ большимъ числомъ учащихся, съ споснымъ обученіемъ и содержаніемъ было мало, и винить въ этомъ было некого. Народъ еще не успѣлъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, администрація тоже; что касается священниковъ, то люди самоотверженные и между ними были рѣдкостью. Для заурядныхъ дѣло школьное было ново и не подъ силу, а было много и такихъ, которые не чувствовали къ нему никакой охоты, преслѣдуя совсѣмъ иныя цѣли. У меня была школа, оформленная письменнымъ порученіемъ этого дѣла мнѣ помянутымъ священникомъ, причемъ въ разрѣшеніи было написано: «*подъ моимъ наблюденіемъ и при моемъ участіи въ преподаваніи закона Божія*». *Наблюденіе и участіе* выразилось развѣ въ томъ, что батюшка взвелъ на меня напраслину, показавъ благочинному, что у меня 23 ученика. Ни разу онъ не былъ въ нашей школѣ, ни единаго слова не преподалъ ученикамъ.

Школа моя, если ее такъ можно назвать, не имѣла постояннаго числа учениковъ: зимою учениковъ было больше, лѣтомъ меньше. Мальчиковъ—*школьниковъ* было отъ 3 до 12-ти, не болѣе. Кромѣ того зимою у меня и у моего брата учились взрослые три парубка. Они отстали отъ ученія, какъ только научились разбирать, складывать буквы. Ихъ отняло отъ ученія хозяйство, домашній обиходъ. Но послѣ я узналъ, что они все-таки не бросили совершенно грамоту и подоучивались сами читать печатное.

Училъ я мальчиковъ по малорусски, по методу Золотова. Наука давалась имъ легко, и скоростію обученія чтенію я много выигрывалъ во мнѣніи родителей: скорое обученіе, безъ мученія, видимо имъ нравилось. Разъ, помню, грамотный (умѣвшій читать церковную печать и подписывать свою фамилію) волостной старшина

переконфузилъ, въ присутствіи нѣсколькихъ нашихъ громадянъ, моихъ учениковъ: онъ *загадавъ* имъ разрѣзныя буквы уложить по алфавитному порядку: *а, б, в, г, д, е,* и т. д.; мои ученики этого не могли сдѣлать и этимъ вызвали сенсаціонное замѣчаніе старшины: «*бачъ, учатьця, а азбуки не знають*». Присутствующіе громадяне были тоже сконфужены, такъ какъ они превозносили мое обученіе. Я вмѣсто всякихъ объясненій развернулъ на удачу бывшее подъ рукой «Положеніе», и большая часть учениковъ свободно прочли указанное. Это уронило въ свою очередь престижъ экзаменатора. Я этимъ не ограничился. Въ ближайшій воскресный день изъ церкви я взялъ въ волостное правленіе двухъ своихъ учениковъ и позвалъ меньшаго, однако бойко читавшаго на клиросѣ, дьячковскаго ученика. Въ волости были и наши громадяне. Предложено было прочесть что-либо въ «Положенія» клиросному чтецу, и онъ не могъ прочитать ни одной строчки, мои-же не ударили въ грязь лицемъ и читали свободно. Не скрою, что это были лучшіе мои ученики. Побѣда была полная и вызвала немалую сенсацію, особенно когда я не поскупился на объясненія.

Для чтенія у меня имѣлось только то, что было напечатано по малорусски. Да и что-же было тогда писано для народнаго чтенія?! Не могъ-же я, помимо уже всякаго малоруссофильства, на самомъ дѣлѣ преподносить народу Морозовскія, Манухинскія и Леухинскія изданія. Какъ ни были слабы въ смыслѣ удовлетворенія умственной жажды издававшіяся тогда въ Петербургѣ маленькія малорусскія книжки—*метелики,* все таки онѣ были лучше и понятнѣе названныхъ изданій. Вѣдь это теперь имѣется много хорошаго и дешеваго для чтенія народу на русскомъ языкѣ, а тогда что? Францылъ Венціанъ, Бова Королевичъ, Битва Русскихъ съ Кабардинцами и т. п... Помню я хорошо то время. Т. Гр. Шевченка весною похоронили около Канева. Гр. Ник. Ч—скій, академикъ-товарищъ Тараса, жилъ нѣкоторое время въ Каневѣ и популяризовалъ сочиненія и имя покойника, прочитывая и раздавая его стихи. Въ Петербургѣ издавалась «Основа», мы смѣло выступали со своею рѣчью, со своею грамотою. Даже нѣкоторые циркуляры писались по малорусски. Я помню циркуляръ по волостямъ, напечатанный въ два столбца: въ одномъ текстъ русскій, а въ другомъ малорусскій. Помню я это время мереженыхъ сорочекъ, широкихъ

питановъ, малорусской пѣсни, польско-панскихъ доносовъ... Хохлофильство нужно было для внутренней политики края, нужно было, какъ противувѣсъ полонизму.

Я читалъ многое изъ напечатаннаго по малорусски народу, и чтеніе мое имѣло успѣхъ, выражавшійся обиліемъ слушателей. Живо я помню эти литературные вечера-посидѣлки. Тепло, душно въ хатѣ, фурчатъ веретена у сидящихъ въ сторонѣ отъ стола *дивчатъ*, *парубки* понасунулись поближе ко мнѣ... Читая большею частію наизусть, напримѣръ *Катерину* Шевченка, видѣлъ я лица слушателей. Улыбаются какъ-то насмѣшливо, нерѣшительно вслушиваются... Не то это такъ себѣ *вытребеньки*, не то и въ самомъ дѣлѣ что хорошее. Но вотъ лица становятся все серіознѣе. «Сидить батько въ кипьци стола, на руки схилився, не дивитьця на свитъ Божій; тяжко зажурився...» декламирую я. Вниманіе все болѣе усиливается, веретена перестаютъ фурчать, дивчата одна за другой вздыхаютъ и кой-кто изъ нихъ пересѣлъ уже ближе къ столу; на *полу* маханіемъ руки унимаютъ послѣднее веретено... глаза блестятъ, дыханіе затаивается. Вотъ *титка Тимошиха*, тяжело вздохнувъ, перекрестилась, когда я дочиталъ до того мѣста, гдѣ Катерина бросается въ ополонку.

Шубовсть въ воду!... По пидъ лёдомъ
Геть загуркотило.

И я мимовольно вздыхаю, перевожу духъ, дочитавши до эпилога. Всѣ вздохнули, всѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, подавлены всѣ какимъ-то ужасомъ, оцѣпененіемъ. Даже *титка Тимошиха*, покачивавшая по сю пору головою, подпертою ладонью, перекрестившись и вздохнувъ, не находитъ, что сказать. Декламирую эпилогъ. Всѣ, какъ-бы встряхиваясь отъ тяжелаго какого кошмара, внимаютъ. Но эпилогъ коротокъ.

Встали сиромахи,
Помолились на схидъ сонця,
Пишли по-надъ шляхомъ...

Кончаю я и вылѣзаю изъ-за стола. Всеобщее молчаніе.

— А що-жъ сталося зъ хлопцемъ?—спрашиваютъ непремѣнно дивчата.

Чтеніе «Наймички» Шевченка часто вызывало слёзы. Стихотворенія легко запамятовывались слушателями, и отрывки послѣ пов-

торялись. Читалъ я повѣсти Квитки, Марка Вовчка, разсказы Стороженка, Чорну раду Кулиша, читалъ и «Гайдамакъ». Читалось все это соотвѣтствующимъ слушателямъ. Помню, какъ мнѣ неловко было читать «Гайдамаки» Шевченка. Въ «Гайдамакахъ» есть нѣжныя сцены, любовныя (Галайда, Титарь, Лебединъ), есть много неприспособленнаго для простыхъ слушателей. И вотъ неловко какъ-то становилось при чтеніи нѣжныхъ сценъ старикамъ слушателямъ, или мало понятной рѣчи архимандрта, благословляющаго ножи. Мимовольно переношусь памятью болѣе подробно къ тому времени. Насѣка дида Максима. Теплый, ясный день, зелень, цвѣты, щебетаніе птичекъ, гудѣнье пчелъ. Насъ человѣкъ пять: хозяинъ насѣки, я, Гаврило Петровичъ, сынъ *дида* Якимъ и мудроватый *Хведиръ Ковбаса.* Всѣ мы въ *бѣлыхъ сорочкахъ* по случаю праздника, свитки подосланы на травѣ, шапки разбросаны; тепло, даже жарко внѣ тѣни развѣсистой груши. Новая, только на дняхъ полученная книжка «Основы» со мной. Я давно уже обѣщалъ дѣду прійти къ нему на насѣку почитать *щð небудь.* Старикъ радъ гостямъ, угощаетъ насъ медомъ. Идутъ разговоры про наши сельскія дѣла, про *батюшку*, «що винъ вытворявъ сёгодня писля службы Божои», про урожай, про ройбу...

— А це принесли таки, що обицяли—спрашиваетъ дѣдъ, взглянувъ на сиреневую обложку «Основы», и затѣмъ, взявши въ руки, переворачиваетъ листки, какъ-бы и вовсе грамотный.

— Шкода, не про насъ писано, говоритъ дидъ, кивая головою и подавая мнѣ книгу. Я, бувало, такъ таки й прослухаю, якъ покойный отецъ Василій, царство ёму небесне, читае. И... чоловикъ бувъ! Нехай ёму земля перомъ. Усе було розскаже. А вже мени ни що, якъ сторія про Іосифа Прекрасного, або про блудного сына...

— Ну, теперешній якъ прочитае, той слухать не хочетьця, вставляетъ слово Гаврило Петровичъ. Сёгодня, оце писля службы якъ ставъ вычитувать усимъ по проэкту... Я, каже, можу требувать, щобъ мени усю роботу одробляли литомъ. Та ще, каже, на толоку покличу...

— Ну, та Богъ зъ нимъ! Ёму его й честь буде... Щожъ, прочитайте що небудь... обращается ко мнѣ дидъ Максимъ.

Растягиваемся на «свиткахъ» головами въ кучу, ногами въ розвь, и я читаю «Оповидання Грицька Клюшника» Стороженка.

Якимъ глазами впился въ строки читаемаго, умное лицо Гаврила Петровича *насупилось*, у дида блаженная улыбка на лицѣ... Чтеніе идетъ съ перерывами. Очевидно слушателямъ, еле только встряхнувшимъ съ себя ненавистное панское иго, не по душѣ восхваленіе пана, но личность Прокопа Ивановича имъ симпатична. Это выражается короткими возгласами и иногда вздохами. «Отъ такъ, докозакувались!... вздыхаетъ дѣдъ, кивая головою при чтеніи прощанія запорожцевъ съ Сѣчью.

— Онъ якои! восклицаетъ Θедоръ Ковбаса, когда я читаю, какъ Прокипъ Ивановичъ возражаетъ: «брехня, тричи брехня. Зроби, доброго чоловика паномъ, то й буде зъ нёго ледащо...» Или когда тотъ-же Прокипъ, отказываясь отъ ночлега въ панской хатѣ, говоритъ: «нехай вона тоби скризь землю провалитьця. Отъ стану я въ паньскій хати ночувать...»

При перерывахъ чтенія дѣлаются замѣчанія, вспоминается что-то похожее: какъ заселялось наше село, кто былъ «осадчимъ», почему поселились на этомъ яру, а не на прежнемъ «селищѣ». Вообще слушатели симпатизируютъ герою разсказа. Герой этотъ, Прокопъ Ивановичъ, во всей силѣ своей запорожской натуры являетъ свою нелюбовь къ пану и любовь къ свободѣ и самостоятельности. *Панъ* разсказа не симпатиченъ слушателямъ, но и этотъ снискиваетъ ихъ благосклонность не хуже того, какъ это ему удалось съ Прокопомъ Ивановичемъ.

Кончилъ я. Всѣ благодарятъ. Прочитанное даетъ тему разговору, вызываетъ воспоминанія и «гуторня» идетъ безконечная. Жара спала, солнце спустилось за лѣсъ, за горою слышно мычаніе и блеяніе череды, Якимъ и Ковбаса пошли уже въ село, а мы еще не перестаемъ слушать, разсказывать...

У насъ въ деревнѣ, какъ я уже сказалъ выше, не было церкви, а была часовня на кладбищѣ. Украшенная иконами, ставниками, лампадами и даже имѣвшая носильные кресты и хоругви; часовня эта замѣняла намъ отчасти церковь, особенно въ день поминовенія усопшихъ на проводы, въ день храмоваго нашего праздника 8-го ноября (соборъ архистратига Михаила), во время лѣтнихъ или лучше сказать весеннихъ общихъ молебновъ съ крестнымъ ходомъ по полямъ. На первый день св. Пасхи наши селяне, разговѣвшись и поотдохнувъ, тоже почти всей деревней сходились къ часовнѣ,

гдѣ просиживали до вечера, разговаривая и глядя на обрядные хороводы молодежи [1]) Осенью, когда за распутицей нельзя пробиться къ церкви за 7 верстъ, наши селяне тоже собирались въ часовню, гдѣ читались часы. Тоже совершалось и въ небольшіе лѣтніе и зимніе праздники, когда знали, что и въ П—цахъ *службы* нѣтъ, или когда послѣ обѣда, и то ранняго, нужно было начинать спѣшныя полевыя работы. Чтецами въ часовнѣ были обыкновенно одинъ или оба вмѣстѣ наличные грамотѣи Михайло Тимофеевичъ К—цъ и Якимъ Максимовичъ Ст—енко, а иногда завернувшій по случаю къ намъ дьячекъ. Я тоже участвовалъ въ чтеніи часовъ. При этомъ я въ лѣтнее время иногда прочитывалъ одну изъ проповѣдей протоіерея Вас. Гречулевича. Дѣлалось это обыкновенно такъ, что по окончаніи часовъ я выходилъ на крыльцо часовни, садился на ступенькахъ и читалъ. Слушатели окружали меня, кто стоя, кто сидя, женщины всегда стояли. Читалъ я на крыльцѣ и сидя ради того, чтобы не изображать изъ себя проповѣдника. Подольскій говоръ проповѣдей протоіерея Гречулевича я сглаживалъ и по возможности читалъ такъ, чтобы публика понимала все. Проповѣди эти очень нравились нашимъ селянамъ. Разсорившись съ нашимъ священникомъ, я перестралъ читать проповѣди, чтобы не давать лишней темы для сыпавшихся отъ него на меня доносовъ; тѣмъ не менѣе мое столкновеніе съ нимъ было причиною проявленія еще одной формы моего учительства. Дѣло было такого рода.

Помню, зимою, какъ-то послѣ Рождества, пріѣхалъ ко мнѣ зачѣмъ-то священникъ Р—скій. Вслѣдъ за его прибытіемъ приходитъ ко мнѣ вдова Сергіиха съ сыномъ парубкомъ и проситъ моего участія въ томъ, чтобы *упрохать батюшку* повѣнчать ея сына съ сосватанной уже въ с. Потапцахъ дѣвушкой. Я предложилъ просителямъ войти въ комнату и при мнѣ *прохать*. Въ комнату вошла степенная Сергіиха съ ея красавцемъ сыномъ. Не успѣлъ батюшка обмахнуть ихъ благословеніемъ, не успѣла Сергіиха промолвить слова, какъ уже онъ зачастилъ:

---

[1]) На первый день Пасхи пьянствовать и танцовать негоже. Молодежь водитъ хороводы, *шума, довгои лозы, короля* и т. п. и при этомъ поетъ старинныя, должно быть, языческія обрядовыя пѣсни. Наприм. «О кизле, мій кизле, зійди рано! Ой кизле, мій кизле! прійди *Мало* (?).

— Ни, ни! Не буду винчать. Берить, яку хочете, а зъ цею не повинчаю. Я вамъ разъ сказавъ и годи вже. Хоть и не просить... и т. д.

Сергіиха плакала, кланялась, но онъ не давалъ ей слова сказать, твердилъ все свое и въ концѣ концевъ ушелъ въ другую комнату. Я мигнулъ просителямъ, чтобы они вышли, разсчитывая самъ уговорить упрямаго батюшку.

Но не тутъ было. Онъ мнѣ изложилъ такіе доводы:

— Нѣтъ, нѣтъ, Б. Ст—вичъ! И не просите за этихъ мерзавцевъ! (Со мной онъ говорилъ по русски). Вы знаете, эта самая дѣвка ни за что не хотѣла наниматься ко мнѣ, сколько не посылалъ, сколько самъ не уговаривалъ. И отецъ и мать согласились, а она «не пійду, тай не пійду». И вотъ такъ всѣ онѣ. Замужъ такъ на въ-*выпередки*, а ко мнѣ въ наймы нейдутъ, мерзавки! Нѣтъ ужъ, пожалуста, не просите. Нужно хоть одну проучить. Нужно, чтобы онѣ знали меня.

Но батюшка былъ неправъ въ данномъ случаѣ по существу дѣла. Я пробовалъ урезонить его, говорилъ, что, при объявленіи манифеста 19 февраля 1861 года, объяснявшіе этотъ манифестъ мѣстныя власти (становой, исправникъ), при немъже священникѣ, говорили крестьянамъ о предоставляемомъ имъ теперь правѣ жениться и выходить замужъ безъ всякихъ разрѣшеній, что отказъ его Сергіихѣ и ея сыну можетъ вызвать жалобы и нареканія; что женихъ и его мать вдова люди бѣдные, что они уже сдѣлали затраты... и т. п. Наконецъ я просилъ просто отъ себя за нихъ. Нѣтъ и нѣтъ. Заупрямился о. Д. и недовольный уѣхалъ. Садясь въ сани, онъ еще разъ подтвердилъ стоявшимъ у крыльца Сергіихѣ и ея сыну: «берить, кого знаете, тильки не цю, цю не буду винчать».

Мнѣ оставалось одно: указать путь обиженнымъ. Это я и сдѣлалъ. Написалъ жалобу мировому посреднику. Послѣдовалъ запросъ батюшкѣ о причинахъ отказа въ совершеніи таинства бракосочетанія. Но батюшка ничуть не смутился: онъ отвѣтилъ, что не вѣнчаетъ потому, что брачущіеся не знаютъ молитвъ, что эта мѣра принята имъ, какъ крайняя, послѣ многократныхъ съ его стороны внушеній и наставленій о необходимости знать молитвы, а особенно

молитву за Царя (Спаси Господи люди Твоя...), даровавшаго свободу имъ. Вотъ сущность отвѣта о. Д. мировому посреднику—помѣщику и поляку. Я-же разсказалъ тому-же посреднику суть дѣла, все то, что произошло въ виду моемъ. Пошла переписка по этому поводу. Между тѣмъ батюшка въ церкви объявилъ, что незнающихъ молитвъ онъ вѣнчать не будетъ.

На Украйнѣ вообще съ самаго ранняго возраста родители учатъ дѣтей молиться, *проказують Богу*, а потому почти всѣ дѣти знаютъ молитвы Св. Духу, Св. Тройцѣ, молитву Господню, Символъ вѣры и Богородицу. О. Р—скому это было извѣстно. Онъ сталъ требовать знаніе 10-ти заповѣдей, *Помилуй мя Боже*, *Достойно есть* и *Спаси Господи люди Твоя*..

Пока тамъ идетъ переписка, и мясоѣдъ идетъ. Молодежь брачится. Каждая изъ *дивчатъ* прибираетъ хату и накрываетъ столъ чистымъ *настольникомъ* къ ночи... Могутъ *старосты навернутыця*. А тутъ задержка—батюшка вѣнчать не будетъ. Нечего дѣлать, нужно учить молитвы. Не безъинтересно было это обученіе. Ко мнѣ приходили цѣлой компаніей *дивчата и парубки*. Не дѣти, а все въ брачномъ возрастѣ. Весело и *соромно* имъ: весело потому, что это обученіе было лишнимъ предлогомъ собраться и поболтать, стыдно потому, что, проходя ко мнѣ, дѣвушкамъ приходилось по пути выслушивать шуточные вопросы о желаніи выйти замужъ.

— А, Палажка! Скортило замижъ?... и т. п.

Съ топотомъ обмерзлыхъ сапогъ, съ пинками, толчками, со смѣхомъ вся компанія толпилась на крыльцѣ моей квартиры, пока не впускалась въ домъ. Всѣ здоровались. Лица веселыя, со сдержаннымъ смѣхомъ, *дивчата* прячутся одна за другую, всприскиваютъ неудержимымъ смѣхомъ. Но вотъ кое-какъ поразмѣстились на лавкахъ, а то и стоя. Когда я начиналъ *проказувать*, всѣ вставали и крестились. Начиналъ обыкновенно кто-нибудь говорить громко, другіе повторяли, а я или поправлялъ замѣченную мною неправильность, или, если молитвы никто не зналъ,—отчетливо читалъ ее, а всѣ за мною повторяли. Когда я сталъ поправлять и показывать, что нужно говорить не «*воимя* Отца и Сына и Св. Духа», а «во *имя* Отца и т. д.» то мнѣ возражали, что такъ нельзя: «треба казать *воимя*, а во *имя*, то це буде по лядзкому», т. е. по католически. Вообще многія слова молитвъ и даже цѣлыя фразы

коверкались ужасно. Я не стану останавливаться на чисто фонетическихъ измѣненіяхъ звуковъ, но и самыя сочетанія слоговъ и словъ измѣнялись. Слова «далъ былъ убо» выговаривались: *дов-бы-хуба, була рахуба, да-ли-губа*, а ужъ дальше *доль-бихъ убо* нельзя было идти. Это смягченіе *л* и *ы* выходило также, какъ у великорусса *паляница* вмѣсто *паляныця*. Все это не обходилось безъ хихиканья, подталкиванія, суеты... При словахъ *далъ былъ убо* всѣмъ приходила на память одна молодица, взятая изъ другой деревни, которая, услышавши эти слова въ молитвѣ свекра, разказывала другимъ, что ея свекоръ «якъ молитьця, то провадить якись *тельбухи*». Ну, какъ тутъ удержаться отъ смѣха? Да еще компаніи молодыхъ парней и дѣвокъ. Оказалось, что выучить заказанныя молитвы далеко нелегко, особенно при полнѣйшемъ непониманіи ихъ. Бились мы такъ, почти безъуспѣшно, недѣли полторы, пока *не пришла бумага*, чтобы батюшка оставилъ лишнюю притязательность и вѣнчалъ безъ экзамена.

Говоря вообще о грамотности въ знакомой мнѣ деревнѣ, я оставилъ-бы пробѣлъ, ничего не сказавъ о знакомыхъ мнѣ въ той деревнѣ грамотныхъ. Собственно у насъ въ деревнѣ грамотныхъ взрослыхъ, кромѣ моихъ учениковъ, было двое—Михайло К—цъ и Якимъ. Я упоминалъ выше о нихъ.

Михайло обученъ былъ церковной грамотѣ, хотя разбиралъ и гражданскую печать. Читалъ онъ все больше церковныя книги, зналъ, когда какой праздникъ, разбиралъ Пасхалію, къ нему обращались узнавать, сколько будетъ недѣль Петрова поста, въ какой день какія заговѣны *(пущиння)*, сколько недѣль мясоѣда и т. п. Это очень льстило его самолюбію и, кажется, что онъ церковничалъ и набожничалъ только на виду общественнаго мнѣнія. Сдержанный и толковый, онъ умѣлъ подписать свою фамилію, написать кое-какой счетъ прихода и расхода и этимъ, повторяю, хвасталъ. Громадяне раскусили его и говаривали про него:

— Ябъ бы ёму хоть оттакесенькій (причемъ показывали мизинецъ) хвостикъ, такъ винъ бы уси ребра соби пооббивавъ, чванючись...—Это былъ зарождавшійся еще только въ то время типъ деревенскаго кулака. Теперь, думаю, онъ кулачествуетъ въ селѣ на славу. Его братъ Матвѣй, по профессіи поваръ, а потому и горькій пьяница, былъ тоже грамотенъ и еще больше погружался въ цер-

ковное чтеніе. Онъ даже и говорилъ по церковному. Жилъ онъ въ другой деревнѣ, и даже больше у пановъ на сахарныхъ заводахъ. Разъ при мнѣ онъ давалъ показаніе слѣдователю:

— Бижу я, добигъ на взгорокъ до хреста, когда смотрю—небеса отверзаютьця. Палъ я ныць и говорю: не достоинъ есмь, Господи, узрѣти славу твою! Такъ и трепецу ввесь. Коли гляну, ажъ то Дударивська корчма горить.

Михайло былъ самымъ меньшимъ изъ нѣсколькихъ сыновей зажиточнаго хозяина К—ци. Не знаю ужъ, какъ это Матвѣй очутился поваромъ,—вѣрно по волѣ пана. Еще при жизни отца братья поотдѣлялись, а Михайло жилъ съ отцомъ и былъ особенно любимъ имъ за свою степенность. Я уже зналъ Михайла самостоятельнымъ хозяиномъ и женившимся во второй разъ. При мнѣ уже онъ порывался на разные гешефты: то перекупитъ бочку рыбы и торгуетъ ею, то съумѣетъ заполучить отъ продавца церковныхъ принадлежностей, при продажѣ чего-либо громадянамъ въ долгъ, какой-либо гостинецъ, какъ-бы въ роли титаря, то интригуетъ по поводу отдачи права торговли водкой въ селѣ. Въ дѣлѣ арендованія громадою помѣщичьей земли Михайло былъ тоже изъ числа первыхъ, но первенствовать ему не пришлось отчасти по моей волѣ, отчасти потому, что громадяне замѣтили, что онъ *не туды ще*. Думаю, что если когда въ той деревнѣ задумають строить церковь, то Михайло вотрется въ церковные старосты и старатели. Онъ и при мнѣ былъ уже чѣмъ-то въ родѣ ктитора нашей убогой часовни и при варкѣ меду въ храмовой праздникъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ. Со мною онъ не особенно ладилъ, хотя не показывалъ этого. Я отчасти былъ помѣхою его кулаческимъ замашкамъ, и кромѣ того при мнѣ онъ терялъ престижъ грамотѣя. При всемъ наружномъ почтеніи и даже какъ будто-бы дружелюбности ко мнѣ, онъ тѣмъ не менѣе ловко умѣлъ подмѣчать мои промахи и на сторонѣ выставлять меня въ этихъ случаяхъ не въ хорошихъ краскахъ. Разъ, я помню, былъ случай, когда Михайло ловко этакъ затѣвалъ уронить меня при мнѣ-же, но публично. Дѣло было такое.

Вечеромъ, позднею осенью (10 ноября) я увидѣлъ, какъ загорѣлась наша трактовая корчма. Прибѣжавъ первымъ на пожаръ и ничего, кромѣ обыкновеннаго пожара, не подозрѣвая, я, не дозвавшись никого, вскочилъ въ середину корчмы съ цѣлью будить ся

обитателей. Одного изъ нихъ я нашелъ въ первой комнатѣ какого-то мокраго, храпящаго какъ-то странно, и когда я вынесъ его на свѣтъ, то онъ оказался весь въ крови, вздрагивалъ, храпѣлъ, прыскалъ кровью и сейчасъ-же на моихъ рукахъ умеръ. Это былъ еврей. Ужасно испуганный, я тѣмъ не менѣе вытащилъ еще, тоже окровавленную, мертвую уже еврейку и затѣмъ уже съ подбѣжавшими людьми вытащилъ обгорѣвшій трупъ женщины. Однимъ словомъ я, ничего не подозрѣвая, попалъ на пожаръ, устроенный съ цѣлью прикрытія убійства и ограбленія обитателей корчмы. Никогда въ жизни я не былъ такъ встревоженъ: я положительно дрожалъ весь, хотя не терялъ сознанія и по ходу дѣла руководилъ тушеніемъ пожара, сбереженіемъ спасеннаго имущества, охраненіемъ труповъ и разсылкою извѣстій властямъ. Я сдѣлался распорядителемъ безъ моего къ тому стремленія, а такъ какъ-бы всѣми признанный руководитель. Во время пожара я замѣтилъ, что высокая кирпичная труба корчмы вотъ-вотъ рушится, и потому съ бранью и угрозами выгналъ изъ середины людей. Дѣйствительно, выбѣгая послѣднимъ вслѣдъ за выгнанными мною изъ корчмы, я уже услыхалъ ревъ толпы, возвѣщавшей о наклонѣ трубы. Еле я переступилъ порогъ, какъ сзади меня раздался громъ и трескъ и громадная труба ввалилась, поднявъ цѣлый снопъ искръ. Вижу, выгнанные мною изъ середины корчмы собрались кучкою и что-то разсматриваютъ, поснимали шапки, крестятся, другіе подходятъ къ нимъ. Я туда къ толпѣ и что-же оказывается?!... Но... тутъ маленькое отступленіе. Со введеніемъ новой акцизной системы стало обязательно имѣть на корчмахъ вывѣски. Наши громадяне поговаривали, что будто-бы маляръ старую доску съ иконы св. Николая, закрывъ *покостомъ*, употребилъ для вывѣски. Подвыпившіе иногда, ругаясь съ шинкаремъ за неотпускъ *на боргъ горилки*, угрожали ему, попрекали его этою вывѣскою. Корчмарь ограждалъ себя тоже руганью и угрозами. «Ну, ну, тилько рушъ таблыцю (вывѣску), такъ и посунешь у Сибирь: це казенне дило». И эти предостереженія были дѣйствительны: никто не рѣшался провѣрить молву. Вотъ эту-то самую вывѣску и разсматривали теперь громадяне съ Михайломъ во главѣ. Всѣ, говорю, поснимали шапки, крестились. Что-же я увидѣлъ? *Покостъ* масляный попузырился отъ огня, масло выступило каплями, вся доска окопчена дымомъ и въ переливахъ пожарнаго освѣщенія пред-

ставляла подобіе стараго, закоптѣлаго, выцвѣтшаго образа. Но тѣмъ не менѣе по срединѣ отчетливо виднѣлись буквы надписи *«ровск...»* *«актов...»* *«орчма...»* *«щици...»* *«ковниц...»* *«Габ»*..., что обозначало: «Дударовская трактовая корчма помѣщицы полковницы Габель».

«Ось святитель Миколай объявився!» сказалъ мнѣ Михайло, держа въ рукахъ вывѣску, когда я подошелъ и протолкался въ середину толпы. Я разсмотрѣлъ вывѣску, увидѣлъ вышереченную надпись и указалъ Михайлу буквы.

— Дежъ тутъ Миколай? Вы жъ Михайло грамотни, читайте,— указывалъ я ему.

— Щожъ, винъ святитель тилько разъ *вирующимъ* объявився,—срѣзалъ меня ханжа Михайло.

Я вырвалъ изъ рукъ его доску, швырнулъ ее къ сложеннымъ вещамъ, вытащеннымъ изъ корчмы, и съ руганью разогналъ публику тушить пожаръ.

На другой день при дневномъ свѣтѣ всѣ обозрѣли эту вывѣску и ничего похожаго на икону въ ней не нашли.

— Вы однако, Б—съ Ст—чъ, поступили, какъ мнѣ разсказывали, неосторожно,—внушалъ мнѣ на другой день священникъ Р—скій. — А что, если-бы кто догадался подмѣнить эту вывѣску иконой, Б. С.?! что-бы было? Вы-бы были виноваты. Не хорошо.

При вещахъ и трупахъ были сторожа,—отвѣчалъ я хитроумному батюшкѣ.

Другимъ нашимъ сельскимъ грамотѣемъ былъ Якимъ Ст—енко. Для болѣе полной обрисовки Якима я долженъ вспомнить его отца, столяра Максима. Это былъ не только мастеръ, но просто артистъ своего дѣла. Кромѣ обыкновенныхъ столярныхъ работъ онъ умѣлъ точить и вырѣзать. Его замѣчательно хорошіе, оригинальной формы столы, церковные кресты, красиво изъузоренные рѣзьбою, его распятія и аттрибуты страстей Спасителя, думаю, и теперь сохранились въ томъ околодкѣ. При другихъ условіяхъ изъ него вышелъ-бы замѣтный рѣзчикъ, иконостасчикъ; но подданство не дало ему ходу. Я зналъ уже *дида Максима* старика, пчеловода, садовода, ничего не пьющаго. Онъ плѣнялъ меня какою-то особенно нѣжно ласкающею душу благостію, поэтичностію. Онъ знавалъ чуть не всѣ гнѣзда пѣвчихъ мелкихъ птичекъ кругомъ своей пасѣки (пасѣку онъ перевозилъ по своимъ соображеніямъ изъ лѣсу въ лѣсъ), садилъ по

лѣскамъ фруктовыя деревца, прививалъ къ дичкамъ, холилъ, обчищалъ дикія, не плодовыя даже деревья. Весь отдавшійся природѣ и ея красотамъ, онъ индиферентно относился къ деревенскому публицизму, даже въ церковь рѣдко хаживалъ. Жизнь людей занимала его въ его прошломъ, природѣ онъ былъ отданъ весь въ его настоящемъ. Онъ какъ-бы бѣжалъ къ ней отъ суеты мірской. Такимъ я знавалъ, но не такимъ онъ былъ въ своей молодости. Страстный по натурѣ, онъ увлекался поэзіею жизни. Вино и женщины тянули его къ себѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ влюбился въ молодую замужнюю цыганку и, бросивъ все, угрожаемый панскою карою, цѣлое лѣто протаскался съ таборомъ цыганъ. Послѣ этого онъ сдѣлался было горькимъ 'пьяницею и былъ имъ до тѣхъ поръ, пока ему приснился какой-то знаменательный сонъ (онъ мнѣ его разсказывалъ, но я не помню), послѣ котораго онъ бросилъ пить, углубился, такъ сказать, въ самосозерцаніе. Избѣгая односельчанъ и ихъ сборищъ на первыхъ порахъ ради избѣжанія соблазна выпивки, онъ послѣ совсѣмъ отсталъ отъ общественной жизни деревни и уединенностію жизни пасѣчника, умерщвленіемъ плоти, тяжкою работою при копаніи омшаника (у него замѣчательный омшаникъ-пещера, вырытый въ сухой и твердой, какъ камень, глинистой горѣ), онъ дошелъ до того состоянія благодушія и любовности, въ какомъ уже я знавалъ его. Что-то теплое, мягкое, душевное ласкало душу въ бесѣдѣ съ этимъ *дидомъ Максимомъ*, какое-то забвеніе и отрѣшеніе всей суеты земной видѣлось въ немъ. Не доставало ему только наставительнаго краснорѣчія, эрудиціи книжной, а то это былъ-бы пустынникъ, къ которому шли-бы поучаться, исповѣдываться, упокоивать взволнованную страстями душу. Книжность, если можно такъ выразиться, отчасти проглядывала въ его разсказахъ и, скажу по правдѣ, портила цѣльность типа. Знакомый по своему ремеслу съ панками, экономами и *батюшками*, онъ нахватался книжности. Его разсказы про житіе святыхъ, про разные эпизоды священной исторіи, наконецъ даже про старину, при всей основности народно-украинской, тѣмъ не менѣе просвѣчивали книжностію, тѣмъ, что онъ почерпнулъ изъ слышаннаго устнаго и прочитаннаго ему. Предавшись самосозерцанію, старикъ, очевидно, понялъ, что его страстность, его стремленіе къ познанію добра и зла, что его лиризмъ помѣшалъ ему сдѣлаться достаточно богатымъ, что было возможно

при его профессіи, онъ понялъ, что въ жизни не слѣдуетъ «потурать серцю», которое его все время «дурило» и не дало никакихъ практическихъ результатовъ. Въ сынѣ своемъ дѣду хотѣлось видѣть нѣчто иное: собственный жизненный опытъ этого требовалъ. Но не тутъ-то было.

Якимъ унаслѣдовалъ отъ отца всю поэзію, весь лиризмъ его естества. Это выразилось во первыхъ въ страстномъ стремленіи за предѣлы крестьянской жизни, изъ той рамки, которая назначалась ему обстановкой и въ которой отецъ хотѣлъ его удержать. Началось съ того, что Якимъ вопреки строгому запрету отца, *штовханьцямъ* матери и попрекамъ семьи и родныхъ научился читать у одного экономическаго писарька. Запрещеніе только разжигало его страсть. Страстный по натурѣ, онъ безъ труда дался женить себя на понравившейся ему дѣвушкѣ. При женитьбѣ ему было неполна 19-ть лѣтъ. Женитьба эта собственно и была устроена пораньше ради того, чтобы, какъ говорится, *приборкать* его, подсѣчь его лиризмъ, подрѣзать крылья его фантазіи. При сватаньѣ на Украйнѣ поютъ:

Говорило пиво до своеи пивоварочки:
Якъ вы мене не доварите,
То вы мене и не вдержите
А ни въ бочкахъ, ни въ полубочкахъ,
А ни въ золотихъ кубочкахъ.
Говоривъ-же та панъ (имрекъ)
До своего та пан-отченька:
Якъ вы мене не ожените,
То вы мене и не вдержите
А ни въ доми, ни въ поли,
Ни на ворономъ кони...

Женитьбою думали удержать Якима *и въ доми и въ поли*, въ предначертанной его отцемъ и рутиной рамкѣ сельской жизни, такъ сказать, задержать его броженіе. Но пиво это было шумное; слишкомъ много было въ немъ дрожжей отцовской страстности и удержу не было.

Многіе опытные *батьки* на Украйнѣ, женивъ сына въ зимній мясоѣдъ, стараются *одлучить* его отъ жены по веснѣ. «*Ажъ змарнивъ, якъ подивлюсь на нёго. Сказано молоде: и молодицю звесе ни*

на вищо й само обезсиліє»... говорилъ мнѣ одинъ такой *батько*. И вотъ таковыхъ ради соображеній опытные отцы на время спроваживаютъ куда нибудь сына на сторону. Лучшимъ въ этомъ случаѣ дѣломъ было чумакованье: работа не тяжелая, корыстная и на сторонѣ отъ жены. У Столяренковъ не было воловъ для чумачки, а молодой Якимъ, которому все хотѣлось чего-то новаго и которому, можетъ быть, и жена прискучила, рвался въ *мандривку* (на заработки) въ *Бессарабію*, какъ на Украйнѣ называютъ весь югъ. Желаніе это совпало съ планами отца, и Якимъ потянулъ съ котомкою за плечами на югъ на встрѣчу подходящему оттуда лѣту, въ новый загадочный для него, полный бурлацкой поэзіи край. Просторъ степи, пестрота населенія, нѣмецкія колоніи, приморскіе города, самое море, новыя знакомства съ *бурлачнею*, которой тогда кипѣли херсонскія степи—все это было не только не унижающее ферментацію страстной натуры Якима, но еще поднимало броженіе идей и чувствъ въ немъ. Онъ и работалъ и мечталъ, поэтизировалъ. То онъ представлялъ себя героемъ—страдальцемъ какой-то небывалой исторіи, воображалъ себя покинувшимъ по нуждѣ отцовскій домъ и принужденнымъ бродяжить, преслѣдуемый какими-то зложелателями; то упивался разсказами о «волѣ», которую уже тогда чуяли (это было въ 1860 году); то ставилъ себя въ роли того, кто разсказывалъ про свою горькую судьбину, то заливался слезами подъ разголосъ бурлацкой пѣсни »: Ой йшовъ козакъ зъ Дону, та зъ Дону до дому »...; то воображалъ себя влюбленнымъ въ какую-то бурлачку, то разбогатѣвшимъ, взысканнымъ милостями влюбившейся въ него одесской купчихи; то поражался величіемъ города, громадными домами, гаванью, магазинами... Повторяю, броженіе этой страстной натуры не унялось ни чуть за время этой *мандривки*, а напротивъ усилилось.

Но вотъ *стала осинь, лихая година*, бурлачня потянула отъ моря къ сѣверу на Украйну *у теплы запички, на мякеньки млынци*. Нужно было и Якиму вернуться домой. Денегъ онъ таки заработалъ: двѣ книжечки прибавилось въ сумкѣ, на шеѣ появился *шархъ* (шарфъ), несъ онъ *одеській* поясъ женѣ, платокъ сестрѣ и двадцать два рубля отцу. Любящій сына старикъ давно уже скучалъ за нимъ, молодая жена, которой повольготнѣло послѣ лѣтнихъ работъ, уже отъ Семена (1 сентября) *ждала-выглядала* мужа и це разъ уже

изорала бривоньками поле. «Орала, орала тай заволочила, дрибненькими слизоньками все поле змочила» (такъ поэтично метафорно образно рисуетъ народная пѣсня жену съ поднятыми надъ напряженными глазами бровями, всматривающуюся въ даль, обводящую взоромъ горизонтъ и наконецъ плачущую). Не остывшая еще вполнѣ поэтичная натура *дида Максима* въ этомъ *блуканьѣ* по свѣту Якима, въ его возвращеніи создавала себѣ знакомую по разсказу и по чтенію *батюшокъ* исторію блуднаго сына. Старикъ иначе и не вспоминалъ Якима, какъ въ образѣ этого героя евангельскаго разсказа.

Вотъ въ этомъ-то настроеніи и встрѣтили Якима дома: старикъ слезами радости, жена объятіями.

Осеннее бездѣлье, храмовые праздники, разсказы про виданное и испытанное, радости свиданій, толки о волѣ—все это заполонило Якима на первыхъ порахъ. Настала зима, долгіе вечера, ранніе досвитки... Книжечки, которыя не покидали его и въ бурлачествѣ, болѣе смѣло появились при свѣтѣ зимняго *каганця* и старикъ, не пересиливая въ себѣ напускнаго пренебреженія къ читаемому, иногда удостоивалъ своимъ вниманіемъ чтеніе. Въ деревнѣ тѣмъ временемъ явилась мысль арендовать помѣщичью землю; желанная *воля* приближалась. Деревенскій публицизмъ былъ по сердцу Якиму. Вопросы публицизма были на лицо—толки о *волѣ* и объ арендѣ. Такъ прошла зима 1860—61 года. Мечты громады о волѣ и объ арендѣ осуществились: явилось «Положеніе» и само по себѣ новый строй деревенской жизни.

Въ это-то самое время Якимъ натолкнулся на меня. Мнѣ онъ съ его любознательностію, съ его поэтичностію сильно понравился, я увлекся имъ; для него-же я представлялъ цѣлый кладъ. Моя грамотность, свѣдѣнія и изобиліе книгъ сразу потянули его ко мнѣ. Онъ перечитывалъ все, распрашивалъ про всячину. Все малорусское очень полюбилось ему, особенно по вразумительности, ибо русское мало было понятно ему. Изъ прочитаннаго онъ усвоилъ себѣ слащавость и нѣжность, какими переполнены были повѣсти Марка Вовчка, Квитки, стихи Шевченка. Практическая сторона жизни не описывалась, не воспѣвалась. Кстати припоминаю слова одной воронежской хохлушки:

— Усе люблятьця, та люблятьця, а колижъ и якъ вони дило робили?—спросила она, прослушавъ нѣсколько повѣстей Марка Вовчка. Вотъ этого-то «якъ дило робить» въ малорусскихъ книжкахъ того времени не было. Правду сказать, и по сю пору литература страдаетъ недостаткомъ указанія, *якъ дило робить.* Я сознавалъ и тогда этотъ недостатокъ; но пополнить его не имѣлъ чѣмъ, да при томъ-же, надо правду сказать, и самъ очень смаковалъ въ лирической сторонѣ народной жизни. Много теплаго, хорошаго, поэтичнаго я нашелъ въ Якимѣ, много хорошихъ часовъ я провелъ съ нимъ. У меня долго хранились его задушевныя письма ко мнѣ. Многое ему разсказывалось, многое отъ него выслушивалось. Любознательности его не было предѣла; ему хотѣлось знать физику, химію, учиться по французски и по нѣмецки. Но все это было какое-то порывистое: еле успѣвалъ онъ ознакомиться съ чѣмъ, какъ оно уже ему надоѣдало и онъ начиналъ рваться къ чему другому. Послѣ, когда намъ съ нимъ пришлось погрузиться въ прозу жизни, я поплылъ по теченію, а онъ захлебывался, не могъ держаться намѣченнаго пути и тонулъ. Что съ нимъ? Гдѣ онъ теперь? Судьба разлучила насъ. Я съ болью сердца слыхалъ, что онъ не добромъ поминалъ меня, что онъ говорилъ, будто я испортилъ его. Можетъ быть, я и виновенъ предъ нимъ. Но въ чемъ вина моя? Рокъ столкнулъ его со мною и я, можетъ быть, поддержалъ въ немъ готовую осѣсться ферментацію. Но я тоже былъ молодъ, я тоже подверженъ былъ броженію, я былъ сынъ своего вѣка. Онъ или переселился на новое мѣсто, или попалъ въ чигиринскую или иную аграрную сумятицу Украйны или въ лучшемъ разѣ штундитствуетъ. Sic fata tulerant!

Итакъ, возвращаясь къ основному сюжету настоящей замѣтки, я повторяю, что въ селѣ въ началѣ 60-хъ годовъ былъ большой запросъ на грамотность. На этотъ запросъ не послѣдовало своевременнаго предложенія; мы-же учители диллетанты мало дали народу. Мизерный результатъ нашихъ усилій составляетъ миніатюрная цыфра научившихся читать. Но и эту мизерную услугу народу намъ не удалось выполнить по мѣрѣ силъ нашихъ. Вспыхнуло польское возстаніе. У насъ, на Украйнѣ, оно было только три четыре дня, но послѣдствія его и до сихъ поръ видны еще. Народъ украинскій не безъ подстрекательства, замѣчу, вскипѣлъ и смялъ-*потоп-*

тали не только кучки выступившихъ въ поле инсургентовъ, но, ассимилируя въ своемъ пониманіи ляха съ паномъ, и все панское. Національмъ вообще мало присущъ народу, а потому подогрѣтое національное движеніе народа на Украйнѣ противу *ляхивъ* само по себѣ перешло на соціальный мотивъ. «Царь намъ волю давъ, а паны й забунтувались»,—такъ разсуждалъ украинецъ, не внимая разнымъ московскаго издѣлія памфлетамъ. Тогда появилось много брошюрокъ, въ коихъ на всѣ лады пробирались поляки и ихъ возстаніе. Эти брошюрки были чуть не первымъ печатнымъ русскимъ словомъ на Украйнѣ, если не считать «Положенія», оффиціальныхъ бумагъ и лубочной литературы. Я помню эти брошюрки. Это была своевременная и даже послѣ-временная ругань на всѣ лады на поляковъ и на возстаніе со стороны тѣхъ, которые, будучи по натурѣ своей ругателями, почуяли въ то время свободу въ словоизверженіи. Мерзко вспоминать этихъ ругателей, не заслуживающихъ, собственно говоря, и воспоминанія. Украинцы-же, не умѣвшіе читать и не понимавшіе по русски, я думаю, мало знали всѣ эти словоизверженія. Одна изъ этихъ брошюрокъ: «Польская кривда и русская правда», печатанная церковными буквами, и другая, которая раздавалась при иконкахъ Спасителя, почему-то въ нашей мѣстности получили особое, таинственное значеніе. Нѣкій Каллистратовъ въ Кіевѣ издалъ во многихъ экземплярахъ и въ разныхъ размѣрахъ писанную, а также хромолитографированную икону Спасителя въ память освобожденія крестьянъ. Это былъ поясной образъ Іисуса Христа, благословляющаго правой рукой, а въ лѣвой рукѣ держащаго открытую книгу, въ которой написаны слова: *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.* У нижняго бордюра, на краю синей тоги, буквами золотыми или желтыми (смотря потому, былъ-ли образъ писанный или литографированный) было написано: «19 февраля 1861 года». Кромѣ послѣдней надписи, образъ, собственно говоря, не имѣлъ ничего, что напоминало-бы это знаменательное событіе; но вся суть недостаточно ясно выраженной образомъ мысли издателя разъяснялась въ прилагаемой къ иконамъ брошюркѣ. Одновременно съ появленіемъ въ продажѣ этихъ иконокъ [1]), правительство вводило по селамъ *бляхи*—знаки для по-

[1]) Начало продажи было расчитано ловко, по коммерчески. Лѣтомъ въ Кіевѣ масса богомольцевъ—покупателей иконъ.

левыхъ и лѣсныхъ сторожей. Въ нашей мѣстности крестьяне толковали, что всякъ, принявшій для ношенія такой знакъ, будетъ закрѣпощенъ опять панамъ и если въ селѣ такихъ носителей будетъ десять человѣкъ, то и все село будетъ закрѣпощено. Единственнымъ спасеніемъ отъ закрѣпощенія, говорили въ народѣ, служатъ вышеномянутыя иконки. Все это я узналъ случайно.

Возвращался я изъ Кіева, гдѣ также купилъ икону Спасителя, изданія Калистратова. Высадившись съ парохода въ м. Х—ровѣ, я шелъ домой пѣшкомъ и несъ иконку въ рукахъ, такъ какъ она была въ рамкѣ за стекломъ и нужно было нести ее бережно. Встрѣтившіеся мнѣ х—вцы объяснили, что иконку слѣдуетъ прятать, чтобы паны не видали, что Василь Щука, односелецъ ихъ, черезъ одного монаха, ходившаго *на прощу* въ Кіевъ, получилъ отъ самаго митрополита такую иконку и къ ней двѣ грамотки, при чемъ ему велѣно иконку и грамотки прятать и не показывать *до слушного часу*, а также *знаковъ* по возможности не брать, ибо если кто возьметъ знакъ, то будетъ опять *панськимъ*, а если въ селѣ наберется десять человѣкъ со знаками, то все село будетъ *панськимъ*. Не смотря на всѣ мои просьбы, бывшій тутъ-же Василь Щука иконки и грамотки мнѣ не показалъ, а подосланный мною послѣ грамотѣй видалъ у него брошюрку, разъясняющую смыслъ иконки, и другую: «Польская кривда и русская правда». На разные лады варьированныя подобныя-же толкованія я слыхалъ еще нѣсколько разъ.

Фактъ этотъ, какъ нельзя лучше, доказываетъ во первыхъ неразборчивость издателей и продавцевъ въ средствахъ къ наживѣ и во вторыхъ то, что народъ грамотокъ этихъ вовсе не читалъ.

Какъ извѣстно, украинцы, по случаю польскаго возстанія, при раздѣлѣ съ панами по выкупу земли остались въ выигрышѣ. Повѣрочныя коммиссіи понизили по возможности выкупной платежъ и по мѣрѣ силъ соблюли интересы крестьянъ при разверсткѣ угодій. Насколько это повліяло на благосостояніе бывшихъ подданныхъ украинцевъ, я не имѣлъ случая провѣрить. Украинофильство, переставшее по внутренней политикѣ правительства быть нужнымъ, какъ противувѣсъ полонизму, было устранено. Явилась нужда въ «обрусѣніи» спасеннаго отъ полонизаціи украинца. *Обрусители* не замедлили явиться. На сколько удачно вели дѣло обрусѣнія эти «*эле-*

менты» [1]), я не знаю. Люди, преданные украинскому народу, провели дѣло выкупа земли бывшими панскими крестьянами—*элементы* разводили бывшихъ государственныхъ крестьянъ съ казною, прихватывая остаточки въ видахъ того-же обрусѣнія края. Чигиринскія дѣла какъ чисто крестьянскія, такъ и въ компаніи съ соціалистами, говорятъ сами за себя и о дѣяніяхъ *элементовъ*.

Любопытно-бы своими глазами посмотрѣть на Украину, увидѣть, что сдѣлано за эти 20 лѣтъ по части благосостоянія народа, его просвѣщенія и наконецъ обрусѣнія.

Въ 1866 году судьба съ по-Днѣпровья закинула меня на Донъ. То, что я видѣлъ здѣсь, что подмѣтилъ, разскажу въ слѣдующемъ за этимъ очеркѣ, а теперь, посмотрѣвши своею памятью-воспоминаніемъ

На ту Украину,
Де ходили гайдамаки
Зъ святыми ножами—
На ти *шляхи*, що я мирявъ
Малыми ногами...,

Заканчиваю скорбнымъ разсказомъ эту часть моей замѣтки.

Въ маѣ 1882 года проѣзжалъ я по Днѣпру изъ Кіева въ Кременчугъ. Видѣлъ я эти ..... села

По-над-днипрянськи не весели.

Тоскливо сжималось сердце, остарѣвшее, измученное. Въ памяти моей возставали цѣлой вереницей представленія моего прошлаго. По дѣламъ я не могъ имѣть даже одного свободнаго дня, чтобы высадиться на берегъ и побывать въ знакомыхъ мнѣ мѣстахъ, повидать прежнихъ друзей. Приглубый берегъ Днѣпра въ м. Х—ровѣ занялся вынесеннымъ изъ яру муломъ, образовалась отмѣль, на которой устроена дровяная пристань. Празднующій «Зелени святки» людъ пестрой массой толпился къ пароходу; я впивался глазами въ эту толпу, стараясь угадать хоть одно знакомое лицо. Тщетно! все чужіе, незнакомые мнѣ. Но вотъ свистокъ, и мы понеслись внизъ

[1]) «Ты понимаешь, я здѣсь представляю собою русскій *элементъ!*» говаривали, часто подъ куражемъ, эти гг. обрусители. Остроумные евреи такъ и звали ихъ: «г. Элементъ, г. элементъ! Пожалуйте...».

по теченію, объѣзжая Трахтемировскую гору. Отдаленный отъ берега рѣки Переяславъ, Трахтемировъ, Монастырище, Зарубинцы, Бучакъ, горы—все это тянулось панорамой передъ моими глазами. Вотъ Селище, а далѣе за лугомъ на полугорѣ Каневъ. Я не сходилъ съ мостка парохода; весь отдавшійся воспоминаніямъ, я не хотѣлъ ничего и ни съ кѣмъ говорить; я смотрѣлъ на горы, села, убогія церкви, или всматривался въ группу богомольцевъ—черкасцевъ, чигиринцевъ, помѣщавшихся внизу подъ мосткомъ на палубѣ парохода. Я ихъ узнавалъ по покроямъ свитокъ, по формѣ очипковъ и воротамъ рубахъ. Обойдя лугъ, за которымъ расположенъ самый городъ Каневъ, мы плыли прямо къ Тарасовой горѣ. На мостокъ вышло нѣсколько пассажировъ—какая-то пожилая дама полька, цѣлое отдѣленіе кіевскаго окружнаго суда, ѣдущее въ Черкасы, и нѣсколько жидковъ. На пристани суета, изъ города въ галопъ мчатся жидки въ богуславскихъ бричкахъ. Мостковая публика смотритъ на виднѣющійся между жидкими деревцами крестъ на могилѣ Шевченка. Всѣ разговариваютъ.

— То крыжъ, поставлёны надъ Шевченкемъ,—разъясняла, отдуваясь, запыхавшаяся при всходѣ на мостокъ дама полька, *по российску*.

— Ахъ, да! Это тотъ народный поэтъ! надѣвая пенснэ, замѣчалъ одинъ изъ членовъ суда.

Я отодвинулся отъ сосѣдей. Вдругъ слышу, у меня подъ ногами длиннополый еврей объясняетъ богомольцамъ украинцамъ.

— А хиба вы не знаете?! Та тожъ вашъ святый! то самъ Тарасъ, що вамъ книжки писавъ...

— А що мы знаемъ? Може й святый. Хиба мы несьменни?—отвѣчали украинцы. Сняли шапки и набожно перекрестились.

— А опуки!...

— Имъ байдуже—жито соби сіють—подумалъ я.

Борисъ П—скій.

6 декабря 1884 года,
г. Павловскъ.

ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Отвѣтъ С. Т. Голубеву).

Въ статьѣ: «Историческія замѣтки о Кіевѣ», помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ, мы признали вполнѣ достовѣрнымъ высказанное въ свое время исторіографомъ Миллеромъ и принятое впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ мнѣніе о томъ, что кіево-братская обитель, съ братской при ней школой, впослѣдствіи академіей, существовала раньше 1615 года, къ которому начало ихъ относятъ позднѣйшіе изслѣдователи этого вопроса, и что эту школу, бывшую при богоявленской церкви, благословилъ въ 1589 году константинопольскій патріархъ Іеремія II. Чтобы утвердить это мнѣніе, подрываемое гг. Максимовичемъ, Малышевскимъ и Голубевымъ, мы старались, путемъ сопоставленія прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ, доказать, что 1) богоявленская церковь въ Кіевѣ, на Подолѣ, существовала еще въ XVI ст. и что начатая постройкою при Сагайдачномъ, но не оконченная еще и въ 1625 году, церковь Богоявленія не была первоначальною церковью сего имени, а замѣнила собою церковь существовавшую раньше 1620 г. и даже раньше 1615 года; 2) что константинопольскій патріархъ Іеремія II былъ въ кіевской странѣ на возвратномъ пути изъ Москвы и слѣдовательно могъ благословить кіево-богоявленскую школу, какъ гласитъ о томъ дошедшее къ намъ издавна извѣстіе; 3) что на существованіе въ концѣ XVI ст. кіево-братскаго монастыря указываетъ одинъ изъ документовъ его, называемый въ числѣ прочихъ въ подтвердительной царской грамотѣ 1694 г., именно купчая Андрея Обуха

1594 г. на продажу сверщовскаго двора монастырю, названному кіево-братскимъ и 4) что существованіе кіево-братскаго монастыря и школы при немъ раньше 1615 г. очевидно изъ данной въ этомъ году записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной, въ которой она прямо говоритъ, что подарила свой дворъ на Подолѣ на монастырь *патріаршей ставропигіи* и ввела въ этотъ дворъ, при возномъ и свидѣтеляхъ, какъ школу, такъ и монашествующую братію, но отнюдь не даетъ и намека на то, что и монастырь, и церковь, и школа подлежатъ еще учрежденію и устройству.

Статья наша вызвала помѣщенное въ январской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ обширное возраженіе извѣстнаго изслѣдователя исторіи южно-русской церкви С. Т. Голубева, въ его статьѣ: «Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи». Почтенный авторъ этой статьи не соглашается съ высказанными нами соображеніями и приведенными доводами. Изслѣдуя исторію мнѣній по вопросу о началѣ кіевской академіи, онъ утверждаетъ, что 1) сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588—1589 г. и объ учрежденіи имъ здѣсь *высшаго* училища при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, какъ говорятъ нѣкоторые, а позднѣйшее мнѣніе, высказанное впервые въ 1765 г. корпораціею самой академіи въ запискѣ, представленной ею въ отвѣтъ на оффиціальный запросъ о началѣ этого учрежденія и отвергнутое тою-же корпораціею и по такому-же поводу въ 1773 г.; 2) что патріархъ Іеремія ни въ 1588 г., ни въ 1589 г. не былъ въ Кіевѣ и что свидѣтельство о семъ Павла Алеппскаго не можетъ быть принято; 3) что существованія богоявленскаго братства и школы при немъ съ 1588 г. по 1615 годъ не доказываютъ документы того времени, именно «Листы королевскихъ урядниковъ» 1593 г. и «Купчая Андрея Обуха» 1594 г., такъ какъ они извѣстны по позднѣйшимъ указаніямъ, въ которыхъ названіе *братскаго монастыря* употреблено какъ современное этимъ указаніямъ, а не самымъ документамъ; 4) что учрежденіе кіево-богоявленскаго братства около 1615 года доказывается «Братскимъ уписомъ» и свидѣтельствомъ уніатскаго м. Рутскаго; 5) что мнѣніе о полученіи кіевскимъ братствомъ отъ патріарха Іереміи правъ ставропигіи, т. е. подчиненности только патріарху, не имѣетъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой 1615 г. и стоитъ въ явномъ проти-

ворѣчія какъ съ грамотою патріарха Ѳеофана 1620 г., такъ и съ письмами кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу 1625 г. и 6) что сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

Не смотря на полноту и обстоятельность изслѣдованія автора названной статьи, выводовъ его мы не считаемъ послѣднимъ словомъ по вопросу о началѣ кіевскаго богоявленскаго братства и его училища и находимъ возможнымъ противупоставить новыя возраженія его доводамъ и заключенію. Въ настоящемъ отвѣтѣ ему мы не коснемся названныхъ выше документовъ, именно: «Листовъ королевскихъ урядниковъ» и «Купчей Андрея Обуха», такъ какъ первый изъ нихъ упомянутъ у Асноченскаго, а не у насъ, относительно-же втораго мы готовы согласиться съ разъясненіемъ г. Голубева, что онъ могъ первоначально и не относиться къ братскому монастырю. Оставляемъ также въ сторонѣ и вопросъ о характерѣ кіево-братской школы до 1615 года, которой мы не усвояли значенія высшаго учебнаго заведенія. Послѣ этого спорный вопросъ о началѣ кіевской академіи можетъ касаться въ частности только слѣдующихъ 5-ти пунктовъ: 1) посѣщенія Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, 2) учрежденія кіевскаго братства, 3) времени построенія братской богоявленской церкви, 4) учрежденія кіево-братскаго монастыря и 5) учрежденія братской школы, которая, постепенно развиваясь, стала кіевскою академіею. По каждому изъ этихъ пунктовъ мы дадимъ отвѣтъ.

Начнемъ съ вопроса о томъ, былъ-ли въ Кіевѣ въ 1588 году патріархъ Іеремія, которому древнее преданіе приписываетъ санкцію кіево-братской школы. Прямыхъ свидѣтельствъ того времени объ этомъ нѣтъ. Мы сдѣлали ссылку на пріѣзжавшаго въ Кіевъ въ 1654 г. съ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ діакона Павла Алеппскаго, который говоритъ, что видѣлъ въ кіево-софійскомъ митрополичьемъ домѣ портретъ патріарха Іереміи въ числѣ портретовъ другихъ восточныхъ патріарховъ, и замѣтилъ, что такой обычай въ той *странѣ*—списывать портреты съ патріарховъ въ томъ видѣ, какъ они посѣщали ее. Г. Голубевъ говоритъ, что это не доказательство, что страна не городъ, что Іеремія былъ только въ западно-русской странѣ, но не въ Кіевѣ, что портретъ могъ быть снятъ

съ него въ другомъ мѣстѣ и присланъ въ Кіевъ. Дѣйствительно, Павелъ діаконъ въ указанномъ нами мѣстѣ не говоритъ, чтобы патріархи, портреты которыхъ онъ видѣлъ, посѣщали именно Кіевъ; но говоря, что они посѣщали *эту страну*, безъ сомнѣнія онъ разумѣлъ то мѣсто, въ которомъ тогда находился самъ, т. е. *страну* кіевскую. Г. Голубевъ прибавляетъ, что о посѣщеніи Кіева патріархами антіохійскимъ Іоакимомъ и александрійскимъ Мелетіемъ нѣтъ вовсе письменныхъ свидѣтельствъ того времени; но, скажемъ мы, нѣтъ и тоговременныхъ указаній на то, что они не были здѣсь. Что до Іереміи, то на чемъ нибудь основывали свое мнѣніе о посѣщеніи имъ Кіева въ 1589 г. составители академической записки 1765 году, на чемъ нибудь основывалъ свое извѣстіе о томъ-же россійскій исторіографъ Миллеръ, который въ 1725 году былъ уже адъюнктомъ исторіи въ с.-петербургской академіи наукъ, на что нибудь опирался въ своихъ историческихъ трудахъ извѣстный Василій Рубанъ, который самъ обучался въ кіевской академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Оба они—Миллеръ и Рубанъ, безъ сомнѣнія, могли имѣть документы о началѣ кіево-братскаго монастыря и его училища, не дошедшіе до насъ, и кое-что могли слышать о семъ отъ Ѳеофана Прокоповича и другихъ старѣйшихъ воспитанниковъ и учителей кіевской академіи.—Г. Голубевъ слѣдитъ путь патріарха Іереміи въ Москву и изъ Москвы, съ цѣлію доказать, что онъ не могъ быть въ Кіевѣ; но изъ его-же свѣдѣній видно, что изъ обратнаго пути Іереміи болѣе двухъ мѣсяцевъ приходится на пребываніе его въ Замостьѣ. Точно-ли и жилъ онъ все это время въ Замостьѣ? Вѣдь главною цѣлью его путешествія былъ сборъ пожертвованій на патріархію. Можно-ли допустить, чтобы патріархъ столь долгое время сидѣлъ безъ дѣла въ маленькомъ городкѣ, въ которомъ и прежде уже былъ? Естественно-ли вообще думать, чтобы въ это или иное время патріархъ не посѣтилъ г. Острога, гдѣ была резиденція богатѣйшаго и могущественнѣйшаго защитника православныхъ князя Константина Острожскаго, и Кіева, бывшаго все-же главнымъ городомъ воеводства, важнымъ торговымъ пунктомъ и, по своей святынѣ, опорой православія въ Украйнѣ?

По вопросу о времени учрежденія кіевскаго братства г. Голубевъ въ окончательномъ своемъ выводѣ утверждаетъ, что кіевское братство сформировалось около 1615 года; но раньше этого гово-

рить, что «братство не сформировалось еще окончательно въ то время, когда фундація Гальшки Гулевичевой приводима была въ исполненіе», т. е. въ 1615 г., и допускаетъ даже, что «нѣкоторое, очень непродолжительное время оно существовало уже при одной изъ кіево-подольскихъ церквей», словомъ: склоняется болѣе къ тому, что братство учредилось и существовало раньше 1615 года, а слѣдовательно онъ не стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ нашимъ мнѣніемъ о существованіи кіевскаго братства въ 1589 г., т. е. за 25 лѣтъ до записи Гальшки Гулевичевой. Мы не хотимъ однако пользоваться противорѣчіемъ въ словахъ г. Голубева, мы беремъ его окончательный выводъ, что кіево-богоявленское братство сформировалось около 1615 г. На чемъ основанъ этотъ выводъ? Г. Голубевъ ссылается на «Братскій уписъ». Но «уписъ» кіевскихъ братчиковъ, помѣщенный во 2-мъ томѣ Памятниковъ кіевской коммиссіи, помѣченъ 1631 годомъ, на самомъ-же дѣлѣ принадлежитъ даже позднѣйшему времени, но отнюдь не 1615 году. Тутъ въ числѣ вписавшихся въ братство нѣтъ ни Елисея Плетенецкаго, ни Исаіи Копинскаго, ни Іова Борецкаго, которые безъ сомнѣнія принадлежали къ братству 1615 года, а между тѣмъ есть подписи Исаіи Трофимовича Козловскаго и Сильвестра Коссова, которые въ 1631 году находились еще въ Львовѣ и въ это время только еще приглашались прибыть въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей, и притомъ не въ братской, а въ лаврской школѣ Петра Могилы [1]).

Напрасно также г. Голубевъ полагаетъ, что пожертвованіе Анною Гулевичевою своего двора сдѣлано не кіевскому братству, а «состоялось подъ вліяніемъ кіево-печерской лавры». О кіево-печерской лаврѣ въ записи нѣтъ и помину, между тѣмъ дворъ жертвуется не только для школы, но подъ гостинницу и богадѣльню, подъ такія учрежденія, которыя, какъ извѣстно, вѣдало тогда не школьное начальство, а церковныя братства; значитъ завѣщаніе Анны Гулевичевой необходимо даже предполагаетъ существованіе братства. И дѣйствительно братство не только существовало въ 1615 г. во время этой записи, но самая запись эта дана не кому иному, какъ братству, или, говоря словами записи, «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго *духовнымъ и свѣт-*

[1]) Памятники кіевской коммиссіи, т. 2, стр. 97.

скимъ въ повѣтехъ воеводства кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго». Г. Голубевъ, не желая подъ духовными и свѣтскими здѣсь лицами видѣть братчиковъ, говоритъ, будто «во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ», т. е. братствомъ. Но мы можемъ указать по крайней мѣрѣ три такихъ документа, именно: письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу отъ 10 апрѣля 1625 года, письмо ихъ-же къ московскому думному дьяку Ивану Грамотину отъ тогоже числа и письмо ихъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 17 января 1626 г. Ни въ одномъ изъ этихъ документовъ братчики не называютъ себя «братствомъ», но братіями духовными свѣтскими; такъ въ подписи подъ первымъ письмомъ значится: «всѣ о Христѣ братія православныи братства церковнаго кіевскаго *духовныи*, купно и *мирстіи*»; во второмъ «всѣ братія православныи братства церковнаго кіевскаго, *духовные* и *свѣтскіи*»; въ третьемъ «всѣ о Христѣ братія церковнаго соединенія при храмѣ Богоявленія въ Кіевѣ [1]»). Если-же въ записи Гулевичевой не видѣть упоминанія о братчикахъ по отсутствію въ ней слова «братство», то возникаетъ неразрѣшимое недоумѣніе, кому-же дается эта запись? Кто владѣлецъ будущій фундаціи? Кто будетъ вѣдать богадѣльню, гостинницу и школу? Скажутъ: монастырь? Но, по мнѣнію гг. Малышевскаго и Голубева, въ 1615 году братскаго монастыря еще не было, онъ является у нихъ только съ 1620 г., съ прибытіемъ въ Кіевъ патріарха Ѳеофана. Г. Голубевъ свое мнѣніе о сформированіи богоявленскаго братства въ 1615 г. основываетъ еще на фразѣ: «*начинаемъ* братство церковное», употребленной въ «уписѣ» кіевскаго братства. Но, какъ замѣчено выше, этотъ «уписъ» не 1615 года, а 1631 года. Слово *начинаемъ* было стереотипною фразою не только первыхъ, но и послѣдующихъ дополнительныхъ «уписовъ», а патріархи, митрополиты и епископы въ благословенныхъ грамотахъ братствамъ нерѣдко давали благословеніе и утвержденіе братствамъ не только существовавшимъ раньше времени грамотъ, но и утвержденнымъ ихъ предшественниками, безъ упоминанія о томъ и другомъ. Такъ въ 1606 году львовскій епископъ Гедеонъ Бала-

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, т. VI, Приложенія, стр. 554, 556 и 573.

банъ благословенною грамотой утвердилъ замостьское братство, учрежденное при церкви св. Николая славетнымъ паномъ Ѳеодоромъ Волосовичемъ до вступленія Гедеона на львовскую каѳедру и имѣвшее уже грамоту патріаршую на греческомъ языкѣ, «служащую тому братству св. Николая»[1]). Грамота эта, какъ полагаетъ профессоръ Петровъ, дана несомнѣнно въ 1588—1589 г. константинопольскимъ патріархомъ Іереміею; но объ ней въ грамотѣ Балабана вовсе не упоминается. Патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ, утвердилъ уставъ виленскаго братства, которое раньше сего, въ 1588 года, было утверждено константинопольскимъ патріархомъ Іереміею. «Чинъ» этого братства напечатанъ былъ въ томъ-же 1588 г. въ Вильнѣ, хотя не дошелъ до насъ. Тотъ-же патріархъ Ѳеофанъ въ томъ-же 1620 году благословилъ и утвердилъ *слуцкое* братство, основанное за 10 лѣтъ предъ тѣмъ, *могилевское* братство, учрежденное въ 1588 году со школою и съ коллегіею ученыхъ и проповѣдниковъ, по грамотѣ испрошенной у патріарха Іереміи въ Вильнѣ и имѣвшее еще утвердительную грамоту отъ патріаршаго протосинкела Никифора, данную въ Варшавѣ 1597 года, и *луцкое* братство на Волыни, сформировавшееся предъ тѣмъ[2]). *Люблинское* братство имѣло привилей королевскій, писанный на пергаменѣ русскимъ письмомъ, раньше своего утвержденія, испрошеннаго въ 1594 г. у митрополита кіевскаго Михаила Рагозы[3]). Такимъ образомъ утвержденіе братства патріаршею или митрополичьей грамотами не служитъ еще датой, опредѣляющей его начало. Съ другой стороны извѣстно, что братства гораздо древнѣе XVII вѣка, хотя прежде они имѣли нѣсколько иной характеръ, будучи болѣе церковными и благотворительными, чѣмъ просвѣтительными учрежденіями. Существованіе львовскаго братства относятъ къ первой половинѣ XV в. Греки еще въ 1498 г. устроили въ Венеціи братскій домъ во имя св. Николая. Особенную извѣстность пріобрѣло братство на островѣ

---

[1]) «Кіевская Старина», 1882 г., мѣсяцъ іюль, стр. 29—30 и 153, гдѣ напечатана и грамота Гедеона Балабана.

[2]) Исторія русской церкви митр. Макарія, т. XI, стр. 246—247. Петръ Могила. С. Голубева, т. I, Приложенія, стр. 254—255.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, т. VI, стр.

Корфу [1]). Отъ чего-жъ не явиться братству раньше XVII вѣка и въ Кіевѣ, который всегда имѣлъ сношенія и съ Львовымъ и съ Греціей? Хотя кіевскіе митрополиты въ XVI вѣкѣ жили не въ Кіевѣ, а близь Вильны—въ Новогрудкѣ, но Кіевъ считался по прежнему ихъ стольнымъ городомъ, а св. Софія кіевская ихъ каѳедрою; при ней находились митрополичіе намѣстники, собиравшіе и доходъ съ земельныхъ митрополичьихъ здѣсь угодій, а потому *чинъ виленскаго церковнаго братства*, напечатанный въ 1588 г. по благословенію митрополита кіевскаго Онисифора и распространенный по юго-западной Россіи въ такомъ числѣ, что 30 экземпляровъ онаго получено было въ одномъ Львовѣ, не могъ не быть извѣстнымъ тогда-же въ Кіевѣ. Могъ-ли онъ не встрѣтить себѣ сочувствія въ кіевскихъ гражданахъ и примѣненія въ тоже время, а не спустя уже 25 лѣтъ? Если вся Литва и Бѣлоруссія къ концу XVI вѣка была уже усѣяна братствами, если около того времени они существовали не только въ болѣе значительныхъ, но и въ меньшихъ городахъ и мѣстечкахъ кіевской митрополіи, каковыми были: Брестъ, Красноставъ, Бѣльскъ, Слуцкъ и др., то быть не можетъ, чтобы тогда не было братства и въ Кіевѣ. Изъ грамоты патріарха Ѳеофана отъ 17 мая 1620 года видно, что въ бытность его въ Кіевѣ учреждено только *младенческое*, или младшее братство, «*старѣйшему* братству единомысленное и повинующееся», какъ говорится въ упомянутой грамотѣ. Когда-же учреждено это *старѣйшее* братство? Кіевскіе братчики въ письмѣ своемъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г. прописываютъ, между прочимъ, что они «въ единство любви и въ тождество духа совокупились благословеніемъ и *грамотнымъ* утвержденіемъ вселенскаго патріарха *константинопольскаго*», а это ясно указываетъ на начало кіевскаго братства отъ константинопольскаго патріарха Іереміи, ибо никакой грамоты на это дѣло не привозили къ нимъ отъ константинопольскаго патріарха Тимофея ни самъ патріархъ Ѳеофанъ, ни экзархъ константинопольскаго патріарха. Вѣроятно, эта грамота сгорѣла въ пожаръ 1614 года. Наконецъ если въ грамотѣ патріарха Ѳеофана 1620 г. видѣть начальное утвержденіе кіевскаго братства;

[1]) Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій. И. Малышевскаго, т. I, стр. 40, 509—510.

то съ равнымъ правомъ надлежало-бы относить учрежденіе этого братства еще къ позднѣйшему времени—къ 1629 году, въ которомъ польскій король Сигизмундъ III грамотой объявилъ: «мы король на основаніе братства милосердія въ г. Кіевѣ на грунтѣ Лозкиной-Гулевичевой, и богадѣльни, и на устроеніе церкви соизволяемъ [1])».

Время построенія въ Кіевѣ, на Подолѣ, богоявленской церкви, при которой учреждалось братство, основался монастырь и заведена школа, г. Голубевъ относитъ къ 1615 г. и дѣлаетъ это не на основаніи какого-либо историческаго свидѣтельства, а по простому соображенію, что разъ учреждено было братство и получило фундушъ отъ Анны Гулевичевой, то не могло-же оно не позаботиться о постройкѣ церкви. Но какъ быть съ противорѣчащими сему двумя прямыми указаніями, именно: упоминаніемъ о богоявленской церкви въ описи кіевскаго замка 1555 года и извѣстіемъ грамоты патріарха Ѳеофана 1620 года о строившейся въ его пріѣздъ церкви Богоявленія, между тѣмъ какъ самъ онъ имѣлъ служеніе также въ богоявленской церкви? Первое свидѣтельство г. Голубевъ отстраняетъ тѣмъ предположеніемъ, что существовавшая въ 1555 года церковь сгорѣла во время пожара 1614 года, и въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ссылку на исторіографа Миллера, котораго извѣстію о началѣ кіевскаго братства и школы въ 1589 году онъ не вѣритъ. Но что-нибудь одно: нужно вѣрить или не вѣрить сообщенію Миллера. Если не вѣрить, то за чѣмъ на него и ссылаться? Во всякомъ случаѣ нужно помнить, что ни Миллеръ, ни Рубанъ, ни митрополитъ Евгеній не говорятъ, чтобы во время этого пожара сгорѣла богоявленская церковь. А если она существовала и позже—въ 1620 году, если въ ней служилъ и совершалъ архіерейскія хиротоніи патріархъ Ѳеофанъ въ томъ-же году, то нѣтъ сомнѣнія, что не она сгорѣла за 5 лѣтъ предъ тѣмъ, а сгорѣли только жилыя, бывшія при ней постройки. Что касается извѣстія грамоты патр. Ѳеофана о новозаложенной предъ его прибытіемъ богоявленской церкви, которое не согласуется съ мнѣніемъ г. Голубева о построеніи въ 1615 г. братской того-же имени церкви, то это противорѣчіе Голубевъ объясняетъ тѣмъ, что послѣдняя церковь строи-

[1]) Памятники кіевской коммисіи, т. 2, стр. 86—90.

ена была, безъ сомнѣнія, на скорую руку и не могла удовлетворять духовнымъ нуждамъ братства». Отъ чего-же на скорую руку? Церквей обыденныхъ и на скорую руку въ юго-западной Руси не строили, и если кіевскому братству въ 1620 г. потребовалось заложить новую церковь, то, конечно, за обветшаніемъ прежней отъ давности. Эта новая трехъ-престольная церковь, заложенная при участіи гетмана Сагайдачнаго и на основаніе которой «даровано первѣе отъ щедротныя и благоподатливыя десницы царской», была конечно обширнѣе и великолѣпнѣе первой; но все-же въ постройкѣ ея не представлялось надобности, если менѣе чѣмъ за пять лѣтъ предъ тѣмъ была построена уже церковь.

Для насъ въ данномъ случаѣ важно въ особенности то, что какъ первая, такъ и послѣдняя богоявленскія церкви носили названіе «братскихъ» церквей; такъ первую называетъ братскою Кассіанъ Саковичъ, бывшій ректоромъ кіевскихъ школъ въ 1622 г., а послѣднюю такъ называютъ сами братчики въ письмѣ къ московскому дьяку Грамотину.

Относя къ 1615 году построеніе богоявленской церкви, при которой получила свое начало школа—будущая академія, г. Голубевъ начало кіево-братскаго монастыря не допускаетъ даже и въ это, довольно позднее время. Онъ думаетъ, что Анна Гулевичева въ своей записи 1615 года выражаетъ лишь желаніе, или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы на ея фундушѣ былъ устроенъ монастырь ставропигіальный, и прибавляетъ: «большаго вывода изъ этой записи и сдѣлать нельзя». Въ самомъ изслѣдованіи Голубева находятся два опредѣленныя, хотя и противорѣчащія другъ другу, давнія мнѣнія о времени устроенія кіево-братскаго монастыря. Такъ, въ исторической запискѣ 1773 г. о началѣ кіевской академіи говорится, что «гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный съ прочими христолюбцами вновь своимъ иждивеніемъ церковь и *обитель* богоявленскую воздвигъ», и въ подтвержденіе этого дѣлается ссылка на грамоту іерусалимскаго патріарха Паисія, бывшаго въ Кіевѣ въ 1649 году; а составители такой-же записки 1765 года, «по соображенію нѣкоторыхъ обстоятельствъ», полагали, что кіево-братскій «монастырь со школою заложенъ въ 1588 году патріархомъ Іереміею, когда онъ былъ въ Россіи». Первое мнѣніе исключаетъ собою второе; но оно опирается на такомъ документѣ, который не имѣлъ въ виду исто-

рической точности въ передаваемомъ имъ случайно свѣдѣніи и потому этому мнѣнію нельзя отдать предпочтенія предъ другимъ, болѣе давнимъ. Тѣ «нѣкоторыя обстоятельства», которыя соображали, но о которыхъ умолчали составители записки 1765 г., понятны сами собою. Они, безъ сомнѣнія, имѣли подъ рукою неоспоримыя доказательства существованія братства и школы еще въ 1588—89 г., въ пріѣздъ константинопольскаго патріарха Іереміи, и исходя въ своихъ соображеніяхъ о прошломъ отъ современнаго имъ положенія, въ которомъ не академія содержала монастырь, но монастырь распоряжался школою, содержалъ ее и училъ въ ней, пришли къ заключенію, что монастырь заложенъ одновременно со школою въ 1588 г. Но если въ такомъ вопросѣ руководствоваться не одними соображеніями, болѣе или менѣе правдоподобными, а прямыми историческими указаніями, то и въ такомъ случаѣ начало кіево-братскаго монастыря нельзя относить позже 1615 года, какъ это дѣлаетъ почтенный нашъ возражатель. Въ 1625 году кіевскіе братчики писали думному дьяку Грамотину, между прочимъ, слѣдующее: «мы, братство сотворше, *монастырь* инокомъ и церковь Богоявленія Господня..... *здати* начахомъ». А какъ церковь, о которой писали братчики и на окончаніе которой они просили теперь царскаго пособія, несомнѣнно начата постройкою до 1620 года то изъ приведенныхъ словъ можно заключать, что и кіево-братскій монастырь существовалъ до 1620 годавъ которомъ, въ пріѣздъ патріарха Ѳеофана, получилъ подтвержденіе права ставропигіи. Когда-же именно онъ основанъ? Въ записи Анны Гулевичевой говорится, что она тогда-же, т. е. 15 октября 1615 г., въ пожертвованный ею братству дворъ ввела священноинока Исаію Купинскаго и прочихъ *монашествующихъ*, передавъ этотъ дворъ имъ, равно и всѣмъ православнымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе, при возномъ и дворянахъ, т. е. судебнымъ порядкомъ. Итакъ, не должно быть никакого сомнѣнія въ томъ, что монастырь на нынѣшнемъ братскомъ дворѣ получилъ свое начало никакъ не позже 15 октября 1615 г., если не видѣть въ словахъ завѣщательницы того, что она перевела раньше существовавшій монастырь съ прежняго его мѣста въ свой дворъ. Если понимать слова завѣщанія въ прямомъ смыслѣ, то слѣдуетъ полагать, что основателями кіево-братскаго монастыря были кіевскіе братчики, обыватели

кіевскаго воеводства, которые и въ актѣ 30 декабря 1631 г., признающемъ Петра Могилу главнымъ распорядителемъ кіевскихъ школъ, называютъ кіево-братскую церковь своею, «нашею» [1]).

Понятно само собою, что когда рѣчь идетъ о началѣ кіевской академіи, явившейся первоначально въ видѣ братской школы при богоявленской церкви и братскомъ монастырѣ, то всѣ изслѣдованные доселѣ вопросы о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іеремією, объ учрежденіи кіевскаго братства, о построеніи богоявленской церкви и основаніи кіево-братскаго монастыря имѣютъ значеніе лишь сопровождающихъ обстоятельствъ, хотя такихъ, отъ разъясненія которыхъ зависитъ рѣшеніе главнаго вопроса о началѣ самой академіи, или кіево-братско-богоявленской школы. Почтенный нашъ оппонентъ, рѣшая всѣ эти вопросы заразъ, только отчасти касается вопроса собственно *объ учрежденіи самой школы* — будущей академіи, ограничиваясь однимъ бездоказательнымъ предположеніемъ, что «школа, введенная Гулевичевою въ ея дворъ, вѣроятнѣе всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кіево-печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, «школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора» (стр. 30). Г. Голубевъ думаетъ, что *учредителемъ кіевской школы* было не братство, а Елисей *Плетенецкій* (1594—1624 г.), и это потому только, что въ надгробномъ словѣ Захарія Копыстенскій назвалъ Плетенецкаго «школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливымъ создателемъ». Но если основываться на одной любви вліятельнаго лица къ просвѣщенію, то почему основателемъ богоявленской школы не считать скорѣе кіевскаго воеводу Константина Острожскаго (1557—1608), учредившаго въ г. Острогѣ школу высшихъ наукъ около 1570 года, а въ 1602 г. устроившаго училище съ типографіею въ Дермани? Вѣдь это былъ, помимо всего, воевода кіевскій, и въ дѣлахъ Кіева принималъ живое участіе. Въ 1603 г. онъ утвердилъ для Кіева протопопа Іоанна Мужиловскаго, въ 1605 г. назначилъ изъ Острога въ кіево-кириловскій монастырь игумена Василія Красовскаго, а раньше въ 1599 году прислалъ въ Межигорье съ двумя иноками на игуменство воспитавшагося въ г. Острогѣ Аѳанасія, обновившаго древній межигорскій монастырь, надѣлялъ угодьями кіево-михайловскій мо-

[1]) Памятники кіевской коммисіи, т. II, № 8.

пастырь и даже новопосвященному изъ сенаторовъ владимірскому епископу Ипатію Потѣю совѣтовалъ, въ 1593 году, позаботиться «о закладаньи школъ и наукъ вольныхъ». Если-бы Елисей Плетенецкій хотѣлъ завести въ Кіевѣ училище, то первѣе всего онъ завелъ-бы таковое въ кіево-печерской лаврѣ, подобно Петру Могилѣ, который, только уваживъ просьбы кіевскихъ братчиковъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, согласился соединить открытое имъ въ 1631 году въ лаврѣ училище съ кіево-братскимъ на Подолѣ. Впрочемъ то вѣрно, что училище братское существовало въ Кіевѣ до 1615 года, хотя съ меньшимъ курсомъ, чѣмъ послѣ 1615 года, и достаточнымъ доказательствомъ сего служитъ уже одно то, что училище, существовавшее только in spe,—*будущее*, какъ назвалъ его И. И. Малышевскій, не могло быть введено въ дворъ Гулевичевой-Лозкиной 15 октября 1615 г. судебнымъ порядкомъ, при возномъ и при свидѣтеляхъ, а въ ея записи значится: «ввожу и ввела въ свой дворъ школу при возномъ и свидѣтеляхъ». Кажется, противъ этого возражать нечего. Потому нѣтъ основанія отвергать и вѣрность передаваемаго исторіографомъ Миллеромъ свѣдѣнія о томъ, что зданіе кіево-братской школы сгорѣло въ 1614 году и что этотъ печальный для братства случай былъ поводомъ къ пожертвованію Лозкиной-Гулевичевой.

Заканчивая нашъ отвѣтъ С. Т. Голубеву, замѣтимъ еще, что напрасно онъ въ состояніи Кіева въ концѣ XVI ст. усматриваетъ невозможность учрежденія училища до 1615 года, когда училища были уже въ Острогѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Брестѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ. Онъ старается подтвердить свое мнѣніе тѣмъ, что въ 1546 году кіево-софійскій соборъ, по свидѣтельству католическаго бискупа, былъ въ запустѣніи, что кіевскіе братчики въ «уписѣ» называютъ себя «пребывавшими въ долговременномъ нерадѣніи и лѣности и мрачной суетѣ мірской»; что самая печерская лавра не имѣла тогда ни училища, ни типографіи, ни богадѣльни. Но въ запустѣніи въ половинѣ XVI ст. стоялъ не одинъ софійскій соборъ, а и другіе древніе храмы такъ называемаго стараго Кіева и не отъ нерадѣнія кіевлянъ, не отъ упадка его жителей въ нравственномъ отношеніи, а отъ того, что этотъ старый Кіевъ, оставленный митрополитами и князьями вслѣдствіе постоянныхъ нападеній и разореній татарскихъ, разбѣжался и почти не имѣлъ жителей; одни изъ нихъ переселились на Подолъ, подъ защиту литовскаго замка на г. Киселевкѣ,

другіе удалились въ болѣе безопасную лѣсистую мѣстность. Но въ послѣднюю четверть XVI вѣка эта древняя часть города стала опять заселяться по вызову кіевскаго воеводы, князя Константина К. Острожскаго, который «на горѣ, подлѣ Софіи, межи валы, вкопалъ столбъ и зазывалъ на слободу». И возстановленіе кіевскихъ храмовъ начато было, какъ извѣстно, въ то-же время. Въ 1577 г. софійскій намѣстникъ Богушъ-Гулькевичъ-Глѣбовскій «своими власными пѣнязьми учинилъ не малый поратунокъ и подпоможенье въ оправѣ великой церкви св. Софіи, ее покрылъ и побилъ», какъ значится въ грамотѣ митрополита Ильи Кучи [1]). Кіево-михайловскій монастырь началъ возобновляться еще раньше, почти съ начала XVI вѣка; затѣмъ приступлено къ возобновленію и древнихъ загородныхъ монастырей: кирилловскаго, межигорскаго, выдубицкаго. Смиренные о себѣ отзывы братчиковъ не слѣдуетъ обращать въ обвинительный актъ противъ всѣхъ граждапъ Кіева. Отсутствіе училища и другихъ учрежденій при печерской лаврѣ въ XVI вѣкѣ не можетъ давать основанія заключать о томъ, чего не было въ городѣ Кіевѣ. Печерская лавра въ то время была загороднымъ мѣстомъ и къ городу не принадлежала, а у насъ рѣчь о городѣ Кіевѣ, который въ XVI вѣкѣ существовалъ только на Подолѣ. Вообще г. Голубевъ, для подкрѣпленія своихъ доказательствъ, бросаетъ Кіеву такой упрекъ, который въ равной мѣрѣ могъ относиться ко всей западной Россіи до 2-й половины XVI вѣка, если не принимать во вниманіе положеніе православной церкви подъ гнетомъ полонизма и католицизма и подъ страхомъ непрекращавшихся татарскихъ набѣговъ.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, мы по прежнему считаемъ вполнѣ достовѣрнымъ, что кіевское братство со школой, будущею академіей, учреждено при Богоявленской церкви въ 1589 г., по благословенію патр. Іереміи—личному или данному чрезъ депутатовъ, посланныхъ къ нему въ Замостье, а въ 1615 г. оно, со школою-же, перешло на новое, сосѣднее мѣсто, во дворъ, пожертвованный ему Гулевичевой-Лозкиной.

П. Л.

---

[1]) Описаніе кіево-софійскаго собора, 1882 г., стр. 81.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1].

VI.

Люблинская унія съ ея правами не относилась къ Галицкой Руси, еще раньше завоеванной Казиміромъ III, съ которой поляки обращались, какъ обыкновенно побѣдители съ побѣжденными.

Законы составлялись для Литовской Руси. Правда Сигизмундъ Августъ незадолго до своей смерти уравнялъ также галицкую и подольскую шляхту съ польской; однако и послѣ того права уніи городельской и люблинской распространялись только на русскую шляхту, исповѣдывавшую латинскій обрядъ, а православная шляхта исключена была отъ урядовъ и должностей.

Поэтому въ томъ-же 1569 году депутаты львовскіе Васько Тихоновичъ и Хома Бабичъ, основываясь на актѣ соединенія, обратились къ королю съ такою петиціею, что русскіе всѣхъ польскихъ провинцій имѣютъ теперь равныя права съ поляками, а потому несправедливо, чтобы русскіе г. Львова лишались этихъ правъ. На варшавскомъ сеймѣ 1572 года 20 мая они получили дипломъ, по которому львовскіе жители, исповѣдывавшіе восточный обрядъ, пользуются равнымъ почетомъ, правами и привилегіями съ послѣдователями латинскаго обряда и могутъ производить всякую торговлю; запрещалось также, подъ штрафомъ въ 20,000 злот. венгерскихъ, притѣснять или преслѣдовать какъ

---

[1]) См. январьск. кн. «Кіевская Старина», 1885 г., стр. 19—56.

ихъ самихъ, такъ и русское духовенство. Однако эта привилегія не была приведена въ исполненіе; король вскорѣ умеръ, а русскіе обыватели г. Львова терпѣли многочисленныя преслѣдованія.

Генрихъ Валуа подтвердилъ этотъ дипломъ своего предшественникъ, но рада города Львова, состоявшая изъ однихъ католиковъ, не хотѣла и слышать о томъ. Русскіе внесли въ урядъ протестацію, на которую радцы не обратили вниманія, когда-же они, во время ярмарки 1575 г. хотѣли публично продавать свои товары, бурмистры приказали разобрать ихъ лавки, а купца Дмитрія Красовскаго арестовать и подвергнуть штрафу. Дѣло представлено было на судъ короля Стефана, который самъ въ 1577 г. подтвердилъ было упомянутый дипломъ. Король рѣшилъ, что русскіе имѣютъ право продавать свои товары только во время ярмарки и то путемъ розвичной продажи. Такимъ образомъ дипломъ Сигизмунда Августа, добытый съ большими препятствіями, издержками и усиліями, подтвержденный двумя королями, былъ уничтоженъ при третьемъ.

Говорить о благодѣяніяхъ люблинской уніи въ особенности для Галицкой Руси можетъ только тотъ, кто не знаетъ польской исторіи, или же упорствуетъ, поддерживая это заблужденіе. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія борьба двухъ противоположныхъ между собою элементовъ—польскаго и русскаго въ Червоной Руси. Край этотъ былъ ареной, на которой прежде всего столкнулись русскія и польскія силы, онъ былъ предметомъ споровъ въ теченіи девяти вѣковъ, какимъ остается и до настоящаго времени. Наводненная поляками Червоная Русь первая выработала идею церковныхъ братствъ; она дольше всего удерживала православіе и позже всего приняла унію. Правда, она произвела Жолкевскаго, Собѣскаго и др., но изъ нея-же происходили: Петръ Сагайдачный, Іоаннъ Вишенскій и т. п.

Послѣдствія люблинской уніи оказались еще менѣе благопріятными, вслѣдствіе новаго поворота въ сферѣ религіозныхъ отношеній. Для поддержанія католической церкви кардиналъ Гозіусъ водворилъ въ Польшѣ іезуитовъ и въ 1566 г. основалъ для нихъ коллегію въ Варміи, а въ 1569 г. виленскій епископъ Валерій Протасевичъ вызвалъ ихъ въ Вильно. Іезуиты основали свои коллегіи въ Познани, Пултускѣ, Вильнѣ и т. д. и вновь насаждали въ по-

ляках религіозную нетерпимость, которая, какъ гидра, до конца терзала Польшу, потому что іезуиты, ослабивъ протестантскую партію, всю свою энергію обратили на борьбу противъ православія.

Такимъ образомъ къ политической централизаціи, введенной посредствомъ люблинской уніи, прибавилась еще религіозная нетерпимость, окончательно сгубившая Польшу. Поэтому мы не отрицаемъ важность люблинской уніи и напротивъ приписываемъ ей огромное значеніе—это была одна изъ причинъ упадка Польши. Вслѣдствіе принесенія Руси въ жертву Польшѣ и происшедшихъ отсюда столкновеній, составныя части Рѣчи Посполитой до такой степени взаимно ослабились, что уже Янъ Казиміръ, на варшавскомъ сеймѣ 1661 г., былъ въ состояніи предсказать раздѣлъ Польши.

VII.

По смерти Сигизмунда Августа преемникомъ ему избранъ былъ Генрихъ Валуа. Король этотъ пробылъ на польскомъ тронѣ слишкомъ мало, чтобы можно было сказать о немъ что нибудь положительное. Слѣдуетъ развѣ вспомнить только о томъ, что онъ первый присягнулъ на такъ называемыхъ *pacta conventa,* гдѣ между прочими статьями значилось: «никто не можетъ подвергаться наказаніямъ или преслѣдованіямъ за вѣроисповѣданіе», т. е. иными словами это означало, что диссиденты будутъ оставлены въ покоѣ.

Диссидентами называли всѣхъ иновѣрцевъ, но подъ этимъ именемъ слѣдуетъ по преимуществу разумѣть православныхъ русскихъ, которые были многочисленнѣе другихъ въ Польшѣ. Дѣйствительно-ли права и привилегіи диссидентовъ считались неприкосновенными въ Польшѣ, увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Какъ разумный политикъ, Стефанъ Баторій не только не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, а напротивъ даже бралъ ихъ подъ защиту. Онъ говорилъ обыкновенно: «я король надъ людьми, а не надъ ихъ совѣстью». Когда Баторію представляли всѣ выгоды отъ соединенія русской церкви съ римскою для политической цѣльности и усиленія Рѣчи Посполитой, онъ не поддался этимъ наговорамъ и сказалъ въ отвѣтъ слѣдующія памятныя слова: «Благодаримъ Бога за то, что вступивши на польскій престолъ,

мы нашли великій и сильный русскій народъ въ согласіи съ народомъ польскимъ и литовскимъ. У нихъ одни желанія, они равны между собою и взаимно уважаютъ другъ друга; между ними нѣтъ непріязни. Богослуженіе совершается спокойно и безпрепятственно въ римскихъ костелахъ и въ русскихъ церквяхъ. Мы радуемся такому согласію и не считаемъ нужнымъ принуждать къ объединенію двухъ церквей. Мы не знаемъ, что можетъ возникнуть и вырости изъ такого положенія дѣлъ, но думаемъ и признаемъ, что въ случаѣ принужденія возникнетъ только непріязнь и борьба между Русью и Польшей, вмѣсто единенія и согласія, и послѣдуетъ паденіе и гибель обоихъ народовъ».

Впрочемъ вліяніе католическаго духовенства на Руси было еще незначительно; ксензовъ было такъ мало, что не только въ кіевской землѣ, но и на Волыни русскіе священники крестили польскихъ дѣтей, пріобщали больныхъ и погребали умершихъ поляковъ, которые не дѣлали большаго различія между католическими и русскими священниками. Іерархія латинская считала необходимымъ выпросить у Баторія универсалъ, запрещающій подъ страхомъ наказанія православнымъ епископамъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла католиковъ.

Изъ приведенныхъ выше словъ короля Баторія ясно, что онъ предвидѣлъ тѣ бѣдствія, какія должны были наступить въ Польшѣ вслѣдствіе нетерпимости, и указывалъ, что она можетъ повести за собою гибель обоихъ народовъ. Но этотъ разумный король не предвидѣлъ, что орденъ іезуитовъ, которому онъ отдалъ виленскую академію и другія школы, вмѣсто распространенія просвѣщенія занялся впослѣдствіи исключительно преслѣдованіемъ иновѣрцевъ и что именно этотъ орденъ произвелъ упадокъ, который предвидѣлъ Баторій. Послѣ завоеванія Полоцка въ 1580 г. Баторій, по просьбѣ іезуита Скарги, отобралъ имѣнія четырнадцати русскихъ монастырей и церквей и подарилъ ихъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ.

Въ 1582 г. введенъ новый грегоріянскій календарь. Согласно съ планами іезуитовъ въ слѣдующемъ году прислана львовскому бурмистру королевская грамота, запрещавшая православнымъ заниматься ремеслами и торговлею въ праздничные дни по новому календарю; іезуиты расширили это запрещеніе и на празд-

ники, чествуемые по старому календарю. Дѣйствуя по обыкновенію скрытно, они преслѣдовали православіе черезъ посредство львовскаго латинскаго архіепископа Суликовскаго. Тотъ поручилъ это дѣло своему брату Войцѣху, который наканунѣ русскаго праздника Рождества Христова ходилъ по церквямъ и монастырямъ въ сообществѣ канониковъ львовской капитулы и вооруженныхъ людей, изгонялъ народъ, вытаскивалъ священниковъ изъ алтарей, не дозволяя оканчивать богослуженіе и наконецъ запиралъ и опечатывалъ церкви.

Русскіе мѣщане, сильно оскорбленные такимъ поступкомъ, сорвали печати съ церковный дверей и, вмѣстѣ со своимъ епископомъ Балабаномъ, подали жалобу королю. Жалоба могла-бы имѣть непріятныя для Суликовскаго послѣдствія, такъ какъ здѣсь замѣшанъ былъ интересъ Балабана, принадлежавшаго къ знатному роду. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1584 года Баторій дозволилъ русскимъ сохранить прежній календарь и запретилъ дальнѣйшее ихъ преслѣдованіе подъ угрозою тяжкихъ наказаній. Однако тотъ-же самый король еще въ 1578 году запретилъ православнымъ публично и торжественно хоронить своихъ покойниковъ.

Со смертью Баторія оканчивается для Польши то свѣтлое, общее прошлое, на которое такъ охотно привыкли ссылаться поляки; то было время, когда не слишкомъ еще допытывались, кто какого вѣроисповѣданія, а больше обращалось вниманія на то, кто какой гражданинъ. Русская кровь проливалась за польскіе интересы и православные паны, какъ князь Константинъ Острожскій и другіе, такъ горячо защищали Польшу потому, что въ ея лицѣ защищали собственную свободу. Вмѣстѣ съ жизнью Баторія заканчивается свѣтлая и счастливая эпоха польской исторіи.

Здѣсь слѣдуетъ вспомнить о казни Подковы, потому что она также стоитъ въ связи съ политикою, какой держалась при Баторіи Польша по отношенію къ Руси.

Румынскій господарь Петръ угнеталъ молдаванъ. Братъ прежняго господаря, Ивони, поступилъ въ козаки, гдѣ за свою огромную силу былъ прозванъ Подковой, такъ какъ ломалъ подковы. Призванный на господарство частью молдаванъ, Подкова прогналъ Петра съ помощью козаковъ подъ предводительствомъ гетмана Шаха. На помощь изгнанному двинулся братъ Баторія Христофоръ,

господарь трансильванскій. Подкова возвратился на Украйну, но здѣсь попалъ въ ловушку къ полякамъ: ему посовѣтовали явиться къ королю, чтобы оправдать свой поступокъ, но король не принялъ Подковы, приказалъ заключить его въ тюрьму и впослѣдствіи казнить во Львовѣ.

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ казнь Подковы, была его популярность среди козаковъ. Занятый войною съ московскимъ государствомъ, король нуждался въ покоѣ со стороны Турціи и для того хотѣлъ попридержать козаковъ. Крупные землевладѣльцы, въ видахъ обогащенія, раздѣляли взглядъ короля, такъ какъ при такихъ условіяхъ турки не должны были разорять ихъ помѣстья своими набѣгами; напротивъ мелкая русская шляхта считала войны съ невѣрными выгоднымъ промысломъ и даже пограничные старосты не пренебрегали этими походами совмѣстно съ козаками, что давало поводъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ съ турками.

VIII.

Теперь слѣдуетъ приступить къ разбору вопроса о козачествѣ, его происхожденіи и ростѣ на Украйнѣ и на Запорожьи, иначе трудно понять дальнѣйшую судьбу этого края. Украйна въ собственномъ смыслѣ обнимала всю юго-восточную часть Рѣчи Посполитой. По современнымъ понятіямъ поляковъ, козакъ—это разбойникъ или панскій слуга; даже въ литературѣ польской онъ не заслужилъ иной роли, кромѣ обязанности развозить панскія письма (Мальчевскій), напротивъ, для русскаго люда козакъ былъ идеаломъ свободнаго человѣка.

Начиная съ XV ст. недовольные жители Руси уходили въ степи, особенно на берега рѣкъ и днѣпровскіе острова, защищенные скалами, тростниками и болотами. Эти берега и острова представляли бѣглецамъ весьма выгодныя для поселенія мѣста, благодаря необыкновенному обилію рыбы, дичи и богатыхъ пастьбищъ. И такъ рыбная ловля и охота первоначально составляли главное занятіе бѣглецовъ. Но съ теченіемъ времени частыя стычки съ татарами выработали изъ этаго свободнаго населенія христіанское рыцарство, названное козаками, которыхъ походы уже не ограни-

чиваются мелкими схватками съ татарами или грабежемъ купеческихъ каравановъ,—ихъ главною цѣлью въ жизни становится война съ невѣрными; отсюда неожиданные набѣги на турокъ и въ особенности на татаръ, которыхъ грабили безъ милосердія за ту горькую долю, какую отъ нихъ терпѣла Русь.

Таково было происхожденіе козаковъ, т. е. легкихъ наѣздниковъ, свободныхъ и ненаемныхъ воиновъ, занимавшихся войною противъ мусульманъ. Процессъ роста козачества происходитъ при такихъ обстоятельствахъ: завоевавши Русь отъ татаръ, литовское правительство изгнало ханскихъ баскаковъ изъ русскихъ городовъ и селъ. Однако татары не отказались отъ своихъ обычаевъ и, въ особенности послѣ основанія отдѣльнаго крымскаго ханства, не имѣя возможности по прежнему собирать дань, дѣлали набѣги на русскія земли цѣлою ордою и захватывали не только имущество, уводили въ плѣнъ и самое населеніе.

Въ силу внутренняго литовскаго распорядка, князья и крупные паны въ русской землѣ были пограничными королевскими старостами. Первоначально паны эти скликали охотниковъ до военныхъ походовъ, водили ихъ противъ татаръ и пріучали къ военной службѣ. Въ первое время козаки были не болѣе, какъ старостинскою пограничною стражей; но выраженіе «ходить въ козаки» показываетъ, что козачество существовало также и независимо отъ пограничной службы.

Каждая козацкая группа звала своего предводителя гетманомъ (гетманствовать значило предводительствовать войсками), а вооруженная дружина называлась козаками. Такими гетманами были: Предславъ Лянцкоронскій, Дмитрій Вишневецкій, Богданъ Ружинскій и др.

Двое гетмановъ являются организаторами козацкаго сословія: Евстафій Дашковичъ, староста каневскій и черкаскій, и Предславъ Лянцкоронскій, староста хмѣльницкій. Часто пограничный староста держалъ себя, какъ удѣльный князь, и каждый изъ сосѣднихъ монарховъ заботился о дружбѣ съ нимъ, такъ какъ онъ могъ быть опасенъ каждому. Въ войнѣ между Польшею и Москвою Дашковичъ служилъ послѣдней, но впослѣдствіи, возвратившись въ Литву, получилъ въ управленіе два значительные замка—Черкасы и Каневъ, которые съ того времени становятся ядромъ козачества. Въ

1533 году онъ составилъ планъ защиты Украйны посредствомъ устройства на берегахъ Днѣпра постоянной стражи въ двѣ тысячи козаковъ, которые препятствовали-бы татарамъ переходить на правый берегъ Днѣпра. Дашковичъ предлагалъ этотъ проэктъ на сеймѣ въ Петроковѣ, но безъуспѣшно. Очевидно, Сѣчъ еще не существовала.

Дмитрій Вишневецкій слѣдовалъ по стопамъ Дашковича: онъ значительно содѣйствовалъ развитію козачества, принимая всѣхъ желающихъ, и когда король отказалъ ему въ какомъ-то требованіи, грозилъ перейти на службу къ султану. Во время управленія Черкасами и Каневомъ Вишневецкій основалъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и, подобно Дашковичу, сражался противъ турокъ и татаръ. Въ январѣ 1557 г. ханъ осадилъ Хортицу, гдѣ Вишневецкій долгое время выдерживалъ осаду, пока наконецъ голодъ принудилъ его отступить къ Черкасамъ. Вишневецкій пытался завоевать для себя Молдавію, но впослѣдствіи, побѣжденный и принуждаемый къ принятію магометанства, погибъ въ Стамбулѣ, ругая Магомета и его вѣру.

Первоначально, до гетманства Ружинскаго, главное значеніе въ козацкомъ войскѣ принадлежало намѣстникамъ великаго князя литовскаго, но впослѣдствіи князь Богданъ Ружинскій становился выше всѣхъ другихъ предводителей и не столько военными подвигами, сколько благодаря братскому отношенію къ козакамъ. Всѣ прежніе намѣстники великаго князя смотрѣли на козаковъ съ высоты панскаго величія, считали козацкія общества не болѣе, какъ вооруженною крестьянскою семьею, и на самихъ козаковъ смотрѣли какъ на своихъ крѣпостныхъ слугъ; но Ружинскій, по козацки предводительствовавшій козаками въ походахъ, отказался отъ панской роскоши и въ своей домашней жизни; онъ предоставилъ козакамъ свободную раду, нимало не ограничивая ее своимъ правомъ намѣстника. Такимъ образомъ русское общинное право начинаетъ укрѣпляться среди козаковъ; вотъ почему козаки изъ другихъ округовъ начинаютъ стекаться подъ знамена Ружинскаго. Тогда паны весьма настойчиво начинаютъ докучать королю жалобами на произволъ козаковъ, вслѣдствіе чего король хотѣлъ было снова подчинить ихъ власти намѣстниковъ, но принужденъ былъ оставить ихъ въ покоѣ и не препятствовать ихъ устройству, такъ какъ Ружинскій съ козаками много помогалъ ему противъ турокъ. Съ тѣхъ

поръ какъ Ружинскій объединилъ козаковъ подъ одну гетманскую булаву, козачество почувствовало себя силой и стало считать себя свободнымъ сословіемъ, которое не отбываетъ никакихъ податей и повинностей и знаетъ одну только военную службу. Съ того времени козачество развиваетъ для себя громадское управленіе и самосудъ; козаки начинаютъ сами выбирать себѣ гетмановъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе, состояніе и расположеніе короля. Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ гетмановъ и не титулованныхъ, какъ: Шахъ, Подкова, Скалозубъ и др.—Козаки селились по обоимъ сторонамъ Днѣпра., заселяя территорію нынѣшнихъ губерній: кіевской, полтавской и южной части подольской.

Первоначальной задачей козачества было—слѣдить за движеніями татаръ и препятствовать имъ переходить за Днѣпръ. Однако польское правительство не оказало поддержки ни Дашковичу въ его проектѣ объ учрежденіи сильной стражи на Днѣпрѣ, ни князю Вишневецкому во время его небезопаснаго пребыванія на островѣ Хортицѣ. Янъ Орышовскій, бывшій запорожскимъ гетманомъ при Стефанѣ Баторіи, готовъ былъ самъ заняться этимъ дѣломъ, какъ видно изъ его словъ, записанныхъ Бѣльскимъ: «если-бы построить замки на днѣпровскихъ островахъ, то не лазили-бы къ намъ татары, мы могли-бы отнять у нихъ все поднѣпровье, если-бы только захотѣли, но мы предпочитаемъ отражать ихъ у Самбора».

Итакъ, оборона границъ зависѣла отъ доброй воли козаковъ. Охраняя «татарскіе шляхи», они были весьма полезны польскому правительству, поэтому-то короли дѣлали имъ уступки и не считали ихъ опасными. Между тѣмъ козачество распространяется все дальше и дальше, охватываетъ своими поселеніями цѣлую Кіевщину, Брацлавщину и Черниговщину, однимъ словомъ все, гдѣ только встрѣчались свободныя мѣста на Украйнѣ. Козаки жили въ городахъ, хуторахъ и усадьбахъ. Съ теченіемъ времени городскіе жители раздѣлились на мѣщанъ и козаковъ, первые назывались «послушными», вторые «непослушными или городовыми козаками».

Во времена литовскихъ намѣстниковъ и ихъ бояръ воля народа на Украйнѣ не имѣла значенія. Впослѣдствіи Польша надѣлила бояръ шляхетскими правами и отсюда получила начало шляхетская юрисдикція; но, по мѣрѣ распространенія козачества, общинное право брало верхъ надъ шляхетскою юрисдикціею. Гдѣ-бы

ни поселился козакъ на занятомъ имъ грунтѣ, она не имѣла для него значенія,—онъ подчинялся только своему атаману и радѣ.

Полная личная свобода, неограниченное право земельной собственности, самоуправленіе, основанное на выборномъ началѣ, право собственнаго суда, полное равенство между членами обществъ, презрѣніе къ привиллегіямъ и происхожденію, взаимная оборона противъ внѣшнихъ враговъ—вотъ въ чемъ состояли идеалы козачества. Съ особенной ясностью идеалы эти выступаютъ въ исторіи малорусскаго козачества въ то время, когда ему удалось распространить свое вліяніе на весь южно-русскій народъ.

Украинскихъ или осѣдлыхъ козаковъ нужно отличать отъ тѣхъ, которые жили дальше на югъ, за днѣпровскими порогами, отчего и назывались запорожцами. Хотя послѣдніе были причислены къ польскому королевству, но въ дѣйствительности представляли общество вполнѣ свободное и не подлежали никакой посторонней власти. Козаки не забывали пути, указаннаго Дашковичемъ и Вишневецкимъ, и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя возникла Сѣчъ Запорожская за скалистыми днѣпровскими порогами: на островѣ Томаковкѣ козаки расположились кошемъ, т. е. лагеремъ, окружили его засѣками и назвали Сѣчью. Безъ этого укрѣпленія козакамъ не удалось-бы, съ одной стороны, избавиться зависимости отъ старостъ, съ другой они не были-бы въ состояніи удержать побережье Днѣпра отъ татаръ и турокъ.

Съ теченіемъ времени запорожцы образовали родъ военнаго братства, имѣвшаго свои оригинальные обычаи и законы. Высшая власть находилась въ рукахъ козацкаго вѣча или *рады*; рада избирала главнаго кошевого атамана, который пользовался неограниченною властью надъ козаками, но по истеченіи годичнаго срока давалъ отчетъ въ своей дѣятельности и въ случаѣ злоупотребленій наказывался смертью.

Первоначально кошевой избирался для каждаго предстоящаго похода и на то время былъ диктаторомъ. Если походъ былъ удаченъ, его ожидала слава,—въ случаѣ неудачи постигалъ военный судъ.

Старшины, оставившіе должность, по выборѣ на ихъ мѣсто другихъ, становились снова простыми козаками. *Кошъ* дѣлился на *курени*, изъ которыхъ каждый состоялъ подъ начальствомъ выборнаго куреннаго атамана. Сѣчевые козаки жили въ общихъ «куре-

няхъ» и обѣдали всѣ вмѣстѣ за общимъ столомъ.—Число запорожцевъ не было ограничено.

Впослѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ, Сѣчь переносилась и на другіе днѣпровскіе острова;—это была военная школа для Руси; тамъ находилась войсковая казна, недоступная для непріятеля; тамъ строились чайки для походовъ по Черному морю. Ни одна національность не была исключена отъ доступа въ сѣчевое братство и выходъ изъ него былъ свободенъ во всякое время.

Населеніе Запорожья, какъ мы уже видѣли, состояло первоначально изъ однихъ мущинъ, только временно проживавшихъ здѣсь для занятія рыбной ловлей, охотой, войной; но съ теченіемъ времени сюда начинаютъ переселяться семьями и образуются хутора. Территорія Запорожья простиралась отъ Днѣпра до Днѣстра и Чернаго моря. Занятый козаками край этотъ, называемый также «*Низомъ*», все больше пріобрѣталъ значеніе свободнаго пріюта для всѣхъ, кому плохо жилось на родинѣ, или кому нравилась борьба съ невѣрными; часто также изъ Запорожья появлялись мстители за обиды, какъ свои, такъ и своихъ братьевъ. Запорожцы находились въ связи съ козаками не только украинскими, но и съ донскими, съ которыми предпринимали не разъ общіе походы. Поселенія низоваго войска не ограничивались одною Сѣчью,—на днѣпровскихъ островахъ и на обоихъ берегахъ рѣки возникали козацкія села и хутора, но центръ все-таки составляла Сѣчь, куда не допускались женщины. Поэтому низовые козаки дѣлились на женатыхъ и неженатыхъ, хотя между тѣми и другими была тѣсная связь. Контингентъ запорожскаго войска пополнялся главнымъ образомъ бѣглыми крестьянами, владѣльцы которыхъ не въ состояніи были преслѣдовать ихъ въ дикихъ степяхъ и заросляхъ за чертою заселенной Украйны; доказательствомъ такого происхожденія запорожской общины можетъ служить господство въ ней православной вѣры и малорусскаго языка.—Таково было войско низовое запорожское.

Развитію козачества наиболѣе способствовала близость татаръ, свирѣпствовавшихъ на границахъ Украйны. Не занимаясь почти ни ремеслами, ни торговлею, ни какими-нибудь другими промыслами, татары принуждены были довольствоваться только скудными пастбищами на полуостровѣ; въ силу этого они не могли прожить безъ добычи и вотъ главная причина ихъ набѣговъ. Князь Криштофъ

Збаражскій, бывшій посломъ въ Константинополѣ въ 1623 г., пишетъ въ своемъ отчетѣ: «Сама необходимость вынуждаетъ татаръ къ нападеніямъ; въ этомъ для нихъ большая выгода, иначе они вымерли-бы съ голоду. Почти всѣ галеры, всѣ моря наполнены подданными Рѣчи Посполитой. Даже жены и красивѣйшая прислуга происходятъ оттуда-же. Земля татарская бѣдна скотомъ и стадами, все это добывается татарами изъ Польши». Итакъ татары угоняли скотъ, захватывали все безъ разбора, но больше всего предпочитали ясыръ (плѣнниковъ), который продавали во всѣ восточныя страны: восточное общество нуждалось въ большомъ количествѣ слугъ—невольниковъ, которыхъ и поставляли татары. Охотнѣе всего они захватывали дѣтей, которыхъ, подъ названіемъ султанскихъ дѣтей, воспитывали въ султанскихъ сераляхъ для янычарства и другихъ услугъ. Такимъ образомъ христіане служили для поддержки магометанства,—отсюда и происходятъ тѣ исполненныя грусти народныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвается разлука мужей съ женами, братьевъ съ сестрами, дѣтей съ родителями.

При Солиманѣ I было девять великихъ визирей и всѣ они происходили изъ дѣтей султанскихъ. Турція жила какъ вампиръ, высасывая свѣжую кровь изъ христіанскихъ народовъ и прежде всего изъ присоединенныхъ къ Польшѣ жителей Руси; поэтому никто не дѣлалъ такихъ усилій сломить турецкія силы, какъ южнорусское племя.

Заселеніе украинскихъ степей и развитіе въ нихъ козачества происходило, можно сказать, противъ воли правительства, которое не могло оказывать поддержку козачеству, усиливавшемуся бѣглецами изъ королевскихъ и панскихъ помѣстій. Развиваясь силою оппозиціи русскаго элемента противъ татарскаго, козачество съ одной стороны удерживаетъ главныя особенности своего возникновенія, а именно—христіанскую вѣру и рыцарскіе обычаи, съ другой-же усваиваетъ наѣзднические обычаи и татарскую политику, безъ чего ему невозможно было-бы существовать. Татары брали быстротою и ловкостью нападеній и воздержаніемъ во время походовъ; тѣ-же качества должны были усвоить козаки еще въ большей степени, чтобы имѣть возможность противустать татарамъ. Какъ татары вторгались въ поднѣпровскую и поднѣстровскую Русь, такъ и запорожцы нападали на татарскіе улусы и турецкія земли, за

разбой платили разбоемъ, за набѣгъ—набѣгомъ. Подобно татарамъ козаки жили добычей, которую брали, гдѣ только было можно, и служили тому, кто больше платилъ; козакъ и добыча были тѣсно связанныя понятія.

Однако захватъ добычи не былъ единственною цѣлью козацкихъ походовъ, перевѣсъ надъ нимъ брала защита края и свободы, освобожденіе христіанскихъ плѣнниковъ; этимъ объясняется, почему и паны принимали участіе въ походахъ. Отсюда отличительныя черты козаковъ вообще и запорожцевъ въ особенности—стремленіе къ славѣ и добычѣ, свобода и безпредѣльное мужество въ битвахъ съ бусурманами, быстрота и ловкость въ набѣгахъ, необыкновенная выносливость въ походахъ и разгульная разсточительность въ мирное время.

Между тѣмъ какъ въ польской исторіи мы встрѣчаемъ рѣзкіе факты утайки и расхищенія общественной казны, козаки грабятъ для своего вооруженія; гетманъ получалъ не больше простаго козака и между ними не было примѣра кровавыхъ столкновеній изъ-за раздѣла добычи. Отчетъ барскаго старосты Претвича оправдываетъ нападенія козаковъ на татарскіе улусы, указывая съ одной стороны ихъ необходимость, съ другой—выгоды, представляемыя козачествомъ. Не смотря на то, король Сигизмундъ I по требованію хана предпочелъ перевести Претвича изъ Бара въ Теребовль. Король этотъ задумалъ было обратить козаковъ въ замковую службу, что, разумѣется, не отвѣчало ихъ желаніямъ; война съ невѣрными дала начало козачеству и должна была служить также основаніемъ ихъ быта.

Уже при Сигизмундѣ I козацкія силы вмѣстѣ съ поляками побѣдили турокъ подъ Аккерманомъ, но наиболѣе прославились козаки своими черноморскими походами, на которые отправлялись въ легкихъ чайкахъ,—такъ назывались ихъ лодки, обшитыя по краямъ тростникомъ и вмѣщавшія до шестидесяти человѣкъ. На такихъ чайкахъ пускались козаки въ открытое море, нападали на турецкіе города, грабили берега Анатоліи и Румеліи, освобождали христіанскихъ плѣнниковъ изъ галеръ и тюремъ, разбивали турецкіе флоты, не разъ появлялись подъ стѣнами столицы падишаха, и слава козацкая расходилась по свѣту. Такъ въ 1593 г., при гетманѣ Богданѣ Микошинскомъ, императоръ германскій Рудольфъ

II отправилъ на Запорожье посольство, приглашая козаковъ на помощь противъ турокъ. Вслѣдствіе жалобъ и угрозъ турецкаго правительства, Сигизмундъ Августъ приказывалъ запорожцамъ возвратиться въ украинскіе города и замки и не безпокоить турецкихъ земель. Разумѣется, всѣ эти приказанія не имѣли силы.

Что касается внутренняго самоуправленія, то козацкая община обсуждала свои дѣла на сотенныхъ, полковыхъ и «великихъ войсковыхъ» радахъ. Конечно, въ то время козакамъ казалось невозможнымъ, чтобы ихъ рады могли стать наравнѣ съ панскими сеймами; паны въ свою очередь не думали, чтобы низовое братство сохранило въ своемъ «кошѣ» предковскіе народные идеалы, какъ искры подъ пепломъ, изъ которыхъ со временемъ долженъ вспыхнуть на Украйнѣ сильный пожаръ.

Несомнѣнно однако, что въ дѣлѣ внѣшнихъ отношеній государства борьба козаковъ съ татарами и турками была защитой свободы, личной, территоріальной и имущественной безопасности противъ дикихъ азіатовъ. Правда, послѣ объединенія Руси съ Польшею дѣло обороны края должно было выпасть на долю военнаго сословія Рѣчи Посполитой, если-бы она имѣла достаточно силы, чтобы безъ королевской помощи оказывать дѣйствительную защиту землямъ, которыя носили названіе королевскихъ. Однакоже государственная казна въ Польшѣ была пуста, постояннаго войска было очень мало, а *посполитое рушеніе* не отличалось военной дисциплиной, собиралось медленно и спѣшило расходиться по домамъ. Поэтому всѣ надежды на защиту края обращались къ козакамъ и надворнымъ милиціямъ, которыя содержали у себя паны.

Высшее дворянство отказывало королямъ въ средствахъ для содержанія войска, опасаясь съ ихъ стороны сокращенія своихъ вольностей; а въ тоже время козаки своими военными предпріятіями достигли того, что берега Чернаго моря готовы были признать надъ собою господство запорожской общины.

Мы не хотимъ этимъ доказать, чтобы польское правительство совершенно оставило въ сторонѣ войны съ татарами и турками, мы утверждаемъ только, что усилія его были недостаточны, въ то время какъ защита границъ была дѣломъ безпрестанной необходимости. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство.

Когда Янушъ Острожскій разбилъ у Пятки войско Косинскаго, паны поставили свою стражу противъ татаръ; между тѣмъ татары захватили стражу и такъ неожиданно ворвались на Волынь, что никто и не узналъ о набѣгѣ, и они удалились также безпрепятственно, какъ и пришли.

Въ слѣдующемъ году, въ то время какъ въ Венгріи шла война христіанъ противъ турокъ, императоръ Рудольфъ II просилъ польскаго короля не пропускать татаръ черезъ Польшу въ Венгрію на помощь туркамъ. Однако въ Польшѣ заняты были другими дѣлами, такъ какъ подготовлялась церемонія оглашенія канонизаціи св. Яцка. Въ то самое время, какъ въ Краковѣ проводили время въ процессіяхъ, обѣдахъ и публичныхъ диспутахъ о томъ, видитъ-ли св. Яцекъ съ неба, что дѣлають его почитатели, зналъ-ли онъ, что будетъ причисленъ къ лику святыхъ и т. д., татары ворвались въ Покутье, разграбили и сожгли Снятинъ, Жуковъ, Толмачъ, Тисменицу, Галичъ, Калушъ, Долину и др. и прошли безпрепятственно до самаго Самбора.

Итакъ, Польша лишена была внѣшней безопасности, такъ какъ не имѣла внутренняго порядка. *Посполитое рушеніе* извѣстно было своею медлительностью, дававшей татарамъ возможность истребить шляхту, прежде чѣмъ она выйдетъ въ открытое поле. Впрочемъ, пусть примѣръ наглядно покажетъ, насколько можно было разсчитывать на посполитое рушеніе.

Въ 1537 г. молдавскій господарь Богданъ вторгся въ Покутье. Сигизмундъ I потребовалъ на время похода наложенія одновременной подати, но, получивши отказъ со стороны шляхты, объявилъ посполитое рушенье. Правда, въ окрестностяхъ Львова собралось до 150,000 вооруженныхъ воиновъ, но вмѣсто того, чтобы воевать съ молдаванами, шляхта начала грабить имѣнія согражданъ изъ Червоной Руси и, не повинуясь ни королю, ни сенату, вела споры о своихъ вольностяхъ. Только на Руси поддерживался еще военный духъ; неудивительно поэтому, что знаменитые гетманы были родомъ русскіе.

Самое положеніе Руси, сосѣдство дикихъ азіятскихъ ордъ, безпрестанныя ихъ нападенія и въ силу этого необходимость обороны границъ съ одной стороны и безсиліе Рѣчи Посполитой съ другой— должны были вызвать такую добровольную защиту, какою является козачество. Къ этому нужно прибавить, что польское правительство

даже не знало точно границъ польской Украйны отъ татарскихъ степей, и козаки были тою передовою стражею, которая обозначала мечемъ эти границы. Но по мѣрѣ того, какъ козаки все дальше оттѣсняли мусульманъ за днѣпровскіе пороги, и паны все дальше подвигались со своею юрисдикціей, считая никому не принадлежащими занятыя козаками земли.

Чтобы удержать напоръ кочевниковъ, Русь украинская высылала своихъ избранныхъ сыновъ, цвѣтъ своей молодежи въ широкія степи для войны съ невѣрными. Обороняя Русь и Польшу, козаки вмѣстѣ съ тѣмъ заслоняли отъ магометанъ и всю Европу, что составляетъ ихъ огромную заслугу въ исторіи общеевропейской культуры.

Польское правительство рано съумѣло оцѣнить значеніе того военнаго сословія, которое могло служить государству твердымъ оплотомъ со стороны сосѣднихъ татарскихъ-ордъ; вотъ почему еще Сигизмундъ I пытался подчинить козаковъ военной дисциплинѣ и придать имъ опредѣленное устройство. Баторій также понялъ заслуги козачества и обратилъ на него вниманіе въ видахъ обезпеченія границъ своего королевства. Онъ укрѣпилъ живую преграду между Польшею и Крымомъ, въ лицѣ малорусскаго козачества, придавши ему войсковое управленіе, а для резиденціи гетмана городъ Трехтемировъ.—Занятыя козаками области дѣлились на шесть округовъ или полковъ, получившихъ названіе отъ своего главнаго города; эти полки были: черкасскій, чигиринскій, каневскій, корсунскій, бѣлоцерковскій и переяславскій. Баторій подтвердилъ право избранія гетмана, или предводителя всего козацкаго сословія, изъ среды старшины козацкой; послѣ избранія гетманъ утверждался королемъ; знаками его достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. За гетманомъ слѣдовала старшина, состоявшая изъ обознаго, судьи, писаря, асаула, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ и хорунжихъ. Но и Баторій убѣдился, что войско козацкое трудно подчинить непосредственной королевской власти, такъ какъ немного было среди мѣщанства и сельскаго крестьянства такихъ семействъ, которыя-бы не имѣли чего нибудь общаго съ козаками. Любили «козакування» крестьяне, ремесленники, прославлялъ его въ своихъ пѣсняхъ весь южно-русскій народъ.

Въ то время козаковало все, что только было молодаго и бойкаго на Украйнѣ, а старики тоже когда-то были козаками; даже паны проникались козацкимъ духомъ. Отважнаго хвалили и уважали за храбрость, не различая, былъ-ли онъ гербовный или простой.

Въ своемъ универсалѣ король Стефанъ, въ числѣ прочихъ своевольныхъ людей называетъ: бездомную шляхту, мѣщанъ и другихъ лицъ плебейскаго состоянія.

Ходили въ козаки не только русскіе мѣщане и крестьяне, угнетаемые шляхтою или принуждаемые къ панщинѣ, но и мелкая шляхта, состоявшая въ услуженіи у знатныхъ пановъ. Часто случалось, что города, сверхъ налагаемыхъ закономъ повинностей, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, вслѣдствіе чего мѣщане, въ особенности молодые и менѣе состоятельные, приставали къ козачеству. Были и такіе, которые просто желали сражаться съ невѣрными во славу Божію, или для своей собственной славы. По свидѣтельству герольдика Папроцкаго, не только рыцари изъ мелкой шляхты, но и сыновья знатныхъ пановъ ѣздили на Запорожье для изученія военнаго ремесла и военныхъ порядковъ.

Современный кіевскій епископъ Верещинскій говоритъ: «многіе переселяются на Украйну для защиты христіанства противъ невѣрныхъ, для славы Божіей и прославленія своего рыцарскаго званія».

По законамъ польскимъ каждый шляхтичъ приводилъ съ собою на войну столько вооруженныхъ слугъ, сколько приходилось пропорціонально съ количествомъ владѣемой имъ земли. Изучивши военное ремесло, эти слуги часто оставляли пановъ и приставали къ козакамъ.

Въ то время еще не было среди козачества общественной и національной розни, такъ какъ еще не были извѣстны тѣ противуположные интересы, которые впослѣдствіи раздѣлили козаковъ и шляхту на два враждебные лагеря. Козаки дѣйствовали заодно съ пограничными старостами.

При началѣ козачества, какъ мы уже видѣли, простой народъ отправлялся за добычею подъ предводительствомъ шляхты, но по мѣрѣ развитія козачества шляхта въ свою очередь принимаетъ участіе въ военныхъ походахъ подъ предводительствомъ опытныхъ людей изъ народа. Пограничные жители, проникнутые военнымъ духомъ, выше всего цѣнили личныя качества, привиллегіи не имѣли тамъ

значенія; защита края была здѣсь задачею жизни, которой все служило. Наконецъ, кто-бы ни приходилъ или не селился на Украйнѣ, его имущественная и личная безопасность гарантировалась только полнымъ объединеніемъ съ массою простаго народа, и пограничная шляхта обоихъ народностей превращалась здѣсь въ демократическую козацкую Русь.

Видя такое положеніе дѣлъ, Баторій не рѣшался вооруженной силой сломить козачество, но желая однако обезопасить себя съ ихъ стороны, онъ рѣшился раздѣлить украинскихъ козаковъ. При введеніи реформы было объявлено, что «кто хочетъ оставаться въ волѣ королевской, тѣ будутъ вписаны въ реестръ и права ихъ будутъ подтверждены сеймовою конституціею».

Въ реестръ внесены были шесть тысячъ козаковъ, которые и названы реестровыми, всѣ-же остальные, по плану короля, должны были стать въ зависимыя отношенія къ панамъ. Реестровые козаки свободно владѣли своими землями, не платили никакихъ податей, не отбывали другихъ повинностей, кромѣ военной, и получали жалованье по кожуху и по червонцу въ годъ на человѣка. Однако такое устройство было ничѣмъ инымъ, какъ надѣленіемъ почти шляхетскими правами болѣе зажиточныхъ изъ козаковъ, имѣвшихъ свои усадьбы въ хуторахъ и городахъ, чтобы устранить изъ числа ихъ бѣдняковъ, которыхъ польское правительство постановило уравнять съ крестьянами.

Проэктъ переписи козаковъ, обыкновенно приписываемый Баторію, восходитъ однако къ болѣе отдаленному времени. Въ письмѣ Сигизмунда I къ кіевскому воеводѣ, князю Коширскому, отъ 1540 г. значится: «Посылаемъ нашего придворнаго, Стрета Солтовича. Мы приказали ему переписать всѣхъ козаковъ кіевскаго воеводства и доставить намъ этотъ реестръ». Въ 1572 г. Сигизмундъ Августъ поручилъ также коронному гетману Юрію Язловецкому выбрать для королевской службы лучшихъ козаковъ, жалованье которымъ было опредѣлено изъ королевской казны.

Кромѣ реестровыхъ, польское правительство не хотѣло знать никакихъ другихъ козаковъ, между тѣмъ какъ въ южной Руси, напротивъ, всѣ стремились стать козаками, т. е. людьми свободными. Въ силу этого королевскіе приказы не выполнялись, и многіе жители вновь уходили на Запорожье. Реестровые козаки не считали нуж-

нымъ заключать реестры и охотно принимали новыхъ товарищей: правительство въ свою очередь пересматривало списки и выключало сверхкомплектныхъ козаковъ. Исключенные изъ реестровъ не переставали и впослѣдствіи считать себя козаками, съ которыми не разъ и подданные польскихъ пановъ собирались въ вооруженныя «громады» и выбирали своихъ гетмановъ. Такимъ образомъ, кромѣ козаковъ сѣчевыхъ и реестровыхъ, были еще и самостоятельные козаки на Украйнѣ, и многое непонятное въ козацко-шляхетскихъ войнахъ объясняется тѣмъ, что были козаки осѣдлые и бездомные, богатые и бѣдные. Сущность этого различія заключалась въ томъ, что одни жили въ собственныхъ домахъ и хуторахъ, даже въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, тогда какъ другіе проводили лѣто въ степныхъ промыслахъ и походахъ, а зимою работали на винокурняхъ; эти послѣдніе всегда были готовы погулять на чужой счетъ.

Уже въ концѣ XVI в. самостоятельныя общины становятся опасными для Польши и вызываютъ противъ себя рѣзкія постановленія сеймовъ, которыя однако не приводились въ исполненіе, такъ какъ паны польскіе часто употребляли такихъ козаковъ въ наѣздахъ на своихъ противниковъ; Мнишки и Вишневецкіе съ ихъ помощью водили самозванцевъ въ Москву, даже сами короли употребляли этихъ козаковъ въ войнахъ съ Турціею, Москвою и Швеціею и т. д.

Сегодня король издавалъ универсалъ, направленный къ уничтоженію козаковъ, а на завтра приглашалъ ихъ къ участію въ походѣ, какъ-то случилось при походахъ подъ Можайскъ, Хотинъ и др.

Съ развитіемъ козачества русское общинное право, какъ мы уже упоминали, оживало и брало верхъ. Въ чемъ-же состояло различіе между русскимъ общиннымъ правомъ и установившимся въ Польшѣ правомъ шляхетскимъ?

1) По древне-русскому общинному праву всѣ люди признавались равными и свободными, кромѣ военно-плѣнныхъ. Согласно польско-шляхетскимъ законамъ свободою пользовалась только гербовная шляхта, простой-же народъ былъ закрѣпощенъ.

2) По русскому общинному праву земля считалась собственностью того, кто первый занялъ ее для своего пользованія. Въ силу польскаго законодательства земля принадлежала исключительно шляхтѣ, — кто не принадлежалъ къ дворянскому сосло-

вію, тотъ по исконнымъ обычаямъ лишался права пріобрѣтать землю въ собственность.

3) Въ силу русскаго обычнаго права всѣ села и города могли посылать своихъ представителей какъ на малыя, такъ и на большія вѣча.—Въ Польшѣ напротивъ одна только шляхта посылала своихъ представителей на повѣтовые сеймики и большой сеймъ.

Вотъ основные принципы и различія между древне-русскимъ общиннымъ правомъ и правомъ польско-шляхетскимъ. Общая равноправность покоилась въ русскомъ правѣ, діаметрально противуположномъ шляхетскому. Итакъ, козацкая свобода коренилась глубоко въ сознаніи русскаго народа—это была общинная равноправность, которую въ теченіи столѣтій наша Русь сохраняла въ своихъ вѣчахъ.

Три упомянутые принципа служили причиною постоянной борьбы между двумя республиками—шляхетской, принявшей въ себя литовско-русскихъ бояръ, и козацкой, бравшей подъ свою защиту крестьянъ и мѣщанъ. Отсюда ясно, что на Руси въ то время сохранялся тотъ внутренній строй, къ какому теперь стремятся многіе народы. Среди польскаго государства Русь была живымъ источникомъ народной свободы, не допустившей подавить себя.

Русское право укоренило принципы выборнаго устройства какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви; принципы эти подготовляли реакцію противъ польскаго права, и козаки являются въ отношеніи пановъ такими-же революціонерами, какими были паны по отношенію къ королю.

IX.

Всѣ польскіе историки согласны между собою въ томъ, что упадокъ королевства и народа польскаго начинается со времени Сигизмунда III, но не могутъ согласиться относительно главныхъ причинъ этого упадка. Иные въ числѣ причинъ приводятъ козацкія возстанія, но весьма немногіе задумывались надъ тѣмъ, почему именно они начинаются при этомъ королѣ. Историки польскіе называютъ бунтами козацкія движенія, народъ украинскій—собраніемъ бунтовщиковъ, а войну 1648 г. относятъ къ личной обидѣ Хмельницкаго. Но если война безпрестанно возобновляется въ теченіи столѣтія слишкомъ, то это уже не бунтъ своевольной шайки,

а за личную обиду хотя-бы и Хмельницкаго не поднялось-бы 200,000 вооруженнаго люда. Тутъ должны быть иныя причины, потому что, гдѣ нѣтъ достаточно горючаго матеріала, тамъ не можетъ вспыхнуть сильный пожаръ.

Не будемъ спорить, что оскорбленіе Хмельницкаго подало поводъ къ войнѣ, но это была послѣдняя капля, переполнившая мѣру. Цѣлый народъ не подымается изъ-за чисто личныхъ матеріальныхъ причинъ; онъ встаетъ тогда только, когда дѣло идетъ о сохраненіи семейной безопасности, неприкосновенности вѣры или свободы. Польско-козацкія войны не были только борьбою двухъ народовъ и двухъ религій,—онѣ были также усиліемъ коренного населенія древне-русскихъ земель защитить права народныя по отношенію къ польскимъ панамъ.

Если въ развитіи рода человѣческаго поставить за правило, что богатство, власть, просвѣщеніе и свобода должны составить привилегію одного только сословія, тогда придется стать на сторонѣ пановъ. Если-же принять какъ несомнѣнную истину, что добрые нравы, честные поступки и непорочные характеры наиболѣе вырабатываются тамъ, гдѣ личная свобода и поземельная собственность достались на долю всей массы населенія, что право собственности есть необходимое условіе истинной свободы человѣка,—въ такомъ случаѣ трудно не признать справедливости на сторонѣ козаковъ. Тогда ясно выступаетъ впередъ вопросъ объ избыткѣ и бѣдности, демократіи и аристократіи, вопросъ о томъ, должно-ли взять перевѣсъ право шляхетско-польское или общинно-русское? За нимъ слѣдуетъ вопросъ религіозный.

Въ правительственныхъ актахъ временъ Сигизмунда III находимъ частыя упоминанія о неизмѣримыхъ пустыняхъ на Украинѣ. Въ силу польскаго законодательства земля должна принадлежать дворянамъ, и вотъ сеймовое постановленіе 1590 г. объявляетъ отъ имени короля: «чтобы земли эти не оставались впустѣ и приносили какую нибудь выгоду, будемъ раздавать эти пустыни лицамъ шляхетскаго происхожденія за государственныя заслуги».

Поэтому многочисленные польскіе паны, заслуженные и незаслуженные, обезпечиваютъ себѣ у короля обширныя помѣстья въ Руси и на Украинѣ. Въ королевской канцеляріи также безъ разбору отмѣривались польскимъ панамъ на бумагѣ обширныя про-

странства отъ рѣчки до рѣчки, отъ дороги до дороги, отъ урочища до урочища. Такимъ образомъ кіевская, брацлавская и подольская Украина, вмѣстѣ съ заднѣпровьемъ мало по малу очутилась въ рукахъ немногихъ магнатовъ, которые съ теченіемъ времени завели собственныя укрѣпленія, артиллерію, войска, и по отношенію къ подданнымъ были неограниченными владыками. Такихъ пановъ по русски называли *королятами*.

Украинская Русь, Волынь и Подолье были вообще драгоцѣнной сокровищницей для польскихъ пановъ, не даромъ поляки называли правобережную Украину раемъ польскаго міра. Однако такъ называемыя пустыни не оставались въ то время незаселенными, иначе о нихъ-бы такъ много не хлопотали; это значило только, что они до того времени не принадлежали никакому польскому пану и никому изъ нихъ не приносили дохода. Въ дѣйствительности-же эти земли принадлежали козакамъ; они были заселены людьми, искавшими свободы и бѣжавшими сюда изъ королевскихъ и шляхетскихъ имѣній.

Современные хроникеры и писатели не могутъ надивиться тому, какъ быстро подвигалась украинская колонизація, какъ въ дикихъ степяхъ, на самихъ татарскихъ путяхъ, вся почти Украйна покрылась селами и мѣстечками. Не смотря на то, что татары часто захватывали въ плѣнъ колонистовъ, опустошенныя мѣстности вскорѣ заселялись новыми выходцами. Въ полученныя земли, среди козацкихъ селъ и мѣстечекъ, втискивалась шляхта съ новыми переселенцами, которыхъ привлекала болѣе продолжительными льготами, и шляхетскія села и мѣстечки росли съ каждымъ годомъ.

Такъ существовали другъ подлѣ друга владѣнія козацкія и панскія. Первые часто искоса смотрѣли на сосѣдей, вторые въ свою очередь завидовали ихъ свободѣ. Въ общемъ козаки не препятствовали размноженію панскихъ имѣній на Украинѣ, они мало обращали вниманія на постановленія сеймовъ, и мѣстная шляхта шла одною съ ними дорогою, жила въ пріязни и отправлялась вмѣстѣ съ козаками на военный промыселъ. Уже самая необходимость защищать границы дѣлала каждаго жителя воиномъ, поэтому-то въ теченіи условленнаго льготнаго времени на колонистахъ лежала только военная повинность; военная служба подъ начальствомъ

старосты или помѣщика не прекращалась и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, и дѣла экономическія шли спокойнымъ чередомъ.

Въ Польшѣ къ тому времени развилось сильное магнатство, которое на сеймахъ и сеймикахъ издавало законы исключительно въ своихъ интересахъ. Народъ лишенъ былъ всѣхъ правъ, такъ какъ законъ отдавалъ крестьянина въ полную и безконтрольную власть пана, воля котораго была единственнымъ закономъ для подданныхъ. Польскіе паны вели роскошную жизнь, и въ ихъ обширныхъ дворахъ кормилось множество мелкой шляхты. Для удовлетворенія своей гордости вельможный панъ считалъ непремѣннымъ долгомъ держать въ своемъ дворѣ цѣлую толпу шляхтичей-приживальщиковъ, а жена его съ своей стороны держала такую-же стаю шляхтянокъ, что, очевидно, было напрасной тратой денегъ. Главной причиной развитія роскоши было крѣпостное право, дававшее панамъ возможность безъ личнаго труда имѣть постоянные доходы, окружать себя несвободной прислугой, и напротивъ усиливавшее народныя тягости. По свидѣтельству француза, жившаго въ то время въ Польшѣ, обыкновенный обѣдъ у польскаго пана стоилъ больше, чѣмъ званый обѣдъ во Франціи. Старовольскій пишетъ: «Всѣ деньги у насъ уходятъ на заграничныя вина, сахаръ и паштеты, а для защиты отечества и выкупа плѣнныхъ у насъ нѣтъ денегъ».

Не желая или не умѣя заниматься хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ и въ тоже время заботясь объ умноженіи доходовъ, паны отдавали свои помѣстья въ аренду съ уступкой всѣхъ принадлежавшихъ имъ правъ и обязанностей. Переуступка владѣній казалась имъ очень выгодною, однако она не уменьшила, а напротивъ увеличила зло. Новыми арендаторами на Руси чаще всего являются евреи. Чтобы удовлетворить ненасытнаго пана, а вмѣстѣ съ тѣмъ наполнить и собственный карманъ, еврей придумывалъ такія подати, о которыхъ странно и подумать. Правда панъ могъ казнить смертью еврея арендатора безъ всякой отвѣтственности передъ судомъ, но зато передавалъ ему всѣ свои права, въ томъ числѣ и право меча, т. е. смертной казни надъ подданными. Еврей арендаторъ носилъ при боку мечъ для отличія отъ невооруженнаго беззащитнаго люда и въ знакъ того, что могъ каждаго казнить смертью за ослушаніе, за дерзкое слово или просто по подозрѣнію.

Жизнь и имущество крестьянина, его жена и дѣти были въ полной власти арендатора. Поэтому ничто такъ сильно не тяготѣло надъ русскимъ народомъ, ничто такъ не оскорбляло его, какъ власть евреевъ.

Чѣмъ болѣе, путемъ козацкихъ войнъ съ мусульманами, гарантировалась экономическая безопасность панскихъ имѣній, тѣмъ сильнѣе тѣснила шляхта мѣщанъ и сельскій людъ различными податьми и налогами. Отправлялся-ли панъ на сеймъ, на свадьбу, или на отпусть, подданные облагались какою-нибудь новою податью. Случается у пана семейная радость—свадьба или крестины, а подданымъ бѣда,—они обязаны нести *поздравленіе:* купцы несли матеріи, рѣзники—мясо, шинкари—напитки, крестьяне—свои дары. Большую изобрѣтательность въ смыслѣ поборовъ обнаруживаютъ паны, старосты, державцы и евреи арендаторы, устанавливаютъ чинши, «ставщину», роговое, выгонное, десятину отъ воловъ, лошадей, свиней, овецъ и пчелъ, очковое, долю съ помолу на мельницѣ, плату съ жерновоуъ, наконецъ такъ называемыя дудки, о которыхъ ниже, дань хлѣбомъ, сборъ каплуновъ, куръ и яицъ по нѣсколько разъ въ годъ. Крестьяне не имѣли права варить для себя напитки и покупать все необходимое иначе, какъ у арендатора.

Шляхта управлялась, какъ хотѣла и умѣла, но отъ ея управленія мало пользы было народу. Большинство пановъ не заботилось о томъ, что дѣлалось за ихъ спиною; обогащались они сами, подпанки и арендаторы, не наживался только народъ, надъ которымъ сверхъ того глумились и насмѣхались. Тѣ, кто не могъ стерпѣть воеводской, старостинской или жидовско-панской неволи, изъ селъ, мѣстечекъ и городовъ уходили въ дикія степи и заселяли ихъ. Такъ являлись жители, колонизовавшіе Украйну. Однихъ гнала неволя, другихъ привлекали плодородныя земли и большая свобода. Колонизаторы пустынной территоріи, эксплуатируя такое положеніе дѣлъ, приманивали къ себѣ бѣглецовъ обѣщаніемъ льготъ.

Такимъ образомъ Украйна раздѣлилась на подчиненную панамъ и свободную, съ козацкой, или простонародной общинной юрисдикціей; эту послѣднюю и считали пустынной и раздавали панамъ. Что-же касается дикихъ степей за днѣпровскими порогами, это была территорія безплодная, часто опустошаемая саранчою, удаленная отъ людскихъ поселеній, и человѣкъ здѣсь обрекался на

голодную смерть. Только нѣкоторыя мѣста, представлявшіяся рѣдкими оазисами роскошной растительности, изобиловали рыбой и дичью, и для того, чтобы войско могло стоять лагеремъ въ этихъ степяхъ, отряды его должны были заниматься рыбной ловлей и охотой.

Удаляться за днѣпровскіе пороги значило обрекать себя на большія лишенія, поэтому козакъ и бѣдность, козакъ и нищета были родственныя понятія, и пограничнымъ жителямъ Украйны и Запорожья казалось, что для нихъ уже не можетъ быть другихъ тягостей, кромѣ бѣдности и грозившихъ на каждомъ шагу опасностей; но случилось иначе.

Поляки еще раньше подавили общинное право въ другихъ провинціяхъ и теперь, овладѣвши почти цѣлой Украйной, они не хотѣли оставить ее такою, какъ она была, а задумали сдѣлать изъ нея другую Польшу въ смыслѣ преобладанія польскаго права надъ русскимъ. Однако введеніе польскаго права встрѣтило здѣсь препятствія: большимъ искушеніемъ для народа украинскаго было добываніе свободы; у него передъ глазами было свободное сословіе, сложившееся изъ его братьевъ, по сосѣдству лежали днѣпровскіе острова, куда можно было бѣжать отъ тяжкой неволи; наконецъ близость татаръ пріучила къ оружію украинскій народъ, и сами паны не могли запретить крестьянамъ носить оружіе. Въ силу того въ русскомъ народѣ поддерживался бойкій военный духъ, несогласный съ пригнетеннымъ положеніемъ, какое создалъ для него польскій строй.

Вотъ почему со времени Сигизмунда III сеймъ начинаетъ стѣснять козачество. Конституціею 1590 г. постановлено, что козаки будутъ находиться подъ властью коронного гетмана, который назначаетъ имъ всю безъ исключенія старшину изъ шляхты. Ни полковники, ни сотники не имѣли права принимать кого либо въ козаки безъ согласія старшаго, или гетмана, у котораго долженъ храниться списокъ всѣхъ козаковъ. Съ цѣлью затруднить крестьянамъ и мѣщанамъ переходъ въ козачество, панамъ и старостамъ предписывалось зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста жительства и не уходилъ въ Сѣчь или въ степи. Строго запрещалось продавать крестьянамъ порохъ, селитру, оружіе и т. д. Непослушные и виновные въ нарушеніи закона подверга-

лись слѣдствію и смертной казни. Эти и подобныя постановленія не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ раздраженія и ожесточенія козаковъ, которыхъ силы постоянно увеличивались. Поэтому къ концу XVI в., когда на Руси экономическіе интересы взяли среди шляхты перевѣсъ надъ интересами защиты края, козаки все болѣе и болѣе обособляются отъ шляхты. Такимъ образомъ Русь раздѣляется на два враждебные лагеря,—одинъ распространяетъ польское право, другой защищаетъ право русское.

Введеніе безъ всякихъ видоизмѣненій польскаго права, уничтожавшаго козацкія привилегіи, должно было вызвать оппозицію свободнаго люда, и дѣйствительно вызвало тѣ бури, которыя долго опустошали Русь и Польшу.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ХУДОЖНИКЪ
КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1885 года исполнится 150-ая годовщина со дня рожденія художника К. И. Гловачевскаго, который слишкомъ 60 лѣтъ провелъ на службѣ въ академіи художествъ въ качествѣ наставника-воспитателя. Но не одно это обстоятельство заставляетъ насъ сообщить о немъ свѣдѣнія; свѣтлая личность, достойная глубокаго уваженія, какъ ниже увидитъ читатель, олицетворяется въ этомъ въ высшей степени гуманномъ человѣкѣ, по тогдашнему времени, и если слава и знаменитость дѣло не всякаго, то во всякомъ случаѣ, быть можетъ, ни къ кому изъ педагоговъ нашей академія художествъ нельзя болѣе кстати примѣнить слѣдующій эпиграфъ:

«Si le sort ne nous a pas donné le talant pour être célebre,
Il est presque toujours possible de faire un travail qui nous rend utiles».

Гловачевскій родился 27 мая 1735 года, въ городѣ Коропѣ, черниговской губерніи; отецъ его былъ священникомъ коропской соборной церкви, изъ дворянъ, предки котораго въ концѣ XV вѣка основали городокъ Коропъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ К. И. Гловачевскій былъ отправленъ для обученія въ кіевскую академію, единственное того времени учебное заведеніе въ Малороссіи. По праздникамъ Гловачевскій ходилъ въ церковь братскаго монастыря и, полюбивъ церковное пѣніе, часто, во время службы митрополита

Рафаила, пѣлъ на клиросѣ. Въ декабрѣ пріѣхалъ въ Кіевъ отправленный по высочайшему повелѣнію въ Малороссію для набора придворныхъ пѣвчихъ регентъ или, какъ тогда называли, *«уставщикъ»* Каченовскій, который, замѣтивъ хорошій голосъ Гловачевскаго, испыталъ его и, найдя вѣрный слухъ и способности къ музыкѣ, написалъ о немъ въ Петербургъ, вслѣдствіе чего приказано было императрицею Елисаветою привезть его въ столицу, куда онъ и прибылъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1748 года.

Находясь въ пѣвческомъ придворномъ хорѣ, Гловачевскій скоро обратилъ на себя вниманіе государыни, любившей музыку и обладавшей прекраснымъ голосомъ. Иногда императрица, разсказывалъ своимъ знакомымъ К. И., сама соизволяла пѣть въ хорѣ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ; бывало, положивъ руку на плечо его, вторила она пѣнію Гловачевскаго, такъ какъ его голосъ очень нравился ей.

Вмѣстѣ съ Гловачевскимъ въ хорѣ находились Антонъ Павловичъ Лосенко, считающійся родоначальникомъ русской школы живописи, и Иванъ Семеновичъ Саблуковъ или Саблучокъ, портретистъ, рано умершій. При видѣ ихъ работъ въ Гловачевскомъ отозвалась его склонность къ рисованію, а голосъ его какъ-бы нарочно ослабѣлъ, и онъ началъ учиться съ ними у портретнаго мастера Ивана Аргунова, изъ крѣпостныхъ людей Шереметева, который учился за границею и былъ въ половинѣ XVIII в. очень извѣстенъ въ Петербургѣ.

Елисавета Петровна узнала о занятіяхъ Гловачевскаго, одобрила ихъ и всемилостивѣйше приказала ему по праздничнымъ днямъ представлять ей свои работы, при чемъ нерѣдко поощряла его особенными знаками монаршаго благоволенія. Такое отношеніе государыни объясняется тѣмъ, что въ то время она предполагала учредить уже академію художествъ; успѣхи Лосенка и Гловачевскаго естественно были ей пріятны. И дѣйствительно мы видимъ, что вскорѣ по переводѣ изъ московскаго университета студентовъ для опредѣленія въ открытую въ Петербургѣ академію художествъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1759 г. Лосенко, Саблуковъ и Гловачевскій опредѣлены, по именному ея величества повелѣнію, въ академіи подмастерьями живописи. Въ томъ-же году для надзора Гловачевскому были поручены ученики академіи, а вмѣстѣ

съ тѣмъ на него-же возложено и обученіе ихъ живописи. И это все было, когда ему исполнилось лишь 23 года. Въ спискѣ служащихъ лицъ при академіи, составленномъ въ 1761 году, мы встрѣчаемъ Гловачевскаго съ Саблуковымъ и Лосенка въ званіи академиковъ 3-го класса, получающихъ изъ кабинета жалованье по 178 рублей въ годъ. Уча живописи другихъ, Кириллъ Ивановичъ продолжалъ учиться и самъ и за успѣхи свои въ августѣ 1762 г. произведенъ былъ въ адъюнкты. Въ этомъ званіи Гловачевскій показанъ въ вѣдомости о состояніи академіи художествъ отъ 28-го января 1763 года (представленной президентомъ графомъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ при донесеніи въ сенатъ), получающимъ содержанія 300 рублей уже въ годъ.

Въ 1765 г. 7 іюля, въ присутствіи императрицы Екатерины II, послѣдовало торжественное открытіе академіи художествъ, или какъ тогда говорили, праздникъ *инавгураціи*, выполненный по церемоніалу, напечатанному и розданному посѣтителямъ съ медалями и жетонами. При этомъ торжествѣ Кириллъ Ивановичъ Гловачевскій получилъ золотую медаль изъ собственныхъ рукъ императрицы вмѣстѣ съ дипломомъ на званіе академика, такъ какъ адъюнкты были уничтожены новыми штатами. Въ это новое званіе онъ пожалованъ былъ 4 іюля 1765 года обыкновеннымъ собраніемъ господъ членовъ совѣта вмѣстѣ съ другими 7 лицами.

Въ томъ-же году, по опредѣленію академическаго совѣта, Кириллу Ивановичу Гловачевскому были ввѣрены: библіотека, казна и все подвижное имущество академіи. Сдѣлавшись по этимъ должностямъ дѣятельнымъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, хозяиномъ управляемыхъ имъ частей, Гловачевскій часто во время посѣщеній академіи государынею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ сопровождалъ ихъ по классамъ и заламъ академическаго зданія. Цесаревичъ-же узналъ особенно Гловачевскаго, когда онъ былъ назначенъ отъ академіи депутатомъ, для поднесенія его высочеству трудовъ академіи, по случаю принятія наслѣдникомъ престола званія почетнаго любителя художествъ, при чемъ Кириллъ Ивановичъ говорилъ рѣчь отъ лица академіи.

Въ августѣ мѣсяцѣ того-же 1765 года утвержденъ инспекторомъ академіи былъ г. Кювилье, а Гловачевскому поручено оставаться при исполненіи другихъ своихъ обязанностей; въ 1766 году

сентября 4 дня, въ четырехъ-мѣсячномъ собраніи, «по предложеніи господина президента Ивана Ивановича Бецкаго, академикъ и казначей Кирилъ Ивановичъ Гловачевскій, который какъ добрымъ своимъ поведенъ и талантомъ въ живописи портретовъ, такъ и ревностною службою въ должности казначея и хранителя вещей художественныхъ въ академіи заслужилъ себѣ честь, общаго собранія согласіемъ произведенъ въ совѣтники академіи». И тѣмъ-же собраніемъ, согласно указанію президента, «за неимѣніемъ довольнаго числа въ совѣтѣ членовъ, чтобы въ текущихъ дѣлахъ остановки не было», общимъ согласіемъ собранія назначено подписывать и засѣдать въ совѣтѣ: Гроту, Гловачевскому, профессору анатоміи Пеккеру и инспектору Кювилье. Въ слѣдующемъ 1767 году Гловачевскому поручены были: а) обученіе портретнаго живописнаго класса и б) ревизія построенія академическаго зданія; въ томъ-же году онъ женился на крестницѣ императрицы Елисаветы Петровны Ѳедосіи Прохоровнѣ Гнѣвушевой; въ 1771 года совѣтомъ академіи избранъ единогласно въ инспекторы, въ должности котораго пробылъ съ небольшимъ два года, а по увольненіи отъ нея, оставленный членомъ академическаго совѣта, провелъ около десяти лѣтъ въ любимомъ занятіи исключительно живописью. Въ это время произвелъ онъ большую часть своихъ работъ, изъ которыхъ если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя заслужили извѣстность.

Въ 1777 году Гловачевскій поступилъ въ вѣдомство медицинской коллегіи рисовальнымъ учителемъ; но въ 1783 году призванъ былъ вновь къ принятію должности инспектора въ академіи, въ которой и оставался уже по смерть свою. Президентъ академіи художествъ Ив. Ив. Бецкій, призвавъ Гловачевскаго въ общее собраніе, предложилъ ему должность инспектора такою рѣчью: «Я и академія не находимъ, кому приличнѣе можно поручить воспитанниковъ, какъ вамъ; ибо вы имѣете всѣ качества достойнаго воспитателя. Живя безъ особенной должности и имѣя свободу заниматься художествомъ, вы можете быть полезны собственно для себя; но принявъ предлагаемое вамъ мѣсто, вы будете полезны для многихъ». Вступивъ въ исправленіе должности инспектора, Гловачевскій съ новою энергіею предался надзору за юношествомъ, которому принесъ громадную пользу. Говоря это, мы должны сказать, что виновницею удаленія его отъ академіи была коммисія разбора

счетовъ, которая раскрыла важныя злоупотребленія въ смыслѣ пользованія академическими капиталами для многихъ нуждъ чиновниковъ. Оказался также недочетъ казенныхъ денегъ и у казначея Гловачевскаго, хотя не по винѣ этого честнаго служаки. Призывъ же опять въ академію Гловачевскаго былъ вызванъ докладомъ академическаго совѣта, что порядокъ заведенный инспекторомъ Кювилье въ воспитательномъ училищѣ не можетъ продолжаться далѣе, что приходится или совсѣмъ закрыть его, или распустить французовъ-гувернеровъ, между которыми завелись и скандалезныя исторіи, и что дѣти воруютъ и пьянствуютъ «при бдительномъ надзорѣ воспитателей». Вотъ при какихъ горькихъ результатахъ президенту Бецкому пришлось призвать Гловачевскаго, а на сколько этотъ выборъ былъ удаченъ и цѣлесообразенъ, мы видимъ, что и у преемниковъ президента онъ пользовался тѣмъ-же уваженіемъ и расположеніемъ. Такъ при вступленіи въ должность графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина въ 1794 году, по смерти Бецкаго, Гловачевскій подалъ въ торжественномъ собраніи списки всѣхъ воспитанниковъ и учителей, съ описаніемъ порядка ученія, при чемъ нѣкоторыми изъ питомцевъ говорены были приличныя случаи сему рѣчи на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ заключеніе-же всего пропѣтъ былъ съ аккомпаниментомъ музыки гимнъ сочиненія бывшаго ученика академіи Скокова, стихи котораго сохранились въ печати (Спб. 1794 г. типографія корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ). Во всемъ этомъ конечно принималъ самое дѣятельное участіе Гловачевскій, затѣмъ слѣдующій президентъ графъ Гавріилъ Августовичъ Шуазель-Гуфье цѣнилъ тоже Кирилла Ивановича, чему служитъ доказательствомъ его представленіе совѣту отъ 16 сентября 1797 г. о выдачѣ Гловачевскому, «въ разсужденіе его усердія и ревностнаго исполненія возложенной на него должности 300 рублей», суммы весьма значительной для того времени. Съ новымъ президентомъ, графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, смѣнившимъ вскорѣ Шуазеля, Гловачевскій находился также въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ: еще ранѣе занятія должности въ академіи графъ Строгановъ, по рекомендаціи Гловачевскаго, давалъ нѣкоторыя работы ученикамъ, за что дарилъ имъ деньги, которыя Гловачевскій представлялъ совѣту; напримѣръ въ собраніи 1797 г. ноября 17 опредѣлено: «подаренныя деньги 100 руб. графомъ уче-

нику 4-го возраста Ивану Моисеевичу, записавъ въ приходъ въ настольной книгѣ, отдать надежнымъ людямъ на приращеніе до выпуску его изъ академіи». Наконецъ, уважая личность Кирилла Ивановича и цѣня его заслуги, графъ Строгановъ постоянно ходатайствовалъ о награжденіяхъ Гловачевскому; при немъ въ 1802 году онъ получилъ орденъ Владиміра 4 степени, весьма рѣдкое отличіе среди тогдашнихъ художниковъ; въ 1807 году получилъ онъ чинъ коллежскаго совѣтника, а въ 1811 году всемилостивѣйше награжденъ былъ пенсіономъ, съ обращеніемъ по смерти его, на жену и дочерей до выхода послѣднихъ въ замужество.

Государыни императрицы: Елисавета Алексѣевна и Марія Өеодоровна знали лично Гловачевскаго и во время посѣщеній академіи оказывали ему милостивое вниманіе, которое К. И. считалъ отличною наградою за свою необыкновенно-долговременную службу. Всѣ однако перечисленныя нами отличія не даютъ характеристики Гловачевскаго, какъ человѣка, почему мы для этого обратимся къ воспоминанію о немъ нашего извѣстнаго и маститаго профессора живописи и археолога Өедора Григорьевича Солнцева (род. 14 апрѣля 1801 г.), напечатанному въ его автобіографіи.

Гловачевскій одѣвался просто, но довольно оригинально: бѣлые шелковые чулки, башмаки съ пряжками, синее короткое исподнее платье, черный суконный камзолъ, синій вицъ-мундиръ съ стоячимъ воротникомъ, сверху красный плащъ съ бѣлыми кистями, на головѣ академическая фуражка. Регулярно, къ 5-ти часамъ утра, Кириллъ Ивановичъ былъ уже на ногахъ, приходилъ въ спальни и будилъ воспитанниковъ, говоря: «вставайте, вставайте! старикъ во сто лѣтъ васъ будитъ!».

Затѣмъ онъ приводилъ воспитанниковъ на утреннюю молитву, и если очередной хорошо прочитывалъ ее, то Кириллъ Ивановичъ обыкновенно самъ приносилъ ему завтракъ—кусокъ ситнаго хлѣба. Случалось иногда, что кто-нибудь изъ учителей опаздывалъ или вовсе не приходилъ въ классъ. Чтобы ученики не шалили, Гловачевскій приносилъ книгу или газету, заставлялъ кого нибудь читать, а прочіе должны были слушать; впрочемъ чаще Кириллъ Ивановичъ разсказывалъ про старинное житье-бытье, что обыкновенно очень нравилось воспитанникамъ, а позднѣе, при президентѣ А. Н. Оленинѣ, въ рекреаціонномъ залѣ, на столѣ, были прицѣплены

нѣкоторые изъ журналовъ; приходя въ залъ, Кириллъ Ивановичъ предлагалъ воспитанникамъ, не желаетъ-ли кто изъ нихъ почитать вслухъ, и если такой находился, то старикъ чрезвычайно былъ доволенъ, особенно если и другіе добровольно приходили слушать чтеніе. Гловачевскій давалъ также ученикамъ читать разныя книги, преимущественно классическія, какъ Иліаду, Одиссею, Энеиду, Овидіевы превращенія—все это разумѣется, въ русскихъ переводахъ; отечественные писатели тоже не были забыты: читали Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и др.

Почтенный инспекторъ обращалъ особенное вниманіе на художественное развитіе воспитанниковъ. У него было заведено соревнованіе между ними, такъ что каждый старался отличиться другъ передъ другомъ. Кто получалъ большую медаль, инспекторъ обыкновенно поздравлялъ съ такою наградою; но съ малою медалью не считалъ нужнымъ поздравлять. Бывало, получишь серебряную медаль, онъ пашьетъ петлицы и потихоньку скажетъ: «я тебя не считаю медалистомъ; ты нашали, я петлицы-то спорю, а въ слѣдующую треть ты опять получи, тогда и будешь настоящій медалистъ».

Къ празднику Р. Х. Кириллъ Ивановичъ заставлялъ учениковъ писать картины на бумагѣ; кто ничего не выставлялъ, онъ называлъ того «шелопаемъ», единственнымъ браннымъ словомъ, которое позволялъ себѣ почтенный инспекторъ. На свѣтлый праздникъ желающіе изъ воспитанниковъ могли писать транспаранты по указанію Гловачевскаго.

У каждаго воспитанника было по особой маленькой иконѣ; всѣ иконы помѣщались въ спальнѣ на стѣнѣ въ одномъ изъ простѣнковъ. Къ вербному воскресенью и въ Духовъ день инспекторъ требовалъ, чтобы ученики дѣлали для своихъ иконъ какое нибудь украшеніе, въ родѣ вѣнка, цвѣтнаго убора для люстры и т. д.

Такія требованія и желанія его исполнялись воспитанниками, по большей части, охотно. Да и какъ было не исполнять ихъ? Добродушный старикъ всегда обращался съ ними мягко, ласково; дѣйствовалъ преимущественно внушеніемъ, убѣжденіемъ, выговоромъ, несмотря на то, что воспитанники, происходившіе изъ разныхъ сословій, были народъ довольно буйный.

Одинъ изъ помощниковъ инспектора, Теглевъ, былъ человѣкъ строгій, взыскательный и грубый въ обращеніи съ учениками.

Бывало, заслышитъ какой-нибудь шумъ у воспитанниковъ, прибѣжитъ къ нимъ и грозно крикнетъ:

— На что это похоже? Такъ дѣлаютъ только свиньи!

— А вы свинопасъ, раздается въ отвѣтъ ему на это привѣтствіе.

Бывали случаи, когда воспитанники выражали Теглеву свое неудовольствіе и болѣе грубо. Теглевъ часто жаловался Кириллу Ивановичу, говорилъ, что ученики кидаютъ въ него палками и кирпичами. На эти жалобы Кириллъ Ивановичъ обыкновенно отвѣчалъ:

— А какъ въ меня бросятъ, то я перескочу.

Разумѣется, въ него не кидали, и прыгать Кириллу Ивановичу не доводилось.

Случалось иногда, что почтенный инспекторъ вынужденъ былъ прибѣгать къ розгамъ, какъ къ средству исправленія строптивыхъ и лѣнивыхъ воспитанниковъ; при этомъ онъ незамѣтно уводилъ виновнаго въ спальню и тамъ собственноручно отечески наказывалъ. Знаменитый художникъ Егоровъ, будучи воспитанникомъ, считался отчаяннымъ лѣнтяемъ; рисованіемъ онъ занимался очень плохо, а о другихъ предметахъ и говорить нечего. Однажды въ церкви Егоровъ начертилъ на своей ладони священника, который служилъ обѣдню, и началъ показывать этотъ рисунокъ близъ стоявшимъ товарищамъ. А сзади стоялъ инспекторъ, котораго Егоровъ не замѣтилъ. Старикъ увидалъ рисунокъ и, обращаясь къ Егорову, сказалъ:

— У, батинька! да у тебя талантъ есть!

По окончаніи обѣдни, Кириллъ Ивановичъ отвелъ Егорова въ спальню и наказалъ розгами: «не рисуй де въ церкви!» Послѣ этого лѣнь съ Егорова какъ рукой сняло.

Кириллъ Ивановичъ былъ образцомъ честности и воздержанія; пищу употреблялъ самую простую, вина никакого не пилъ; только три раза въ годъ, а именно въ день имянинъ жены своей, въ Рождество Христово и на Пасху выпивалъ по одной рюмкѣ чихирю. Всѣ воспитанники любили и уважали своего престарѣлаго инспектора. Позднимъ вечеромъ, когда по окончаніи дневныхъ занятій Кириллъ Ивановичъ отправлялся въ свою квартиру, помѣщавшуюся въ зданіи академіи, двое изъ учениковъ старшаго возраста всегда его провожали; онъ давалъ имъ по чашкѣ чаю, по сухарю и затѣмъ говорилъ: «прощайте, господа». Умеръ Кириллъ Ивановичъ

совершенно спокойно, безъ всякой болѣзни и страданія. Это было съ субботы на воскресенье. Вечеромъ онъ былъ въ спальняхъ, два ученика пошли, по обыкновенію, провожать его; онъ при нихъ завелъ часы, простился и легъ въ постель, а черезъ часъ прибѣжали сказать, что Кириллъ Ивановичъ приказалъ долго жить.

Умеръ Гловачевскій съ 27 на 28 число іюля мѣсяца 1823 г. 88 слишкомъ лѣтъ; 31 іюля его хоронили. Отпѣвали при собраніи всѣхъ воспитанниковъ въ академической церкви; питомцы вынесли его гробъ и провожали съ церемоніей до Смоленскаго кладбища. «День былъ жаркій, говоритъ В. И. Григоровичъ, стеченіе народа необыкновенное: президентъ академіи, художники и всѣ знавшіе Гловачевскаго почтили погребеніе его своимъ присутствіемъ. Слезы чувствительности невольно текли изъ глазъ, при воззрѣніи на маститыхъ, временемъ убѣленныхъ старцевъ членовъ академіи, съ чувствомъ нѣкоего благоговѣнія сопутствовавшихъ гробу бывшаго инспектора, наставника и втораго отца».

Гловачевскій имѣлъ несчастіе пережить многихъ своихъ дѣтей и въ томъ числѣ старшаго своего сына, который былъ уже въ чинѣ VI класса совѣтникомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ нашего посольства въ Испаніи, гдѣ умеръ несчастнымъ образомъ въ Мадридѣ. Эта потеря, а равно и другія неменѣе важныя огорченія, которыя онъ имѣлъ въ послѣднее время, были причиной его смерти. Наконецъ намъ остается сказать, что Гловачевскій свою молодость провелъ въ кругу самыхъ интелигентныхъ современниковъ, какъ-то: Ломоносова, Хераскова, Княжнина; всѣ они были короткими его пріятелями, а Сумароковъ былъ его другомъ. Бесѣды съ ними развивали его способности, и благодаря ихъ обществу Гловачевскій обязанъ отличительными чертами своего характера, дѣлавшаго его изъ ряда вонъ выходящею личностью.

Изъ произведеній Кирилла Ивановича Гловачевскаго были извѣстны портреты: императрицы Екатерины Алексѣевны, Павла I въ молодости, фельдмаршала графа Захарова, графа Чернышева, фельдмаршала Миниха, графини Анны Родіоновны Чернышевой, а также графини Чернышевой, жены адмирала Ивана Григорьевича Чернышева, графа Петра Ивановича Шувалова, князя Григорія Григорьевича Орлова (находится въ академіи художествъ), Петра Ивановича Бакунина, директора театровъ Василія Ильича Биби-

кова, г-жи Швебе, грузинскаго князя Атара Егоровича Джапари, графа Аркадія Ивановича Моркова, Алексѣя Яковлевича Римскаго-Корсакова, Лосенка, Саблукова; списалъ онъ также портреты съ брата своего Ивана Ивановича Гловачевскаго, себя и супруги своей, съ актера Шумскаго (читаетъ Сенеку—гравировалъ И. Лапинъ въ 1769 г.), актеровъ Волкова и Дмитревскаго, жены Дмитревскаго, друга своего А. П. Сумарокова, 2-хъ дочерей его, актрисы Т. Михайловны Троепольской и 90-лѣтней старушки Поморской, славившейся приготовленіемъ особенныхъ конфектъ, которыя нравились чрезвычайно при дворѣ. Послѣдній портретъ находили до того превосходно написаннымъ, что сравнивали оный даже со старухою Рембрандта. Черты-же Кирилла Ивановича Гловачевскаго сохранены для потомства кистью извѣстнаго художника Венеціанова, который написалъ его, окруженнаго воспитанниками всѣхъ возрастовъ, и за этотъ портретъ получилъ званіе академика. Кромѣ того существуетъ гравюра исполненная черной манерой Ухтомскимъ, на которой представленъ садъ академическій съ фасадомъ литейнаго зданія; ученики играютъ въ мячъ, а почтенный инспекторъ въ костюмѣ временъ Екатерины отдыхаетъ, сидя на скамейкѣ.

Сынъ Кирилла Ивановича—Александръ, ученикъ своего отца и Лосенка, занимался преимущественно миніатюрою, и въ академіи художествъ его работы есть миніатюрный портретъ Григорія Ивановича Угрюмова (1764 † 1823), писанный въ 1814 г., который считается единственнымъ изображеніемъ этого знаменитаго профессора.

И. Божеряновъ.

АВТОБІОГРАФІЯ
ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ рѣдкій по простотѣ замысла и изложенія, по необработанности и безграмотности языка, но богатый историческими вообще и въ частности бытовыми свѣдѣніями, южно-русскій письменный памятникъ половины XVIII ст. Авторъ помѣщаемой рукописи — простой, едва грамотный малорусскій священникъ первой половины прошлаго столѣтія, лѣвой стороны Днѣпра; тѣмъ болѣе удивительно, что въ умѣ его родилась мысль, выражаясь по нынѣшнему, пуститься въ писательство, «списать житіе и страданіе свое, на память дѣтямъ, внукамъ и всему потомству». Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, на сколько распространенъ былъ въ Малороссіи того времени обычай писать діаріуши, лѣтописи, дневники, автобіографіи и другихъ формъ записки. Обычай этотъ восходитъ къ XVI в., проходитъ чрезъ весь XVII вѣкъ и въ XVIII ст., проникая до низшихъ почти слоевъ, ясно говоритъ объ извѣстной умственной высотѣ и развитіи южно-русскаго общества тѣхъ временъ. Если въ началѣ 2-й четверти прошлаго столѣтія совсѣмъ неграмотный полковой асаулъ Михайло Мовчанъ, съ помощію посторонняго писца, ведетъ свою записную книгу, которую продолжаютъ его наслѣдники [1]), то въ началѣ 2-й половины того-же столѣтія «въ память потомству» пишетъ свое житіе простой іерей Илія Турчиновскій, столь-же мало владѣвшій языкомъ, какъ и перомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, его автобіографія не дошла до насъ сполна и обрывается на самомъ оригинальномъ эпизодѣ тѣхъ его страданій, въ которыхъ едва-ли не самъ онъ былъ виновенъ болѣе всѣхъ его враговъ. Передадимъ въ кратцѣ главныя черты его скитальческой жизни и столкновеній, закончившихся весьма печальной катастрофой, послѣдній исходъ которой намъ неизвѣстенъ.

---

[1]) См. янв. кн. «Кіевской Старины» 1885 г., стр. 60.

Родился о. Илія въ м. Березани, въ 12-ти верстахъ отъ г. Переяслава, полтавской губерніи. Отецъ его былъ сотникомъ березанскимъ и носилъ прозваніе Турчина, что указываетъ несомнѣнно на то, что самъ-ли онъ, или его отецъ былъ плѣнный турокъ. Слѣды восточнаго происхожденія сказались въ буйномъ и дикомъ нравѣ сына, тщательно скрывающаго эти черты въ своемъ разсказѣ. Природа надѣлила его хорошимъ голосомъ, и это опредѣлило его первоначальную профессію въ жизни, случайно разрѣшившуюся священствомъ, къ которому, какъ видно, авторъ «житія» не имѣлъ ни подготовки, ни призванія. Много лѣтъ провелъ онъ въ качествѣ вольнаго пѣвца и устроителя хоровъ, переходившаго съ мѣста на мѣсто.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, подъучившись грамотѣ у мѣстнаго дьячка, Илія Турчиновскій былъ отданъ родителями въ Кіевъ для продолженія ученія; но обучаясь здѣсь въ низшихъ классахъ академіи, онъ состоялъ канонархомъ въ кіево-михайловскомъ монастырѣ. Въ шведскую войну, когда отецъ Иліи выступилъ въ походъ, мать взяла сына изъ Кіева для завѣдыванія хозяйствомъ; но хозяйничалъ онъ такъ плохо, что отецъ, по возвращеніи изъ похода, кромѣ укоризны, не «мало приложилъ ему и ранъ». Именно это обстоятельство толкнуло его изъ дому родительскаго «по школамъ волочитись и для повиданія больше свѣту». Скитальчество съ цѣлію пріобрѣтенія знаній и опредѣленія занятій было тогда обыкновеннымъ явленіемъ, и мы видимъ автора «житія» въ этомъ положеніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, которыхъ онъ съ точностію не опредѣляетъ: изъ Синявки онъ переходитъ въ Могилевъ, оттуда въ Шкловъ, Гомель, Черниговъ и наконецъ въ Переяславъ. Жизнь его за эту пору полна самыхъ разнообразныхъ приключеній, которыя онъ изображаетъ съ словоохотливостію простаго человѣка того времени; но именно благодаря этой словоохотливости автора, въ его незатѣйливомъ разсказѣ проскальзываютъ весьма интересныя свѣдѣнія объ условіяхъ тогдашняго обученія, о положеніи православія въ Бѣлоруссіи, объ устроенія хоровъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, о разыгранномъ имъ діалогѣ съ интермедіею, привлекшемъ все мѣстное населеніе мелкаго города Шклова и вызванной этимъ обстоятельствомъ жизненной бурѣ и проч. Служба Иліи Турчиновскаго въ званіи регента хора переяславскаго архіерея доставляетъ ему наконецъ священство въ родной Березани, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось-бы, покойную и обезпеченную жизнь.

Но не таковы были нравъ и характеръ Иліи Турчиновскаго, не такова была его подготовка къ священству, чтобы онъ могъ спокойно жить на предоставленномъ ему мѣстѣ. Слухи о его похожденіяхъ въ Бѣлоруссіи доходили вѣроятно до Березани, ибо протестъ противъ назначенія его на березанскій приходъ явился какъ до посвященія его, такъ и въ самый день рукоположенія. Главною противницею его въ этомъ дѣлѣ была вдова полковника Думитрашка, которую онъ и считалъ виновницею всѣхъ постигшихъ его потомъ бѣдствій. Она преслѣдовала его всякими способами, пока наконецъ съ помощію своего сына, учившагося за границей и став-

шаго сотникомъ въ Березани, не угодила его подъ судъ. Обвинялся о. Илія въ томъ, что вымогалъ отъ прихожанъ высокую плату за требы и многихъ изъ нихъ билъ, что не далъ причастья полковницѣ Думитрашчихѣ, ходилъ на медвѣдей, билъ волковъ и зайцевъ ловилъ, но отягчили участь его продерзостныя рѣчи его противъ архіерея и консисторіи. Его судили и по совокупности всѣхъ преступленій, не смотря на ходатайство двухъ членовъ синода, испрошенное имъ чрезъ своего сына, служившаго въ Петербургѣ, опредѣлили, лишивъ прихода и права священнослуженія, заточить на три мѣсяца въ монастырь на тяжкія работы въ оковахъ; но кромѣ того, по письму Румянцева къ переяславскому архіерею, ему дано еще сто плетей за какое-то буйство во время ареста, которое онъ называетъ взятіемъ «служебной колодницы съ цѣпью», но которое вѣроятно состояло въ разбитіи арестанскихъ кандаловъ. Въ разсказѣ о. Иліи, хотя и замаскированномъ, живо выступаетъ во всей суровой своей обстановкѣ строгій судъ церковный того времени. Сокрушенный имъ іерей, по видимому, повинился и обѣщалъ удовлетворить обиженныхъ имъ прихожанъ, но, по доставкѣ на мѣсто съ нарочно посланными изъ консисторіи, отказался исполнить свое обѣщаніе. Посланные снова заковали его въ кандалы для доставки въ каѳедру, но, угощенные сотникомъ, на обратномъ пути въ ночную пору опрокинулись въ ровъ, гдѣ и остались отъ сильнаго опьяненія. Испуганныя лошади понесли по полямъ скованнаго о. Илію... На этомъ и обрывается разсказъ въ его автографѣ, обязательно сообщенномъ намъ старѣйшимъ нашимъ этнографомъ, уважаемымъ П. А. Лукашевичемъ. Конецъ автографа очевидно оторванъ и затерялся, но читавшій его первоначальный владѣтель рукописи передавалъ Платону Акимовичу, что о. Илія освободился отъ суда, возстановленъ въ священствѣ и послѣ новыхъ и долгихъ злоключеній умеръ въ глубокой старости, хотя и на другомъ уже приходѣ.

Самый автографъ представляетъ собою небольшую книжечку въ 16-ю долю листа сѣрой бумаги въ бумажной обклейкѣ, писанную непривычною къ письму рукою, очень плохими, теперь совершенно уже выцвѣтшими чернилами. Пунктуація и вообще правописаніе таковы, что во многихъ мѣстахъ совершенно затемняютъ смыслъ рѣчи. Для облегченія читателей мы ввели современную пунктуацію, сообразно теченію рѣчи, а въ орфографіи прибавили твердый знакъ, отсутствующій въ подлинникѣ. Особенность правописанія подлинника заключается въ употребленіи повсюду *и* вм. *ы* и *и* вм. *і*, что въ большей части и нами удержано. Языкъ подлинника нельзя назвать ни народнымъ, ни книжнымъ; онъ приближается къ канцелярскому языку того времени, при очевидномъ вліяніи русскаго языка и съ значительною наклонностію къ славянизму, весьма понятною въ авторѣ-священникѣ. Объединить мелкія бытовыя черты, разбросанныя въ разсказѣ, не возможно; онѣ даются только чтеніемъ подлинника, котораго текстъ за симъ приводимъ.

Списася мною многогрішним, Іліею Турчиновским, священиком и наместником Березанским, житіе и страданіе свое въ память дѣтямъ своимъ, и внукамъ, и всѣму потомству.

Азъ многогрішний Ілія рожденъ отъ благочестивыхъ родителей, въ городку Березанѣ въ ахче (1695) року, іюля к дня, отъ отца Михаила, сотника березанского, и матки Анны Садковсковни; воспитанъ во благомъ наказаніи. Приспѣвшу возрасту моему, вдана мя родителіе мои книжному ученію при церкви святоуспенской березанской, за священика и намѣсника тоей церкви Павла, и къ дяку Іоанну Кудинскому, где я обучился граматики, часловця и псалтири; и когда въ болший возрастъ достигшу ми, отець мой, отходя въ походъ военний, въ 1699 году, въ Полщу (где и въ Ляховичахъ полкъ увесь переяславский съ полковникомъ Мировичемъ шведя чрезъ змѣну гетмана Мазепи взято), мнѣ приказалъ править господарствомъ; когда же отецъ мой съ походу съ-подъ Ляховичъ, отъ шведскихъ рукъ сохраненъ, самъ единъ (а сотия вся тамъ съ полкомъ пропала) пришелъ въ домъ, много мнѣ укоризни, за накладомъ немалихъ ранъ, за непорядокъ домовий наложилъ; чего я въ младихъ лѣтехъ не могълъ разумѣть.

Отъ того времени сталъ я сожалѣть о науцѣ своей, якую за господарствомъ позабилъ, и, оставля отца и матку, отийшолъ 1710 года изъ Березанѣ по школамъ волочитись. И шедши малий путь, достигъ града Чернѣгова и тамо при церкви Воздвиженія Господня малое время поживши, отийшолъ въ сотню, въ село Синявку, где черезъ годъ живши, тамъ, при церкви покровской, обучился книжного чтенія и пѣнія, ибо хочай и трудился чрезъ три года въ богоспасаемомъ градѣ Киеви, въ манастирѣ святомихайловскомъ, при игуменѣ Іоаникіи Сенютовичи и при намѣснику Варсонуфіи и уставнику Гедеонѣ, за канархистру лѣвого клироса, та й то еще на коштѣ оного ігумена и до школъ латинскихъ началъ билъ, за ректора Прокоповича, а подпрофесора Загурского, ходить; отъ якого ученія, за отсутствіемъ отца моего у войско противъ шведа подъ Стародубъ, где въ ахчи года король шведский въ Стародубѣ и вся армія его зимовала, маткою моею съ Киева взятъ и за домашнею суетою всего позабилъ. И въ той Синявцѣ обучившись, въ

сотника тамошнего Мандрики, за писара дворового билъ и сина его Петра Псалтири обучалъ. И оттоль, для повиданія болѣе свѣта и ученія, пойшолъ зъ двома молодиками болшими, Семеномъ и Иваномъ, въ Литовское Княженіе, въ королевский градъ Могилевъ. И шедши многимъ путемъ, пущею, дний два безъ людей, якіе молодики, видя въ мене деньги и одѣяніе не ветхое и уже надходящу вечеру, устремишася на мя не человѣческо, но аки звѣріе, хотя мене убить. Единъ тайно не малимъ древомъ хотѣлъ мене у главу уязвить, но Божіимъ защищеніемъ и Матере святой его защищенъ я отъ глави, но по книжкахъ, якіе на правомъ плечи мною несени били (ударилъ?), отъ которого я бою упалъ о землю; и тамо мя лежащаго роздѣли изъ одѣянія и деньги, якіе при мнѣ били, изъ одѣяніемъ побрали. И чиняху, стоя, надо мною сваду: единъ Іоанъ желаетъ мене убить у смерть и заволокти зъ дороги внутрь пущи, а другий, Симеонъ, якоби милосердуя о мнѣ, совѣтъ подая свести мя далечайше съ пути, и нага къ древу привязать на снѣденіе комарамъ, или звѣрямъ; но Божіею силою и заступленіемъ моей помощници Матери Божей, ощутяся акиби отъ сна, не чувствуя и мало болѣзни, схватясь въ єдной копулѣ, яхся бѣгу обратно путемъ тимъ, отколь и шествовали. И бежа съ немалимъ риданіемъ, молилъ Матерь Божію, да избавитъ меня отъ тихъ лютихъ Диоклитіяновъ, и голосно кричалъ о ратунокъ; то оніе убійци, бѣжа за мною, аки звѣріе за агнцемъ, не малий путь; и яко оніе тѣломъ толсти, ктому же и пяни, не могли постигти и кричали голосно, даби я остановился, изъ немалою клятвою крестнимъ знаменіемъ утверждая не убить мене, но ити купно къ Могилеву, зъ обѣщаніемъ мнѣ все плаття возвратить. Якой я отъ нихъ клятвѣ явъ вѣру, оградилъ себе крестнимъ знаменіемъ и, прочитавъ *Богородице Дѣво, радуйся* и возложася на помощь и заступленіе Матери Божіей, пришолъ до оних. Якіе оба яша мя въ руцѣ и о землю вдариша, скрежетаху на мя зуби своими и связаша ми руцѣ и нозѣ, покушахуся нести мя внутрь пустиня и тамо мя смерти предать. Видя я остатное свое окончаніе и лютую смерть, лежа, сказивалъ онимъ: „та коли клятва ваша и крестное знаменіе въ правдѣ остается, усумнѣтесь и убойтесь Бога. За что вы мене желаете убить? И сами за убійство не избегнете лютѣйшей муки, и здѣсь, и на второмъ пришествіи. А буде желаете денегъ и платя

моего, я вамъ вовся дарую, и нѣкому сей тайны не явлю". То оніе, полстивнись деньгамъ и устрашая мя убійствомъ, ежели би кому обявилъ, развязали ми руцѣ и нозѣ и отдаша мнѣ одѣяніе и книжки съ торбою, якіе отъ срогаго вѣдару внолѣ-дощечки поламалисы, а деньги рублей десять къ себѣ взяли. И тако изъ оними злосниками яхомся въ путь свой. И дойшли ночу до села, къ границѣ полской, маетности печерскаго монастира, зовемаго Попова Гора. Въ якой жіючий городничий, еромонахъ Өеодосий, усмотря мене въ церкви въ пѣнію и чтенію искусна, сказалъ дячку того села, чтобы мя принялъ до половини дяковской: и потому мя и принято. Чему я и радъ билъ избыть своихъ враговъ; но они, когда очувствовали мое отъ нихъ отлученіе, весьма опечалились и скрежеща на мя зубами, пожелали тамъ бить, но дякъ той школи не допустилъ и пошедши до городничого, обявилъ, а я зъ оними много водился и тимъ часомъ служителѣ нашедши, отняли мя и онихъ изъ школы выгнали. Но оніе, умысля на мя злокварніе вымысели, пишли до сотника компанѣйского, который на тотъ часъ въ томъ селѣ Поповой Горѣ стояли на квартирахъ и полкъ Чаусниковъ, и обявили, якобы я отъ нихъ отъ села Синявки уговорился, ежели доведутъ мене до Могилева, тамъ бы онимъ покупить по пари суконь; да и еще сказывали ложно, что де онъ, изъ нами идучи, не маліе обиди дячкамъ подѣлалъ по школамъ, и якъ котрый его дякъ не приймегъ по его праву, то розками безъ пощады оньбъетъ ночу и пойдетъ, а у иныхъ книжки позабиралъ, и тако намъ обратно ити невозможно; якіе де книжки и деньги и нинѣ въ него имѣются. То оний сотникъ, на тотъ часъ будучий въ корчми зъ своими козаками, прислалъ пяти компанѣйцовъ, и оніе взявъ мене насилне изъ школи и приведше предъ сотника, и плаття и книжки позабирали. Оній же сотникъ, не испрося мя, отъ якой страни и коего рода, но повелѣлъ изняти изъ мене кунтушъ и кафтанъ и отдать моимъ зломышленникамъ, а книжки шинкарцѣ отдалъ за цеберъ меду, ибо не худіе книжки били. И осталіе деньги, якіе отъ тихъ десяти рублей остались, что онимъ я злочинцямъ отдалъ, еще два рубля оніе отъ мене отибрали, где я тилко въ единой рубашци стоя предъ ними, въ немаломъ ридании слези испущалъ; и прочіе мои ручники, хусти, кошулѣ, пояси на пропой шинкарцѣ вручили. Но я, стоя, серцемъ ко Господу Богу

и Матери Божей, возводя очеса свои, молился тайно, прося избавленія отъ такой напасти и разоренія, и воспоминая свой отходъ отъ отца и матки тайный. И уже сотникъ, и козаки, и мои враги Семенъ и Иванъ, за мои книжки и протчее накупленнаго меду напившись, приказали спѣвать предъ собою изъ оними моими врагами: то и мене принуждали; еднакъ я, хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не моглъ и гласу отвести. Гдѣ минѣ оний сотникъ приказалъ у двѣ колодѣ древяніе ноги забить: який крикъ и шумъ единъ атаманъ компанѣйскій, лежа пянъ за пѣчу, ощутилъ и всталъ, сказуя: „что де то у васъ за шумъ и пѣніе?" Оний же сотникъ отвѣтствовалъ на тое ему атаману: „иди де за столъ, да пий медъ, намъ де злодѣя сіи молодики привели". Який атаманъ, уже не младъ собою, седя близъ сотника, сказывалъ: „где тотъ злодей?" То сотникъ повелѣлъ мя съ подъ караула изъ сѣней привести въ двохъ колодахъ и въ едной копулѣ. И приведоша мя предъ того атамана, який много мене присмотревалъ у очи и спитуя: „отъ якой ты де страни? чуть де ты минѣ не по зънаку". То я зъ немалыми слезами отвѣтствовалъ: „и полку переяславскаго, изъ городка Березанѣ". И оний атаманъ сказивалъ: „не ты ли Михайла Турчина, сотника сынъ?" То я отъ той радости мало ись плачу не удавился и мало просилъ води напитись. И оный атаманъ сталъ сотнику и козакамъ говорить: „вы де и сами всѣ въ дому его отца були, и пили и ѣли, когда шествіе было государа первого Петра Алексѣевича въ 710 году подъ Прутъ, и онъ де насъ по повеленію отца своего частовалъ и правіянтъ, який намъ изъ сотнѣ палежалъ, выдавалъ на сутки и записовалъ; почему онъ, сотникъ, примѣтилъ мя, что тако есть". И началъ я подробне оному сотнику и атаману сказывать, что оніе мои злочинцѣ изъ села Синявки добровольне зо мною пошли и что въ пути отъ нихъ минѣ приключалось, подробне росказалъ. И тогда онъ сотникъ и атаманъ повелѣли клади изъ моихъ ногъ розбить, да на моихъ супостатовъ, Семена и Івана наложить и до другого дни въ немаломъ заключеніи содерживать. И совлекши мою одежду со онихъ, минѣ отдали, и все имущество мое бѣдное и деньги отъ нихъ отибрали и что они били взяли, возвратили; что же цеберъ меду выпили, зъ моихъ денегъ заплатили; мене же онъ сотникъ взялъ на свою квартиру. По утру же, свѣтающу, онъ сотникъ, всѣмъ ата-

манамъ сошедшимся, судили моихъ клеветниковъ и когда велѣли бить безъ пощадѣнія, то оніе всему своему злому дѣлу повинились: якихъ, еще приваливши бою, повелѣли козакамъ изъ села за границю, за рѣчку Сновку, въ польскую область выгнать и тамъ на границѣ немаліе раны наложить и, обидравши до кошуль, отпустить. Что и учинилось. Мене же онъ сотникъ, по совѣту атамановъ и козаковъ, принялъ за писара (ибо оннхъ писарь во отлючцѣ былъ въ комисіи польской), где и квартеру мнѣ опредѣленно. Будучи же въ него немалое число въ правленіѣ писарскомъ, понудило мя первое желаніе отийти въ Полщу, въ Могилевъ, для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія. И упросилъ я сотника и атамановъ компанѣйскихъ, чтобы мя отпустили, отъ якихъ и отпущенъ. За Божіею же помощію и Божіей Матере, тогожъ времени прилучившемуся купцю зъ Могилева града Іоану Ронѣ, який изъ Стародуба везлъ желѣзо, и за упрошеніемъ моимъ онаго купца, взятъ и при возахъ его дошедъ града Могилева, який стоить надъ рѣкою Днѣпромъ, и отъ него Іоана Ронѣ залѣченъ въ школу при церкви святопокровской на Подолѣ; гдѣ и преозимѣлъ. По веснѣ, упрошеніемъ того же Іоана Ронѣ, принятъ до школъ латинскихъ язовитскихъ; и тамъ случалось ходить до церкви благочестивой Преображенія Господня, где домъ архіерейскій при той церкви. И ходя на клиросъ, услышано отъ покойного архиерея Силивейстра Четвертинскаго мое пѣніе, и къ ему призванъ. Оній же епископъ испросился: „коея вѣры, и отъ якой страны и жительства, и гдѣ мое пребываніе?“ Оному епископу явилъ я свою вѣру и жительство, якое выше сего написанно и гдѣ нынѣ пребываю. Оній же епископъ требовалъ мене съ прошеніемъ, чтобы я въ должность пѣвческую къ нему присталъ, зъ обѣщаніемъ награжденія, къ чему я охотне издался. И когда къ чину пѣвческому сталъ обучатись; то уже мене ксензи до школъ и не пустили, сказуя, что ты де сизматикъ, що у сизматиковъ жіешъ. Но когда обучился чрезъ годъ и разсмотривъ искуство партесное, то единаго времени на Свѣтлое Воскресеніе на всенощной спѣваючи канонъ на хорахъ, реентъ, по единому его на мене гонительству, что за его пянство уже былъ отдаленъ отъ капелѣи, а мнѣ поручено, якобы за невыходъ концерта за дишкантами, пхнулъ мя изъ хоръ чрезъ желѣзные баляси. Где я изъ

хорѣ на долѣ летѣлъ вишенѣ у пяти человѣкъ, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камѣнь мармуръ разбился. И многимъ женамъ повреждени были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дни и умерла. Мене же Господь и Матирь Божая сохранила невредима. Онъ же реентъ, убоясь, бежалъ изъ хорѣ и поддался на римскую релію, но не малимъ коварствомъ зъ римскими пѣвчими старался, якъ бы мене увѣчить, ктому жъ еще согласился изъ тими моими врагами, Семеномъ и Іваномъ, кои предъ сего мене желали убить, но ихъ зъ села, Поповой Горы, бивши плетми, выгнали за границю, а теперь въ Могилеви въ драгунскій полкъ при замѣку записались, якіе после вскори православную церковь выкрали, и оныхъ повѣшано.

Бѣгая того зла, по прошенію случившихся въ Могилеви мѣщанъ изъ города Шклова, просился я отъ епископа могилевскаго отпуску, обявля ему своихъ гонителей, який и отпустилъ мя зъ немалою жалостію. И съ тими купцами Іоаномъ Мазуровичемъ да Михайломъ Косебуцькимъ, имѣя изъ собою двохъ пѣвчихъ, пойшолъ я въ городъ Шкловъ въ манастирь Благовѣщенія Господня, въ якомъ манастирѣ игуменъ Феодосій изъ братіею приняли меня зъ охотою, зъ награжениемъ за содержаніе пѣвчихъ талярей десять битихъ, кромѣ дохода, ибо тотъ манастирь имѣетъ приходъ,—всѣ благочестивіе къ тому манастиру скланяются, где и тотъ городъ стоитъ надъ рѣкою Днѣпромъ. И тамъ я чрезъ четири года при томъ манастири былъ реентомъ и отъ оныхъ мѣщанъ, такъ и отъ игумена имѣлъ довольствіе. Но и тамъ врагъ, искатель мнѣ зла и гоненія, завидя моему добру, воста на мя. Прилучившіися зъ Киева два студенти, желали у Орши или въ Могилеви ходить до школъ, но неприняти за тимъ, что благочестивіе. Съ ними я потрудился, и на Свѣтлое Воскресеніе выправили діалогъ зъ интермедіею. На якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ. И всѣ тому удивлялись, яко тамъ, въ тихъ краяхъ, той вещи не видали. Не малую себѣ римляне болѣзнь и безчестіе приnявши, умыслили, яко бы мя выгнать изъ города Шклова: просили губернатора, чтобы мнѣ на ихъ празники приходить въ кляшторъ доменѣканскій до аргановъ и съ пѣвчими своими спѣвать. Хочай же и былъ присилокъ отъ гу-

бернатора, то я много отказывался, яко намъ благочестивимъ въ римскій кляшторъ неприлично входить, да и правила святихъ отецъ возбраняютъ. Но и пачей оніе римляне опечалились и наславши одной нощи въ манастиръ на спѣварню, яко би нечаянно, зъ лихтарнями, арганѣста зъ драгунами замковими, и начали бить всѣхъ пѣвчихъ и тихъ студентовъ, а мене зъ чулана витягши, безъмилосердне били и шаблями рубили, где главу мою у двохъ мѣсцехъ до мозгу прорубали, и несли мене у Днѣпръ рѣку утопить. Но я, мало ощутився, просилъ оного арганѣсти, яко онъ иснерва добръ билъ ко мнѣ, помилованія: якій объявилъ мнѣ, что посланъ отъ замку убить мене и у Днѣпръ уволокти. Однакъ Божія помощъ и Матеръ Божія заступиста мя: случившіеся того града мѣщане ѣхали въ городи зъ крамами и наѣхавъ на тое, отняли мене и мало въ живихъ унесли у спѣварню и объявили игумену. Отъ якого я порубанія много страдалъ и все свое имущество врачемъ роздалъ; но ничтоже не успѣлъ би, ожелиби не едина вдова, женщина Евдокія Мащиха, излѣчила: ибо оніе римляне, ощутивши, якіе врачи до мене ходять (яко тамъ болѣе жидовъ не имѣется нѣкого), намовляли, чтоби мя умертвить. Когда жъ я отъ той старухи увраческанъ и сталъ по прежнему спѣвать, то извѣщенно мнѣ отъ добрихъ пріятелей, что хотятъ мене, въ нощи напавши, извязать и воскори у Днѣпръ укинуть. Я, видя и тамъ гоненіе и что уже укритись отъ папиштаковъ невозможно, а случилось такимъ же способомъ, въ ночное время въ одномъ мѣсцу того арганѣсту самого застать въ шинку, то тамъ зъ своими пѣвчими такожъ ему отреванжевалъ кіями и шаблями, и забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ.

О такой моей тайнѣ игуменъ и мѣщане извѣстни били и много обо мнѣ сожалѣли, тилько что сила римская, а на благочестіе гоненіе. И той нощи уплили миль десять. И приплывши свѣтомъ къ городу, стоящему надъ Днѣпромъ, Гомлю, тамъ препочили дний два. И паки ятася плаванія. И отъ Гомля, когда тамъ же судное плаваніе возъимѣли, то въ одиномъ мѣсцю, приноснясь, случаемъ нагнали судно на древо, якое въ рѣцѣ отъ брега отвалилось, и тамъ всѣ шесть насъ человѣкъ изъ судна вывернулись. И такъ само судно внизъ Днѣпра пошло, а имущество наше, якое било, все затонуло, ми же храненіемъ

Божіимъ за лозы похватались, яко поблизу берега имѣли плаваніе, и много, гласомъ немалымъ, искали ратунку. Где почувши рыбалки наехали насъ и побрали у свои лотки. И тилько съ тымъ остались платьемъ, въ якомъ выпали изъ судна. И оними рыбалками вывезены на брегъ, где и огнь отъ нихъ распаленъ ради огрѣтія и обсушенія отъ воды. И оттоль, преночевавши, въ пущи пѣшимъ путемъ немалый часъ шедши, доспѣли къ Лоеву городку, а послѣ до Рѣпокъ, и тамъ преночивши мало, дошли до города Черніѣгова, и тамо премедля, ямася и паки въ путь. Уже со мною были четири тилько пѣвчіе, а два въ Черніѣгови къ архіерею Радіону Жураковскому пристали.

И дошедше до городка Седнева, тамъ задержаны упрошеніемъ господина обознаго генеральнаго Якова Лизогуба—при его церкви остатись за дячка изъ содержаніемъ пѣвчихъ. Видя я себе отъ потопленія и при мнѣ будучихъ пѣвчихъ весьма оскудныхъ на одѣваніе, принужденъ остатись. Въ ономъ Седневѣ жилъ я презъ годъ: и мало приодѣвшись, оттоль отийшолъ, поблагодаря, и оставилъ при господину еще двохъ пѣвчихъ, а зо мною единъ хлопець Іоанъ. И шедши дний не мало, достигъ до своего пристанища отческаго, и засталъ еще въ живыхъ отца и матку, и всѣхъ братий и сестеръ, и дѣда своего Стефана (якій уже живши купно зъ нами лѣтъ сто и трыдцать и умре). Въ дому мало поживши, принятъ въ пѣвчіе въ катедру переясловскую къ преосвященному Кириллу Шумлянскому за регента. И тамо годъ выживши, изволеніемъ Божиимъ и за благословеніемъ родителей своихъ, въ 1718 году женился, февраля остатнихъ чиселъ, на дочери бывшаго сотника березанскаго Михайла Пилипенка, Анастасіи.

По отходѣ, того жъ года марта первыхъ чиселъ, отцеви моему въ походѣ царичанскій за обозного полкового, на тотъ часъ будучему гетманомъ наказнымъ господину Сулимѣ Іоану, хоружому генеральному, то я въ небытность отца моего, по умертвіи намѣсника березанскаго, Андрея Покоры, тымъ же архіереемъ Шумлянскимъ за заслуги мои пѣвческія, въ 1718 году въ ноябри 3-мъ числѣ, въ городку Березанѣ до храму Успенія Богоматери въ священника рукоположенъ. Еще въ тую пору въ Березанѣ една церковъ была, где со времени моего произвожденія много бѣдъ и гоненій отъ Забѣловни Дмитрацихи претерпѣлъ невыдаваніемъ презентовъ, но за выданіемъ отъ атамана Іоана Зуя нѣсь

козаками презента, принятъ я и рукоположенъ. Якая изъ ярости того же дни прислала до архіерея Шумлянскаго съ писменнымъ прошеніемъ, якобы я недостоинъ священства, а недостоинства неякаго не показала: то оное письмо Павло Греско того жъ дни идучему архіерею изъ церкви, въ якой я и рукоположенъ, подалъ. Якое письмо архіерей, когда вшедши по обычаю въ столовой розибранъ съ мантіи, велѣлъ при старшинѣ полковой, якіе въ то время пригодились, писарю Савичу читать. И по вычитаню оного письма, призвавши оного Греска предъ себе и сказывалъ: „Объяви де панюй своюй, что она нехай знаетъ хлопа, а епископъ попа; а когда не похощетъ его Турчиновского въ руку цѣловать, то нехай где инде поцѣлуетъ". И тако отправленъ. И отъ того времени не малыя отъ ней Дмитращихи и сына ея Василія, хочай въ тую пору и младъ былъ, гоненіе и поруганіе претерпѣвалъ и во время моего прихода, по обычаю, зъ молитвою и въ празники зъ крестомъ, немалое поруганіе и выгнаніе изъ дому ея принималъ. А всегда, бывало, лестію мя хотяще уловить, призывая въ домъ свой, питіемъ изнуряетъ, чимъ бы въ словахъ уловить и обезчестить; но я, силою Божескою и Матере Божіей, невредимъ отхожду. Видя оная Дмитращиха, что я не преодолѣванъ состою, на едину обиду якобы мою устроила въ 1719 году церковъ другую на Заричи, съ помоществованіемъ прихожанъ, святого Архангела Михаила, якая въ годъ состроена и освящена покойными протопопами Григоріемъ Максимовичемъ да Павломъ Добронецкимъ. И стала (Дмитращиха) до того прихода реферовати́сь, а вмѣсто ея дому домъ отца моего къ моему приходу опредѣленъ. Къ якой церкви приданъ священникъ Кирилло; но оная Дмитращиха и тимъ священникомъ вознегодовавши, почала искать духовныхъ себѣ по своей похоти: и во время святыя четыредесятницы для исповѣди отъѣхала въ село Семеновку и тамъ въ священника Григорія исповѣдалась, а до моей успенской церкви пришла, чтобы Святыхъ Тайнъ сподобитись. Якую я видя пренебрегательку чина священническаго, послалъ пономаря Михаила, чтобы оная Дмитращиха зъ церкви выступила и ѣхала бы туда причащатись, где исповѣдалася, якая принуждена ѣхать въ церковъ Михайловскую и тамъ сподобилась Святыхъ Тайнъ отъ Кирилла священника: ибо и указъ отъ архіерея Шумлянскаго во всю епархію былъ, чтобы священники не своихъ при-

хожанъ не приймали на духъ и пачей Святыхъ Тайнъ не сподобляли. То отъ того времени и пачей немалою яростію наполнилась: начала гонить мене явно и тайно, насылая своихъ подданныхъ пьяныхъ на мой домъ, бранячи и на пути, и въ церкви, а я все снисходительными вещми сохранялся. Единаго же времени, зъ ярости, будучому въ доми ея полковнику Василію Танскому, много непотребностей приключила мнѣ наговоркою. Який, призвавши мя въ домъ ея предъ себе, бранилъ, порываясь бить мене; но я и оттоль безбѣдно, оправдая себе, отийшолъ. А уже когда сынъ ея Василій, будучий въ той время во училищахъ въ Шленску и въ Празѣ, вычучась, отъ Праги въ Петербурхъ дойшолъ и тамъ въ архіерея Лопатинскаго учителемъ при домѣ его сталъ; то уже я отъ оной Дмитрацихи весьма былъ поруганъ и гонимъ, съ похвалками оттогнать мене отъ парафіи изъ Березанѣ. Когда же сынъ ея пришедъ зъ Петербурга, то уже незносніе мнѣ обиды и козакамъ сталъ приключать. А когда въ 1740 году сотникомъ березанскимъ сталъ; то и тоже гоненіе на мя востало: зъ немалымъ угроженіемъ козакамъ и мужикамъ приказывалъ, чтобы у мене нихто не наймался работать, хотя уморить мя гладомъ и хладомъ. На остатокъ тогожъ 1740 г. мои покупленніи гаи, поля, тако жъ и въ козаковъ, неправеднымъ слѣдствіемъ сотникомъ бубновскимъ Василіемъ Савичемъ, да Крапивлянскимъ Михайломъ Кандибою, да Капцевичемъ канцеляристою поотнимано и ему сотнику Василію Дмитрашку отдано. Но еще не утолясь на томъ, въ 1746 году подалъ на меня доношеніе онъ, сотникъ Дмитрашко, епископу Никодиму, якобы я усиловне отъ прихожанъ за вѣнчаня и за сорокоуста бралъ, и за неданіе его матери причастія, и якобы я многихъ билъ, отъ якого бою и смерть приключилась, и самъ за волками, и за зайцями, и медвѣдями ѣзжу, и бью, и ловлю. По якому его челомъ битію прислано съ катедры слѣдственниковъ: ієромонаха Евксентія, да попа петропавловскаго Гошкієвича, да канцеляристу Василя Козловскаго. Якіе, за прибытіемъ своимъ въ Березань, онымъ сотникомъ березанскимъ Василемъ Дмитрашкомъ подкуплены и неправедно людей, козаковъ и мужиковъ допрашивали безъ присяги. Къ тому-же онъ сотникъ всѣхъ устрашалъ боемъ, ежелибы кто за мною правду говорилъ, да къ тому-же и отъ епископа Никодима не-малая посяжка была и того ради ни малѣйшаго оправданія вслѣдствіи отъ мене не

принимано, а болѣе ни за что, яко сынъ мой Алексій, будучи въ Петербургѣ изъ Алексѣемъ Малиновскимъ, для свиданья зъ сыномъ-же моимъ Андреемъ, кой былъ въ службѣ въ тое время въ Петербургѣ, у Воронцова графа, испросили у членовъ сунодальныхъ архіепископа московскаго Платона Малиновскаго, да архіепископа псковскаго Симона Тодорскаго письма къ Никодиму, чтобы мя въ обиду сотнику Дмитрашку не попускалъ. Якій архіерей Никодимъ не только сотнику не возбранилъ, но самъ, согласясь изъ сотникомъ, гонителемъ былъ. И по окончаніи слѣдствія, за поданіемъ его Дмитрашка доношенія, чтобы до окончанія дѣла лишили мене священства и намѣсничества, тогожъ выше писанаго года, сентября 14 числа, велѣно мнѣ указомъ явитись для выслушанія дѣла въ консисторію. Но когда я явился; то тоже сентября 19 дня велѣно всѣмъ священникамъ градскимъ переясловскимъ съ причетниками въ консисторію сходитись, а когда сойшлись, то при соборне, и при мнѣ, и ему Дмитрашку, приговоры лишили мене священства, и прихода, и намѣсничества вовся, и въ кого взималъ за вѣнчанья и за сорокоустное поминаніе, мнѣ козакакамъ и его подданымъ деньги возвращать; за битье медвѣдя и волковъ и ловленія зайцовъ въ заточеніе сослать на дванадцать недѣль въ ссылку, за неданіе-же матери сотника Дмитрашка причастія уплатить девятдесять и пять рублей безчестія. Все тое за то, что я во время слѣдствія сказалъ: буди де консисторія праведно не осудитъ, то небесная консисторія праведно осудить, онъ архіерей приключилъ. А что я взялъ былъ съ канцеляріи колодницу свою служебну, березанскую, и уже за тое, по жалобѣ отъ его Дмитрашка до Румянцева (якій тогда гетманствомъ правилъ), Румянцевъ писалъ къ архіерею Берлу, и за то я былъ штрафованъ, что взялъ самоправне (колодницу) съ цепью, то и ще, по его доносу сотника, якобы за тое (присуждено) дать мнѣ плетей сто вдаровъ. Где и приказанно воловикамъ держать мене; но я, не даясь держать, объявилъ въ консисторіи: „буди не выдержу, то въ тую пору держать“. И такъ, скилько оніе мордерцы били плетьми, я все читалъ: „*Отче нашъ*“ да „*Богородице Дѣво,*“ и тако Божіею помощію и Матери Божіей и малѣйшей болѣзни не ощущалъ. А когда я всталъ, то повелѣнно мене заковать въ немаліе желѣза и залютовать вовся, безъ замковъ, и въ хлѣбню посадить, и тамъ

полѣна рубать и дѣжу мѣсить, и всякое послушаніе работать. А после того же сентября 29 въ ссилку въ монастиръ горскій Золотоноскій сосланъ въ желѣзахъ зъ подданнымъ коробовскимъ Василемъ Лепскимъ, якій за привозъ въ горку съ плечей остатную зъ мене реверенду знялъ. И тамъ я въ черной работѣ три мѣсяца, въ завѣдованіи игумена Дорофея Лебедевича, въ немалой нуждѣ страдалъ, еднакъ Божіею силою и Матери Божіей былъ подкрѣпленъ. Зъ якой ссилки уже ноября 30 числа велѣно указомъ у желѣзахъ и паки въ катедру представить; где за представленіемъ моимъ подавалъ самому архіерею Никодиму доношеніе, чтобы мои, непринятыя въ слѣдствіи, оправданія въ консисторіи принято и разсматривано былобъ, и мене помилованобъ. Якій архіерей оніе мои оправданіе и доношеніе, три дни держа въ себе безъ помѣты и безъ резолюціи, мнѣ чрезъ писаря Иринарха отдалъ; а когда уже декабря 10 расковали изъ желѣзъ, приказали ѣхать въ домъ, чтобы матери сотниковой, якобы за безчестіе, такъ и козакамъ и мужикамъ за взятіе за вѣнчаня и поминовенія, не виключая того, что викарію, дьячку, панамару давано, все до остатка отъ мене было награждено, и для того и послано изо мною и съ катедры іеромонаха Мелетія, да канцеляристу Василія Козловского. Якіе много принуждали мя, чтобы я матери его Дмитрашка, такъ козакамъ и мужикамъ уплатилъ; но я, видя оный въ консисторіи неправедный приговоръ, ни мало не повинился. Якіе и паки заковавши въ желѣза и положа на драбинчастій возъ, приказали дьячку Ивану Даниленку, да дьячку михайловскому Григорію везти мене въ катедру. Якіе когда попились въ его Дмитрашка Василя, и ночью везя мя въ Чирское, у великій ровъ изъ возомъ упали, и тамъ сами остались пьяни, мене же лошади, когда спужась, стали по ролямъ ораннымъ носить; но я, видя...

КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Собранія писемъ Достоевскаго и Тургенева, умершихъ какъ-бы вчера, служатъ свидѣтельствомъ того, какую важность стали давать въ послѣдніе годы частной перепискѣ крупныхъ писателей. Въ европейской и русской литературахъ она получила нынѣ почти значеніе литературныхъ памятниковъ. Заключая въ себѣ отзывы и мысли, касающіеся всего, на что наталкивала жизнь, вводя въ интимный міръ писателя, письма, эти неназначенныя къ печати бесѣды, справедливо признаны важнѣйшимъ біографическимъ подспорьемъ. Нельзя не выразить большого сожалѣнія о томъ, что не существуетъ до сихъ поръ хронологически изданной переписки Шевченка. Его писемъ разновременно напечатано было не мало; но разные періоды жизни поэта представлены въ нихъ чрезвычайно неравномѣрно, и эти пробѣлы, при дальнѣйшихъ поискахъ, могли-бы быть еще значительно пополнены, а главное — получилась-бы та цѣльность впечатлѣнія, которая такъ важна при изученіи всякаго большого писателя и такъ значительна въ особенности, когда дѣло идетъ о поэтѣ столь искреннемъ, какимъ былъ Шевченко. Нѣсколько сообщаемыхъ ниже писемъ и записокъ его къ Михаилу Александровичу и Марьѣ Васильевнѣ Максимовичамъ должны примкнуть къ этому будущему собранію, скорѣйшаго появленія котораго вмѣстѣ съ нами пожелаютъ, конечно, весьма многіе.

Ничто такъ не случайно, какъ судьба писемъ. Съ этой истиной можно согласиться, забывши даже о почтовыхъ порядкахъ. Такъ какъ сохраненіе писемъ обусловливается или особенной аккуратностью или счастливой случайностью, двумя вещами равно рѣдкими, то неудиви-

тельно, что и писемъ, даже людей выдающихся, сберегается немного. Переписка обитателя Михайловой горы съ Тарасомъ Григорьевичемъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Нѣсколько писемъ Максимовича къ Шевченку мы напечатали въ прошломъ году («Кіевск. Стар.» 1884 г., № 4, стр. 644), другія помѣстилъ въ своей книгѣ г. Чалый. Письма Шевченка, предоставленныя намъ теперь, не служатъ на нихъ отвѣтомъ. Очевидно, и то и другое—только клочки переписки, бывшей болѣе дѣятельной и обильной.

Изъ Нижняго Новгорода, мѣста извѣстной, невольной стоянки поэта при переѣздѣ его изъ ссылки въ Петербургъ, Шевченко посылаетъ Михаилу Алекс. три новыхъ стихотворенія («Доля», «Муза» и «Слава») и пишетъ нѣсколько взволнованныхъ, «оправдательныхъ» строкъ:

«*10 февраля 1858 г.* Друже мій единый! Яка оце тоби сорока брехуха на хвости принесла, що я тутъ ничого не роблю, тилько бенкетую. Брехня, ей-же Богу брехня! Ты й самъ таки подумай гарненько: хто-жъ насъ шануватыме, якъ мы самы себе не шануемъ? Я-жъ уже не хлопецъ нерозумный и одъ старости, слава Богу, ще не одуривъ, щобъ таке выроблять, якъ ты пишешъ. Плювь, мій голубе сызый, на цю паскудну брехню и знай, колы мене неволя и горе не поборолы, то самъ я не звалюся. А тоби велыке, превелыке спасыби за щырую любовъ твою, мій голубе сызый, мій друже едыный. Я ажъ заплакавъ на старость, якъ прочытавъ твое письмо, полное самои чыстои, некупленнои любови. Ще разъ спасыби тоби, мое сердце едынее!

Я посылавъ тоби письмо харьковского директора. Тытяся цилуе тебе, якъ батька ридного [1]) и просыть, шобъ ты робывъ зъ нею, якъ Богъ тебе навчыть. На Вар—ва нема надіи. Дерево, та ще й дубове. Оставайся здоровъ, мій мылый друже. Незабаромъ прыбуду до тебе. А поки що, любы мене оклеветаннаго твоего щырого друга Т. Шевченка.

Хочъ ты и не велывъ, а я таки не втерпивъ, чмокнувъ сегодня разочокъ нашу любую Тытяcю. Чмокны за мене гарненько благородного Сергѣя Тимофеевича [2]).

---

[1]) Рѣчь идетъ вѣроятно объ актрисѣ Піуновой, на которой въ то время Шевченко думалъ жениться, и о ея переходѣ на столичную сцену.

[2]) Аксакова.

Поэтъ «оправдывается» передъ своимъ другомъ очевидно противъ росказней тѣхъ непрошенныхъ и досужихъ моралистовъ, которые преслѣдовали его всю жизнь и не оставили и за гробомъ. Безупречные въ своемъ ничтожествѣ, не падавшіе сами никогда, потому что никто не давалъ себѣ труда ихъ толкать, они мѣряли на свой условный аршинъ каждый шагъ поэта и, глухіе сердцемъ къ его суровой долѣ, накидывались на каждую мелочь, сто разъ искупленную его тяжелымъ страданіемъ. Голоса такихъ господъ слышались при жизни и надъ гробомъ каждаго великаго поэта. Они желали-бы видѣть Данта—чиновникомъ, одинаково служащимъ во Флоренціи при всѣхъ политическихъ перемѣнахъ, Байрона, поэта страстей и тоски, «примѣрнымъ», окруженнымъ потомствомъ семьяниномъ...

Слыша эти елейные голоса и вспоминая жизнь поэта, испытываешь невольно жгучую грусть. Искреннѣе и болѣе прямодушно, чѣмъ золотушные моралисты, искалъ онъ истинной любви, привязанности, всего того, что даетъ семья; но не такъ сложилась его жизнь. Ушли молодые годы. Къ извѣстнымъ, кончавшимся неудачами поискамъ невѣсты относятся три письма поэта къ Марьѣ Вас. Максимовичъ. Вотъ они въ хронологическомъ порядкѣ:

«*С.-Петербургъ 22 ноября 1858 г.* Вельмы и вельмы шанобная и любая Марье Васыльевно! Спасыби вамъ, мое серце едынее, за ваше щыре ласкаве прывитання Я думавъ, що вы давно вже въ Москви сумуете, ажъ бачу, що вы теперъ по Мыхайловій гори похожаете, на сыни горы поглядаете, зъ Днипромъ розмовляете, та й мене сирому одынокого на чужыни не забуваете. Спасыбя вамъ ще разъ, мое серце едынее. Якъ-бы вы ще згадалы про те, що я просывъ васъ въ Москви, та заходылыся гарненько коло сего святого (дила), то це було-бъ такъ. А вы мабуть уже и забулы мою прозьбу? то отъ вамъ нагадаю. Я васъ просывъ, щобъ вы мене оженылы. Ожените, будьте ласкави! А то якъ вы не ожените, то й самъ Богъ не оженыть, такъ и пропаду бурлакою на чужыни. На те лито, якъ Богъ поможе, буду въ Кіеви и на Мыхайловій гори, а вы тамъ де небудь пидъ яворомъ, або пидъ вербою и поставьте мою заквичану княгыню, а я пиду погулять та й зострину іи. Бачыте, якъ просто и гарно Зробить-же такъ, мое серце едынее, а я вамъ теперъ шлю, замисць парчового

очинка, мій невелычкій *Сонъ*, а литомъ прывезу величенну поэму. якъ зробыте по моему прошенію. а якъ-же ни—то ни».

Слѣдуетъ извѣстное, превосходное стихотвореніе «На панщыни пшеныцю жала...», отъ печатнаго текста отличающееся присутствіемъ въ срединѣ двухъ строкъ, впослѣдствіи уничтоженныхъ и дѣйствительно лишнихъ, и отсутствіемъ двухъ строкъ заключительныхъ, примиряющихъ и прибавленныхъ послѣ, при слухахъ про «волю». За текстомъ «Сна» приписка:

«Не здивуйте, якій удався. Не забудьте-жъ, моя голубко сызая, моей велыкои прозьбы и мене искреннего вашого Т. Шевченка».

Пять мѣсяцевъ спустя, поэтъ пишетъ изъ Петербурга тому-же лицу:

«*25 марта 1859 г.* Сегодня бувъ я у Александры Михайловны [1]). Вона мени показувала ваше послѣднее письмо до неи. Спасыби вамъ, мое серденько, що вы мене згадуете и не забуваете моеи прозьбы. Спасыби вамъ ще разъ и ще разъ. Якъ Богъ поможе мени до маія мисяця кончыть мои дила съ цензурою, то насыплю повну кышеню грошей, та й чкурну черезъ Москву прямо на Мыхайлову гору. Добре, дуже-бъ добре було, якъ-бы то воно такъ сталося, якъ гадаетця. Та вже нехай якъ буде, такъ и буде, а я хочъ безъ грошей прыдыбаю таки до васъ симъ литомъ, та якъ Богъ та вы поможете, то може й одружуся. Якъ-бы то такъ сталося, дуже добре було-бъ. Ажъ страхъ обисило вже мени бурлакуваты. На сей разъ посылаю вамъ свій партреть, тилько вы его не показуйте моій молодій, а то злякаетця. Оставайтеся здорови, нехай вамъ Богъ поможе на все добре. Згадуйте николы искреннаго вашого Т. Шевченка».

«Передайте моій будущій молодій княгыни оцю невелычку и не весильну писеньку:

Якъ-бы мени черевыки,
То пишла-бъ я на музыки,
Горенько мое! и т. д. [2])

Отъ вамъ и друга невелычка:

Якъ-бы мени, мамо, намысто. . [3])

---

[1]) Кулишъ?

[2]) «Кобзарь», 1884 г., стр. 161. [3]) Ibid., таже страница.

Поздоровляю васъ зъ святымъ Велыкоднемъ!

Фотографъ збрехавъ, не прынисъ мени портрета. Нехай до другого разу. А на сей разъ скажите *ій*, що я лысый и сывоусый, то вона сердешна и такъ злякаетця.

Якъ буде ласка напысать до мене, то напышить усе гарненько и дрибненько, та й адрессуйте въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ, такому-то, цебъ-то мени».

Поиски невѣсты, если они предпринимались г-жей Максимовичъ, успѣхомъ не увѣнчались. Тоже было и съ поисками другихъ лицъ и съ сватовствомъ самаго Шевченка. Въ первый разъ сватался онъ въ Нижнемъ Новгородѣ, на Піуновой. Ея артистическія способности заставляли поэта закрывать глаза на недостатокъ развитія. и идеализировать свою избранницу. Когда это сватовство разстроилось, любимой мечтой Тараса Григорьевича стало жениться на женщинѣ изъ той среды, изъ которой онъ вышелъ самъ, и притомъ на самой бѣдной, сиротѣ и крепачкѣ. Наймичка родственника его Варѳоломея Григорьевича Шевченка, сирота Харита, успѣла выйдти замужъ, пока велись переговоры о предполагаемомъ сватовствѣ. Позже женитьба Шевченка на горничной г. Макарова Лукерьи была очень близка къ осуществленію. Мало видѣвъ и зная ее, Тарасъ Григорьевичъ любилъ въ ней свой идеалъ женщины изъ народа, трогательной своей безпомощностью и силою чувства. Дѣйствительность, однако, скоро разочаровала его. Послѣднее изъ писемъ къ г-жѣ Максимовичъ относится къ тому времени, когда собственный выборъ поэта сдѣланъ еще не былъ и въ этихъ поискахъ онъ искалъ помощи друзей. Начинается это письмо, впрочемъ, разсказомъ о хлопотахъ совсѣмъ иного рода.

Спб. 10 мая 1859 г. Воистину Хрисосъ Воскресе, мій любый, мій едыный друже! Спасыби вамъ, мое серденько, за ваше щырее, ласковее письмо. Въ той самый день, якъ я получывъ его, заходывся клопотать о паспорти, та й доси ще не знаю, чы дадуть мени его, чы ни. Перше въ столыцю не пускалы, а теперъ зъ ціеи с.... столыци не выпускають. Докы воны будуть згнущатысь надо мною? Я не знаю, що мени робыть и що почать? Утекты хиба ныщечкомъ до васъ та одружывшыся у васъ и заховатьця. Здаетця, що я такъ и зроблю. До 15 мая ждатыму паспорта, а тамъ що буде, то нехай те и буде

А покы що буде, посылаю вамъ свій портретъ, тилько будьте ласкав не показуйте портретъ дивчатамъ, а то воны злякаютця, подумають, що я гайдамацкый батько, та ни одна и замижъ не піиде за такого палыводу. А тимъ часомъ одний, найкращій скажить тыхенько, щобъ рушныкы дбала, та щобъ на своему огороди гарбузивъ не сажала. Такъ щожъ, позычыть, якъ на своему не посадыть. О! бодай такои сусиды одцуралысь!

Оставайтесь здоровы, мій любый, мій едыный друже! Въ маи, або въ іюни побачимось, а поки що, де набачите, що гарбузы посажени, то такъ съ коринемъ и вырывайте. Искренный вашъ Т. Шевченко».

Лѣтомъ 1859 года Тарасъ Григорьевичъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Малороссію и въ іюлѣ гостилъ у М. А. Максимовича. Въ тотъ-же пріѣздъ выбиралъ онъ на днѣпровскихъ берегахъ мѣсто своей будущей усадьбы. Но жить по сосѣдству съ Михайловой горой ему не было суждено. На томъ мѣстѣ, гдѣ думалось жить, онъ успокоился на вѣки и вмѣсто веселой хаты, на Днѣпровой кручѣ выросла черезъ два года высокая Тарасова могила.

КЪ ИСТОРІИ

ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ.

Путевой журналъ секундъ-маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года.

Съ переходомъ запорожцевъ въ русское подданство въ 1733 г. явилась надобность въ частыхъ сношеніяхъ русскаго правительства съ крымскимъ ханомъ, по поводу непрерывныхъ пограничныхъ столкновеній и споровъ запорожцевъ съ татарами. Особаго уполномоченнаго отъ Россіи при ханскомъ дворѣ не было; сношенія поручались обыкновенно кіевскому генералъ-губернатору, въ качествѣ «главнаго пограничнаго командира», и велись при посредствѣ Запорожскаго Коша. Кромѣ улаженія пограничныхъ споровъ, правительство имѣло надобность въ развѣдкѣ о настроеніи хана относительно Россіи, которое служило всегда почти вѣрнымъ отраженіемъ настроенія грозной еще тогда Турціи. Письма къ хану отъ кіевскаго генералъ-губернатора препровождались обыкновенно чрезъ нарочнаго рейтара при особомъ ордерѣ къ кошевому атаману въ Запорожскую Сѣчь, откуда уже командировались для доставленія писемъ въ Бахчисарай нарочные, два-три человѣка изъ «надежныхъ, искусныхъ и татарскаго языка знающихъ» козаковъ, которымъ при этомъ поручалось секретно провѣдывать о разнаго рода «тамошнихъ обращеніяхъ». Козаки эти, по возвращеніи своемъ, представляли кошевому атаману «доѣздные репорты», копіи съ которыхъ и препровождались къ генералъ-губернатору при репортѣ кошеваго объ исполненіи порученія.

Но запорожцамъ въ свою очередь не всегда довѣряли и потому нерѣдко къ хану командировались и прямо изъ Кіева нарочные офицеры, которымъ также поручалось «секретное развѣдываніе» о крымскихъ дѣлахъ, и зачастую это развѣдываніе и бывало главнымъ предметомъ командировки, а письмо къ хану было только предлогомъ. Офицеры эти, по возвращеніи своемъ, представляли особый «журналъ», въ которомъ и давали обстоятельный отчетъ обо всемъ, что, по ихъ мнѣнію, было достойно вниманія и требовало донесенія.

У меня въ рукахъ находится пять такихъ журналовъ, относящихся къ 1750—55 годамъ. Журналы эти не представляютъ собою цѣльнаго историческаго интереса, касаясь мелкихъ отдѣльныхъ случаевъ и захватывая собою лишь самую незначительную часть нашихъ внѣшнихъ сношеній; тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано не мало цѣнныхъ историческихъ указаній и мелкихъ бытовыхъ чертъ и изданіе ихъ было-бы весьма полезно въ смыслѣ историческаго матеріала. Одинъ изъ такихъ «журналовъ» я предлагаю здѣсь вниманію любителей отечественной старины.

Секундъ-маіоръ Матвѣй Мироновъ командированъ былъ въ Крымъ въ августѣ мѣсяцѣ 1755 г. управлявшимъ тогда кіевскою губерніей и пограничными дѣлами вице-губернаторомъ Костюринымъ. Въ генварѣ этого года получено было извѣстіе о вступленіи на турецкій престолъ султана Османа, и это обстоятельство вызвало, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, усиленныя съ нашей стороны заботы о «соблюденіи сосѣдственной съ турецкою стороною дружбы и объ отвращеніи всего того, что-бы къ малѣйшему несогласію и ссорамъ съ турками поводъ подать могло». Всѣмъ пограничнымъ начальникимъ предписывалось, чтобы они «старались съ тамошней стороны обо всемъ, что происходить будетъ, вѣрныя вѣдомости чрезъ нарочныя посылки доставить». Въ виду-то этого указа, Костюринъ и командировалъ Миронова къ крымскому хану, съ цѣлію поздравить его со вступленіемъ на престолъ новаго султана и переговорить о нѣкоторыхъ пограничныхъ дѣлахъ, а при семъ удобномъ случаѣ и провѣдать о «тамошнихъ обращеніяхъ и воинскихъ пріуготовленіяхъ».

Въ очень длинномъ письмѣ своемъ къ хану, наполненномъ объясненіями по заявленнымъ съ крымской стороны на запорожцевъ претензіямъ, Костюринъ, между прочимъ, предлагалъ хану допустить къ себѣ въ Бахчисарай настоящаго русскаго резидента. «Когда-бъ

кто при вашей ханской свѣтлости, писалъ онъ, отъ россійской стороны ауторизованной человѣкъ безвыѣздно былъ, имѣя власть представлять и доносить, то конечно-бы всѣ оные жалобы сократились и послужилъ-бы къ поправленію всего случающагося и къ пріятному между нами сношенію, чего я искренне желателенъ, да и купечество-бъ съ обоихъ сторонъ въ случающихся между нами распряхъ по такому близкому порядку довольными находились и излишніе затѣвателствы и увеличиванія прекратились бы».

Въ данной Миронову инструкціи также предписывалось ему непремѣнно заговорить при свиданіи съ ханомъ «о учрежденіи при немъ съ россійской стороны какой ауторизованной персоны» и при этомъ примѣчать, какое на то отъ его ханской свѣтлости соизволеніе будетъ».

На путевые въ оба пути расходы выдано было Миронову 50 рублей.

Въ ордерѣ-же къ кошевому атаману отъ 11-го августа предписывалось: «выбравъ самыхъ лучшихъ и къ тому достойныхъ и вѣроятныхъ, доброконныхъ и оружныхъ, изъ запорожскихъ козаковъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного за толмача, знающаго турецкой и татарской языкъ, отправить и снабдить сек.-м. Миронова тремя подводами немедленно».

Изъ «журнала» Миронова видно, что ханъ крайне неблагосклонно отнесся къ предложенію Костюрина относительно «ауторизованной персоны», что составляло одно изъ главныхъ порученій, данныхъ Миронову. Самый журналъ знакомитъ читателей и съ способами «развѣдыванія», и съ характеромъ нашихъ отношеній къ «пріятелямъ»-чужеземцамъ и нѣкоторыми другими подробностями, я-же считаю нужнымъ предварительно дать поясненіе лишь по двумъ пунктамъ этого журнала.

1) Подъ 23-мъ числомъ августа сек.-м. Мироновъ, говоря о встрѣчѣ своей съ нѣкіимъ Гарбузомъ, считаетъ нужнымъ заявить, что Гарбузъ этотъ ѣхалъ безъ «печатнаго билета» и что вообще «многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволству своему, у Никитинской заставы не являются и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздятъ». Дѣйствительно, незадолго передъ этимъ, правительствомъ русскимъ, которое, не довѣряя запорожцамъ, рѣшилось зорко наблюдать за ними, учреждены были по рѣкамъ Бугу

и Днѣпру особыя заставы, на которыхъ и выдавались всѣмъ, проѣзжавшимъ въ турецкую сторону, особые билеты. Съ этою цѣлью на Никитинскую заставу командированъ былъ, кромѣ караульной команды, переводчикъ Семеновъ, который весьма ревностно, помимо прямой своей обязанности, занимался «секретнымъ развѣдываніемъ заграничныхъ обращеній». Онъ не ладилъ ни съ запорожцами, ни съ караульнымъ офицеромъ и весьма часто писалъ въ кіевскую губернскую канцелярію реляціи, а къ Костюрину письма, въ которыхъ жаловался на то, что установленныя заставы то и дѣло обходятся запорожцами и малороссійскими купцами, а билеты не берутся.

2) Сообщеніе секундъ-маіора Миронова (подъ 1-мъ и 2-мъ числами сентября) объ укрывавшихся въ Крыму сообщникахъ Мазепы Мировичѣ и Нафимовскомъ возбудило, какъ это видно изъ имѣющагося у меня особаго дѣла, обширную переписку съ малороссійскими полковыми канцеляріями, которыя не могли однако добыть никакихъ свѣдѣній о томъ, «давно-ли оные Мировичъ и Нафимовскій и изъ которыхъ мѣстъ и какимъ случаемъ за границу бѣжали». Между тѣмъ русскія власти, очевидно, придавали большое значеніе этимъ бѣглецамъ и принимали энергическія мѣры къ развѣдыванію о томъ, «отъ помянутыхъ Мировича и Нафимовскаго изъ Бакцысарая или изъ Польши въ Сѣчь и въ Запороги къ кошевому и прочей старшинѣ и къ кому-нибудь, съ письмами или и безъ писемъ, не присылалъ-ли или собою не пріѣзжалъ-ли кто, и не имѣютъ-ли они чрезъ кого тайной пересылки за границу со означенными Мировичемъ и Нафимовскимъ».

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ лицахъ получены были отъ упомянутаго выше переводчика Семенова, который въ октябрѣ мѣсяцѣ писалъ къ Костюрину: «Когда я посыланъ былъ сего 1755 г. весною въ Крымъ, видѣлъ сего Мировича и Нафимовскаго у церкви и спрашивалъ у архіерея тамошнего и волоского господаря у резидента, которой находится при ханѣ въ Бакцысараѣ для исправленія господарскихъ дѣлъ; и они мнѣ о нихъ акуратно объявили, что они съ Мазепою измѣнили и пріѣхали въ турки съ нимъ и съ свейскимъ королемъ, и тогда ему Мировичу съ прочими отъ Порты опредѣлено жалованья въ каждый день по два левка, т. е. по 1 р. 20 к., получать отъ крымского хана и жить въ Крыму; то онъ Мировичъ тогда немного жилъ въ Крыму и отлучился въ Польшу

и жилъ въ Польшѣ, а опредѣленное ему жалованье за отлучкою отъ хана не получалъ. А бывшій Мировичъ-же, которой былъ при россійской службѣ артилеріи порутчикомъ, потомъ ушедъ изъ Россіи, былъ при крымскомъ ханѣ переводчикомъ и прошедшаго 1753 году здохъ; а сему Федору Мировичу онъ былъ братъ родной меньшой. И услыша сей Федоръ Мировичъ, что братъ его умре, изъ Польши того жъ году пріѣхалъ за братскими пожитками и, раздѣля тѣ пожитки съ женою брата своего, а его невѣсткою, остался въ Крыму и беретъ опредѣленное ему тогда отъ Порты вышеписанное жалованье или кормовые деньги. А Федора Нафимовскаго онъ держитъ при себѣ на своемъ коштѣ. А отъ поляковъ они не присланы, развѣ поляки что ему пишутъ, ибо присылаемыя изъ Польши къ хану письма нынѣшній переводчикъ Есиръ-мехметъ съ нимъ Мировичемъ переводитъ: Мировичъ читая сказываетъ, а переводчикъ по турецки пишетъ. Но и предъ хана хожденіе его Мировича въ годъ раза три или четыре, и то постоя мало и пойдетъ; а чтобъ ханъ принималъ его въ такіе глубокіе совѣты, не слышно и не уповательно; только, какъ я вижу, сіе дѣло не иное что, только сплетки запорожскаго толмача». При этомъ Семеновъ, распространяясь о ненадежности запорожскихъ толмачей, совѣтовалъ употреблять «кіевскихъ толмачей». «Ко мнѣ изволите писать, прибавлялъ онъ, чтобъ сіе дѣло содержалъ я въ найвысшемъ секретѣ и храненіи, а старшина запорожская тая вся знаетъ, понеже сіе дѣло толмачъ, пріѣхавши сюда въ Сѣчь, своему атаману сказалъ, а отъ него и всѣмъ объявлено». Поручикъ Шемаевъ, который ѣздилъ въ Крымъ для «развѣданія тамошнихъ обращеній» въ октябрѣ мѣсяцѣ 1752 года записалъ въ своемъ журналѣ, что видѣлъ «извѣстнаго Мировича» въ Бахчисараѣ на базарѣ и что «ханскій переводчикъ Али при разговорахъ ему порутчику упоминалъ, что де помянутой Мировичъ ни къ какимъ дѣламъ нынѣ отъ хана не употребляется, затѣмъ де, что пришелъ онъ Мировичъ отъ пребезмѣрного ежедневного пьянства въ меланхолію». Видѣлъ-ли онъ Өедора Мировича, или брата его Ивана,—неизвѣстно.

А. Андр.

Журналъ, содержанной кіевскаго гарнизона стародубскаго полку секундъ-маіоромъ Матвѣемъ Мироновымъ во время посылки его въ Крымъ до Бакцысарая къ хану крымскому Арсланъ-Гирею съ письмами, а что имъ секундъ-маіоромъ въ бытность его въ Бакцысараѣ и въ проѣздъ въ оба пути о тамошнихъ обращеніяхъ развѣдано и присмотрѣно, явствуетъ ниже.

Мѣсяцъ августъ.

21. По отправленіи изъ запорожской Сѣчи зъ данными ему секундъ-маіору отъ кошеваго атамана Федора Толстоногова въ конвой двумя козаками и зъ двумя подводчиками, въ томъ числѣ за толмача однимъ козакомъ, да съ отправленнымъ изъ кіевской губернской канцеляріи солдатомъ однимъ, да Бакцысарая зъ жителемъ грекомъ Ананіемъ, который былъ въ запорожской Сѣчи для купечества и къ россійской сторонѣ благосклоненъ, и прежде сего во всю бывшую съ татарами войну жилъ въ запорожской Сѣчи, а нынѣ жительство имѣетъ въ Бакцысараѣ и весьма ему секундъ-маіору знакомъ и вѣренъ,— и будучи при никитинской заставѣ и ночевали.

22. Отъ никитинской заставы, гдѣ чрезъ Днѣпръ переправились, а по перевозѣ на татарской сторонѣ усмотрѣно имъ, секундъ-маіоромъ, у Каменного Затону на татарской землѣ купеческимъ промысломъ торгуютъ запорожскіе козаки до 30 шалашей; а отъ Каменной Заставы не въ далномъ разстояніи оные-жъ запорожскіе козаки накосили въ урочищѣ Малой Цурки сѣна 5 скирдовъ. И отъ Каменной Заставы слѣдовали до р. Рогачика, гдѣ и ночевали.

23. Отъ р. Рогачика слѣдовали до р. Дурицкой, гдѣ и ночевали. Какъ слѣдуя отъ р. Рогачика до р. Дурицкой, наѣхалъ онъ секундъ-маіоръ на дорогѣ полтавскаго миргородскаго полку жителя Гарбуза, и данъ ему изъ сотенной полтавской канцеляріи пашпортъ за рукою той сотни атамана Ивана Миненка до запорожской Сѣчи, а не въ Крымъ, а печатного билета, гдѣ при никитинской заставѣ даются, не имѣетъ. Да и многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволству своему, у никитинской заставы не являются и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздятъ.

24. Отъ р. Дурицкой слѣдовали до колодезей и, не доѣзжая тѣхъ колодезей, вышеписанной грекъ Ананій остался на дорогѣ и ѣхалъ съ запорожскими козаками, которые ѣхали въ Крымъ за солью, чтобъ не подать въ Перекопѣ подозрѣнія,—гдѣ и ночевали.

25. Отъ колодезей въ Перекопъ прибыли и отведены были онъ секундъ-маіоръ и съ будучими при немъ, по приказу коймакама Феди-

эфендія, съ чаушемъ и толмачемъ ихъ армяниномъ Шаганомъ, на квартиру. И по пріѣздѣ на квартиру онъ секундъ-маіоръ толмачу ихъ объявилъ: можно-ли съ коймакамомъ видѣться персонално? Ибо напередъ сего оной коймакамъ къ себѣ въ квартиру посланныхъ изъ Кіева офицеровъ не допускалъ. На что оной толмачъ отвѣтствовалъ, что онъ о томъ ему коймакаму доложитъ.

Находящійся въ Перекопѣ запорожскій козакъ ирклѣевскаго куреня Максимъ Рудь, кой пріѣхалъ изъ запорожской Сѣчи для покупки соли, жаловался ему секундъ-маіору на крымскихъ чебановъ, что, не доѣзжая Перекопа верстъ съ пять у колодезей, хотѣлъ изъ тѣхъ колодезей воловъ напоить, то де напавъ на него безъ всякой причины, одинъ чебанъ гнался за нимъ съ ножомъ и ранилъ оного козака въ руку.

По полудни въ первомъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-маіору коймакамскій толмачъ со объявленіемъ, дабы шелъ къ коймакаму въ квартиру, куда онъ, взявъ съ собою обиженного раненного козака, пошелъ. И по приходѣ въ квартиру, оной коймакамъ просилъ его сѣсть и сталъ вспрашивать, откуда слѣдуетъ, отъ кого и съ чѣмъ; на что секундъ-маіоръ коймакаму отвѣтствовалъ, что отправленъ изъ Кіева отъ его превосходительства, г. генералъ-маіора и кіевскаго губернскаго вице-губернатора Костюрина съ письмами къ его свѣтлости хану крымскому; и притомъ онъ секундъ-маіоръ дружелюбно просилъ его коймакама, чтобъ отправленъ былъ безъ умедленія, и требовалъ подводъ какъ подъ себя, такъ и подъ конвойныхъ козаковъ, и на то онъ коймакамъ объявилъ: что касается до отправленія, изволь де и сего числа слѣдовать, отправленіемъ не умедлю, а подводъ безъ ханского фермана дать не смѣетъ. А потомъ у секундъ-маіора онъ коймакамъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ, гдѣ нынѣ находится, на что ему отвѣтствовано, что отъ всевысочайшаго ея императорскаго величества двора съ великимъ удовольствіемъ отпущенъ и слѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибудетъ.

Оной-же коймакамъ спрашивалъ у секундъ-маіора: не имѣетъ-ли Россія съ шведскимъ или прусскимъ королевствами войны? У насъ-бы все хорошо было и промежъ обоими высочайшими имперіями, россійскою и турецкою, дружба происходила, токмо мѣшаютъ сосѣдственную дружбу запорожскіе козаки: сколько ни было коммиссій, то никакого удоволствія обидящіе не получили. И на то отвѣтствовалъ секундъ-маіоръ: ни съ какимъ королевствомъ великороссійскіе войны не имѣютъ, но со всѣми сосѣдми имѣютъ покой и тишину; что-же мѣшаютъ дружбу запорожскіе козаки, кто изъ нихъ виненъ явится, то таковыхъ безъ штрафа не оставляютъ; а что-же по многимъ коммиссіямъ стороны татарской никакого удоволствія обиженные не получили, такожъ изъ россійской стороны обидящіе отъ татарской стороны удоволствія не получили, но предано молчанію со обоихъ сторонъ и не упоминается; жалуетесь вы

на запорожскихъ козаковъ, что чинятъ татарамъ обиды, но и съ татарской стороны запорожскимъ козакамъ татары болѣе обиды приключаютъ. какъ-то и нынѣ въ проѣздъ его секундъ-маіора въ Бакцысарай запорожскій козакъ приносилъ жалобу на татарскихъ чебановъ, что-де не доѣзжая Перекопа верстъ съ пять, хотѣлъ напоить воловъ изъ колодезя, и напалъ на него безъ всякой причины чебанъ и гнался за нимъ съ ножемъ и ранилъ того козака въ руку, которого при томъ для лучшаго свидѣтелства предъявлялъ и просилъ онъ секундъ-маіоръ оного коймакама по сосѣдственной дружбѣ учинить сатисфакцію и обидимого удоволствовать. И на то онъ коймакамъ ему секундъ-маіору объявилъ, что безъ сатисфакціи и безъ удоволствія обидимый оставленъ не будетъ. И по окончаніи вышеписанныхъ всѣхъ разговоровъ поднесли ему секундъ-маіору кофе, а при коймакамѣ сидѣли старшина перекопская человѣкъ до 12, въ томъ числѣ и яничарской ага. И съ тѣмъ онъ секундъ-маіоръ въ свою квартиру и отошелъ.

Въ Перекопѣ-же хлѣбъ, пшеница и ячмень, продается: пшеницы четверть по 1 р. 20 к., ячмень по 80 к.; да и во всемъ Крыму нынѣшнего лѣта хлѣбу былъ немалой урожай.

Того числа по полудни въ 4-мъ часу, по требованію его секундъ-маіора, прислалъ къ нему на квартиру отъ перекопскаго коймакама для препровожденія изъ Перекопа до Бакцысарая одинъ сейменъ, и слѣдовали до Солепого озера, гдѣ и ночевали.

Нынѣшнего лѣта отъ многихъ дожжей въ крымскихъ мѣстахъ соль по малому числу около береговъ родилась.

26. Отъ Соленого озера слѣдовали до села Бадыжа, гдѣ и ночевали.

27. А отъ села Бадыжа слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

28. Отъ г. Козлева слѣдовали до Бакцысарая. И по пріѣздѣ къ Бакцысараю послалъ онъ секундъ-маіоръ данного въ Перекопѣ татарского провожатаго, да состоящего при немъ секундъ-маіорѣ за толмача запорожскаго козака Ивана Орловскаго къ ханскому визиру съ требованіемъ, куда позволятъ ему секундъ-маіору съ будучими при немъ ѣхать: отъ котораго приказано чрезъ оного провожатого отвесть ихъ, и отведены на квартиру.

29. По утру пришелъ къ нему секундъ-маіору ханскій переводчикъ Мегметъ и поздравлялъ съ прибытіемъ и спрашивалъ, откуда прибыли; и посидя нѣсколько времени, оной переводчикъ объявилъ секундъ-маіору: о прибытіи-де вашемъ его ханской свѣтлости донеслъ; и съ тѣмъ съ квартиры отошелъ. А потомъ, спустя часа съ 4, оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-маіору со объявленіемъ, дабы шелъ къ хану для поданія писемъ; но онъ секундъ-маіоръ ему переводчику объявилъ, чтобъ донесъ его ханской свѣтлости, чтобъ чрезъ

тотъ день позволилъ пробыть въ квартирѣ, для того, что еще съ дороги здоровьемъ слабъ, а завтрешнего числа въ соизволенiи его ханской свѣтлости, какъ изволитъ приказать. И съ тѣмъ оной переводчикъ и отшелъ. А потомъ спустя часа съ два оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-маiору и объявилъ: его-де ханская свѣтлость дозволилъ до завтрешнего числа пробыть въ квартирѣ. И сидѣлъ оной переводчикъ у него секундъ-маiора часа съ два и въ разговорахъ о себѣ объявилъ, какимъ образомъ по великороссiйски говорить, читать и писать научился: въ прошломъ-де 1737 г. взятъ онъ былъ въ Очаковѣ малолѣтнымъ осьми годовъ въ полонъ и былъ прежде у Андрея Фелика, а Феликъ подарилъ его гвардiи капитану Чеботаеву, а Чеботаевъ Радiону Михайлову сыну Кошелеву, у которого будучи крещенъ въ православную христiанско-греческаго исповѣданiя вѣру и нареченъ Елпидифоръ, и хотѣлъ-де его оной Кошелевъ въ подушной окладъ въ ревизiю записать, и оттого онъ отъ него Кошелева бѣжалъ и записался въ сербской гусарской полкъ и былъ рядовымъ ротнымъ писаремъ и ротнымъ квартермистромъ, и по одной причинѣ—а по какой, того не изъяснилъ—содержанъ былъ въ Москвѣ въ военной конторѣ подъ карауломъ и оттуда бѣжалъ и былъ нѣсколько времени въ Нѣжинѣ у грека нѣжинского во укрывательствѣ, а у кого именно, того не объявилъ, и оной-де прiятель его грекъ препроводилъ его тайно чрезъ кременчуцкой форпостъ, а въ которомъ году, того не сказалъ, и былъ въ запорожской Сѣчи года съ два и для воровства ѣздилъ съ запорожскими козаками въ Польшу, и изъ запорожской Сѣчи бѣжалъ въ Бендеры къ отцу своему. И тѣмъ оной переводчикъ свой разговоръ кончилъ и отъ него секундъ-маiора съ квартиры отошелъ.

Вышеписанной-же грекъ Янакiй (Ананiй) 29 числа поутру въ Бакцысарай прiѣхалъ

30. По полудни въ 1-мъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-маiору ханской переводчикъ Мегметъ со объявленiемъ, дабы шелъ къ хану для поданiя писемъ; куда онъ секундъ-маiоръ съ письмами и пошелъ; и напередъ его шли ханской переводчикъ вада-баша и, пришедъ къ ханскому двору, остановили и привели въ одну камору, гдѣ ханскiй лошадиной уборъ содержится, и трактованъ былъ кофiемъ. И погодя тамо съ полчаса, пришелъ въ ту камору переводчикъ Мехметъ и объявилъ, дабы шелъ онъ секундъ-маiоръ къ хану для поданiя писемъ, и въ тожъ время изъ оной каморы и пошли, и напередъ его секундъ-маiора шелъ онъ-же переводчикъ, а за нимъ секундъ-маiоромъ шли салдатъ да за толмача запорожскiй козакъ, въ диванъ. И пришедъ въ диванъ онъ секундъ-маiоръ, по приказу его превосходительства г. генералъ-маiора и кiевскаго губернскаго вице-губернатора Костюрина, хана поздравлялъ благополучнымъ восшествiемъ на престолъ его солтанова величества, а при томъ онъ ханъ спрашивалъ: господинъ-де гене-

ралъ какъ въ своемъ здоровьи находится; на что онъ секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ, что г. генералъ въ здоровьи своемъ находится благополучно. И принялъ отъ него секундъ-маіора письма ханской переводчикъ Мехметъ А до приходу въ диванъ секундъ-маіора поставленъ былъ стулъ близъ вхожихъ дверей, и приказалъ онъ ханъ чрезъ переводчика своего на томъ стулѣ сѣсть, и притомъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ—гдѣ нынѣ находится; на что секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ со учтивостію, что оной посланникъ отъ всевысочайшаго его императорскаго величества двора съ великимъ удовольствіемъ отправленъ и слѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибыть имѣетъ и, что ко отправленію его изъ Кіева надлежитъ, въ его путь, какъ подводы и протчее все пріуготовлено; причемъ трактованъ онъ секундъ-маіоръ конфектами и кофіемъ. И въ то время ханъ чрезъ оного-жъ переводчика отъ него секундъ-маіора спрашивалъ: не имѣетъ-ли еще отъ г. генерала словесного приказу, на что отъ него секундъ-маіора пристойнымъ образомъ со учтивостію отвѣтствовано: егда его ханская свѣтлость изволитъ изъ присланныхъ отъ него писемъ разсмотрѣть, то въ то время его ханской свѣтлости словесно, что ему секундъ-маіору отъ его превосходительства приказано, донесть имѣетъ: и потомъ уволненъ отъ него хана на квартиру по прежнему.

А какъ онъ секундъ-маіоръ приведенъ былъ въ тотъ диванъ, то ханъ сидѣлъ противъ дверей на сафѣ по срединѣ, а отъ хана по правой рукѣ на другой нижней сафѣ сидѣли муфтіи, ханской визиръ Мехметъ и придворные его хана, которые всегда во всякихъ дѣлахъ съ ханомъ присутствуютъ, казнодарь баша, тефтердарь кады и знатные мурзы; отъ хана-жъ по лѣвой рукѣ знатные-жъ мурзы сидѣли, всѣхъ до 40 человѣкъ, а протчіе ханскіе придворные и мурзы во ономъ-же диванѣ стояли на ногахъ до 50 человѣкъ, а на ханскомъ дворѣ простыхъ татаръ было доволное число. Предъ приходомъ къ хану въ диванъ, какъ у него секундъ-маіора, такъ у салдата, шпагъ и у запорожскихъ козаковъ шабель не отбирали.

Того-жъ числа означенный грекъ Янакій, тайнымъ образомъ въ 5 часу ночи пришедъ въ квартиру, ему секундъ-маіору объявилъ: вчерашнего-де числа и сегодня былъ онъ грекъ у пріятеля своего Хали-хаджи и, что-де вы приказывали о ауторизованной персонѣ, Хали-хаджи ему греку обѣщался о томъ хану внушить.

Да онъ-же грекъ Янакій о томъ Хали-хаджи ему секундъ-маіору объявлялъ, какимъ онъ Хали-хаджи образомъ при ханскомъ дворѣ содержится: мать-де его родная была гречанка вдовою, давнихъ годовъ ханъ ѣздилъ на охоту и усмотрѣлъ ее, что она лица краснаго и спросилъ, чья-де она жена, то донесли: греческая, а мужа у нея нѣтъ, вдова; и онъ ханъ прислалъ за нею коляску и взялъ къ себѣ во дворъ и содержалъ за жену, а оного Хали-хаджу въ малолѣтнихъ лѣтахъ

побасурманить приказалъ; а годами оной Хали-хаджи болѣе шестидесяти лѣтъ; и нынѣ тайно вѣру греческаго исповѣданія содержитъ и черезъ оного грека Янакія даетъ тайно деньги по церквахъ, чтобъ онъ покупалъ ладонъ, свѣчи и вино разносилъ, и по тому случаю оной грекъ Янакій со онымъ Хали-хаджою доволное знакомство имѣетъ.

А когда-де салтанъ желаетъ, чтобъ былъ ханомъ Шаинъ-Гирей или Аминъ-Гирей, которые живутъ въ Румиліи, а которые бахтигирейскіе сыны живутъ въ Черкесахъ, такожъ и вся ширинбейская фамилія желаютъ быть ханомъ калгу салтаномъ; а оная-де у нихъ ссора съ ханомъ происходитъ для того, чтобъ при немъ ханѣ не были визирь его и козлевской командиръ Эминъ-хасанъ, который раздаетъ на весь ханской дворъ провизію, да ханской сынъ сераскиръ салтанъ, который въ Буджакѣ живетъ.

А война-де у хана съ черкесами по той причинѣ, что черкесы не даютъ хану ясыря, и для того посылано было отъ него хана военныхъ людей татаръ изъ Крыму впервые осьмнадцать тысячъ, и съ того числа токмо возвратилось три тысячи человѣкъ, а тѣ-де всѣ съ голоду и съ холоду пропали, такожъ и лошади; въ другой разъ двадцать восемь тысячъ, а возвратилось оттуда изъ черкесъ токмо четыре тысячи семьсотъ человѣкъ, а прочіе всѣ такожъ съ голоду и съ холоду и лошади ихъ пропали.

А потомъ оной грекъ тайнымъ-же образомъ съ квартиры его секундъ-маіора въ тожъ ночное время и отошелъ.

Будучи-же въ Бахчисараѣ, увѣдалъ онъ, секундъ-маіоръ, что находятся при ханѣ бѣглые малороссіяне: бывшаго-жъ при ханѣ умершаго Ивана Мировича братъ его родной Федоръ Мировичъ да малороссійскаго лубенскаго полку Федоръ Ивановъ сынъ Нафимовской, у которыхъ онъ секундъ-маіоръ въ квартирѣ ихъ былъ и ихъ склонялъ, чтобъ возвратились по прежнему въ отечество свое, но токмо они о томъ и слышать не хотѣли, а употребили такія рѣчи: знаемъ-де, что всемилостивѣйшая государыня монархиня премилосердая, а москали-де злые напрасно нашу всю фамилію въ ссылку сослали, а иныхъ и кнутомъ били; и ежели-де мы возвратимся, то и намъ то же будетъ; и для того незачѣмъ-де намъ въ отечество возвращаться; и здѣсь намъ при ханѣ жить не худо: дается-де намъ на день обоимъ на содержаніе по 2 р. 40 к., и тѣмъ довольны. Оной-же Мировичъ двоекратно въ разговорахъ употреблялъ рѣчь: пообождите-де въ скоромъ времени; а къ чему та рѣчь, того не изъяснилъ. И съ тѣмъ онъ секундъ-маіоръ съ двумя козаками запорожскими съ квартиры ихъ и отошелъ и просилъ ихъ къ себѣ на квартиру, и обѣщались они на другой день быть поутру на чай.

А при ханѣ оные живутъ въ Бакцысараѣ Мировичъ и Нафимовскій годъ и восемь мѣсяцовъ, а прежде того жили они въ Польшѣ

въ разныхъ мѣстахъ, а гдѣ именно, такожъ и о Нафимовскомъ, какимъ былъ человѣкомъ въ лубенскомъ полку, узнать не отъ кого; а годами они уже стары: Мировичъ 65-ти, а Нафимовской 66-ти.

Мѣсяцъ сентябрь.

1. Поутру рано ханскій переводчикъ приходилъ въ квартиру къ секундъ-маіору и секундъ-маіоръ объявилъ ему, чтобъ его ханской свѣтлости донесъ: имѣетъ онъ секундъ-маіоръ, по приказу его превосходительства г. генералъ-маіора и кіевской губерніи вице-губернатора, его ханской свѣтлости словесно донесть, чтобъ дозволено къ его ханской свѣтлости быть; и онъ переводчикъ отъ него секундъ-маіора съ тѣмъ докладомъ къ хану и отошелъ.

Того-жъ числа, по отходѣ ханскаго переводчика, посыланы были отъ секундъ-маіора запорожскіе козаки: за толмача козакъ Иванъ Захарьевъ сынъ Орловской, да полтавскаго куреня козакъ Емельянъ Черевко ко онымъ Мировичу и Нафимовскому съ тѣмъ, чтобы ихъ просить въ квартиру къ секундъ-маіору на чай, какъ они вчерашняго числа и обѣщались быть; токмо оные Мировичъ и Нафимовской Орловскому и Черевку объявили: къ нему-де секундъ-маіору не пойдемъ и къ себѣ не просимъ, токмо васъ Орловскаго и Черевка къ себѣ на слово просимъ, когда-де оной секундъ-маіоръ будетъ спать; а то-де мы вѣдаемъ, каковы москали хитры, мало изъ глазъ своихъ выпускаютъ. И съ тѣмъ оные козаки отъ нихъ и отошли и по приходѣ къ секундъ-маіору о вышеписанномъ и донесли.

Того-жъ числа по-полудни въ первомъ часу присланъ былъ отъ хана переводчикъ Мехметъ и объявилъ, чтобъ шелъ для принятія отвѣтныхъ отъ хана писемъ, съ которымъ переводчикомъ онъ секундъ-маіоръ къ ханскому двору и пошелъ, а напередъ шли: оной переводчикъ и вада-баша да данной съ Перекопа татаринъ сейменъ Измаилъ. И оной переводчикъ привелъ его секундъ-маіора и съ будучими при немъ въ ту-жъ камору, гдѣ и съ пріѣзду былъ, и трактованъ былъ кофіемъ, а потомъ, погодя съ четверть часа, присланъ былъ отъ хана оной-же ханскій переводчикъ съ приказомъ, дабы къ нему хану идти: и по прибытіи не въ диванъ, но въ мамбчи-диванъ ввели; такимъ-же порядкомъ поступано, какъ и съ пріѣзду: въ томъ-же числѣ солдатъ и за толмача запорожскій козакъ и въ конвой одинъ козакъ допущены всѣ были, и до приходу секундъ маіора поставленъ былъ стулъ; а какъ онъ секундъ-маіоръ пришелъ въ мамбчи-диванъ, то ханъ чрезъ своего переводчика Мехмета приказалъ сѣсть, и въ то время, по данной изъ кіевской губернской канцеляріи записке, ему хану онъ секундъ-маіоръ доносилъ, что его превосходительство, г. генералъ-маіоръ приказалъ его ханской свѣтлости словесно донести о учрежденіи при его ханской

свѣтлости съ россійской стороны авторизованной персоны, когда его ханская свѣтлость оной персонѣ для общей на обѣ стороны пользы быть за полезное признать соизволитъ, о чемъ и письменно отъ его превосходительства къ его ханской свѣтлости, съ показаніемъ всего полезнѣйшаго обстоятельства, изъяснено.

На что оной ханъ черезъ своего переводчика Мехмета ему секундъ-маіору отвѣтствовалъ: какъ-де напередъ сего тамо со стороны россійской никакого человѣка не было, то и нынѣ-де быть не для чего, да и такое-де дѣло не генералу дѣлать; но токмо онъ генералъ потакаетъ запорожскимъ козакамъ и не содержитъ ихъ крѣпко въ рукахъ; а ежели-бы-де содержалъ ихъ крѣпко, то такого-бъ воровства не было. Для чего-де у насъ съ поляками смирно живемъ: они-де на насъ не жалуются, а мы де на ихъ; сколько-де комиссій ни было, а обидящимъ моимъ подданнымъ отъ запорожскихъ козаковъ въ разныя времена разныхъ вещей и скота пограбленнаго ничего не возвращено. Скажи-де своему генералу объ ономъ или, гдѣ у васъ надлежитъ, и выше донеси: долго-ли де мнѣ будетъ терпѣть: но и нынѣшнимъ лѣтомъ многое число запорожскіе козаки у моихъ подданныхъ отогнали лошадей.

И оныя рѣчи, по примѣчанію секундъ-маіора, ханъ съ превеликимъ серддомъ говорилъ и приказалъ скоро отдать отвѣтныя къ его превосходительству письма и болѣе не сталъ ни о чемъ и говорить. Которыя принявъ и откланясь предъ ханомъ со всякою учтивостью, онъ секундъ-маіоръ отъ хана отпущенъ. А препровождалъ-же его секундъ-маіора переводчикъ Мехметъ даже за ханскія ворота, и притомъ секундъ-маіоръ переводчику объявилъ, чтобъ доложилъ его ханской свѣтлости, дабы дозволилъ ему секундъ-маіору еще переночевать; и онъ ходилъ къ хану и отъ него пришедъ объявилъ, что его-де ханская свѣтлость приказалъ: сію ночь переночевать, а завтрашняго числа въ свой надлежащій путь ѣхать. И шли напередъ до квартиры вада-баша да провожатый изъ Перекопа сейменъ.

Того-жъ числа въ вечеру пріѣхалъ изъ г. Кефы въ Бакцысарай для купечества великороссійскій купецъ г. Воронежа, посадской купецъ Ивановъ сынъ Шумливой и ему секундъ-маіору объявилъ: сего-де 1755 г. въ маѣ мѣсяцѣ былъ онъ въ Кубани и жилъ мѣсяца два для промыслу купеческаго, и слышалъ, что было въ Кубани войско крымское и кубанское, которое ходило подъ Черкесы для взятья ясыра, и оного ясыра требовалъ ханской сынъ, токмо оные черкесы, согласясь съ султаномъ, бахтигиреевымъ сыномъ, оного ясыра ему ханскому сыну не дали; которое войско стояло отъ самой зимы даже до весны и того войска съ холоду и съ голоду и во время происходившей промежъ ими съ начатія войны побито и померло и бѣжало съ крымской стороны 50,000, а до 30 человѣкъ повѣшено; оные-жъ султаны и мурзы, видя себѣ гибель напрасную, учинили промежъ собою бунтъ и раздѣлились

на двѣ части: вышеписанному бахтигирееву сыну половина, а другая половина къ ханскому сыну, и бахтигиреевъ сынъ согласился съ черкесами и ханскаго сына съ немалымъ урономъ прогнали, и нынѣ какъ съ ханской стороны въ Кубань за показанными ссорами не въѣзжаютъ, такъ и съ кубанской стороны въ Крымъ не ѣздятъ.

Сего-жъ году мѣсяца іюля присланъ изъ Константинополя паша и съ нимъ мастеровыхъ людей сто человѣкъ для починки городовъ съ россійской стороны, а именно Темрюка, Ачюева и Капыла.

Сего-жъ году въ Яникале развозили пушки, а сколько числомъ, того показанной купецъ неизвѣстенъ, и всякіе что принадлежитъ къ нимъ снаряды, т. е. ядры и порохъ. Оной-же купецъ слышалъ въ тамошнихъ мѣстахъ: бахтигиреевъ сынъ султанъ нынѣшнего хана крымского не желаетъ и всю орду на кубанскую сторону перевелъ и самъ нынѣ живетъ въ Капылѣ и сераскирскую должность правитъ.

2. По утру, въ 10 часу, грекъ Янакій козаку Орловскому, увидясь тайно, объявилъ, чтобъ донесъ секундъ-маіору тайнымъ образомъ, чтобъ пришелъ въ церковь: нѣкоторые-де вѣдомости объявлю, а мнѣ-де самому днемъ въ квартиру подозрително къ нему быть, чтобъ не дознались, а я-де у митрополита просилъ, чтобъ оная церковь не заперта была. И та церковь отъ квартиры секундъ-маіора не въ далномъ разстояніи, не будетъ я 50 саженъ. И секундъ-маіоръ тайнымъ образомъ, никто его изъ тамошнихъ людей не видѣлъ, и пришелъ въ означенную церковь, и оной грекъ ему объявлялъ, что его пріятель Хаджи-али ему сказывалъ: во всемъ-де препятствовалъ визиръ ханской и представлялъ хану во время совѣту ихъ, что съ россійской стороны отнюдь не надлежитъ быть ихъ персонѣ при вашей ханской свѣтлости, а ежели-де изволишь допустить, то тотъ-же шпіонъ будетъ, и какъ-де будемъ спать ложиться и вставать, а онъ все то будетъ знать и писать, то нельзя будетъ и на дворъ выйти; а муфтій и казаскеръ склонились было и хану представляли, чтобъ съ россійской стороны былъ человѣкъ, токмо не допустилъ хана, всему тому препятствовалъ визиръ.

А въ предбудущую весну велѣно всѣ въ Крыму гдѣ крѣпости есть починять. А нынѣшнимъ лѣтомъ привезено изъ Константинополя моремъ въ городъ Козлевъ 80 пушекъ съ ядрами и перевезены нѣкоторое число въ Перекопъ.

Оной-же грекъ Янакій ему секундъ-маіору объявилъ: ежели-де что будетъ противъ россійской стороны отъ хана происходить въ противность, то оной Хали-хаджи обѣщался ему Янакію сообщать, а ежели ему Хали-хаджи возможно будетъ, то и самъ онъ писать въ Кіевъ къ г. генералу будетъ, а грекъ Янакій что отъ него услышитъ, то будетъ находящимся въ Бакцысараѣ великороссійскимъ г. Путивля купцу Андрею Андрееву сыну Сушилину или кто будетъ великороссійскіе знатные купцы, сообщать; а Сушилинъ мало оттуда въ Россію

и выѣзжаетъ, но по болшой части въ Бакцысараѣ и въ протчихъ крымскихъ городахъ торгуетъ; а я ежели-бы-де я самъ умѣлъ писать, то-бы никому ничего не объявлялъ, но самъ-бы писалъ. И на то ему греку Янакію секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ: ежели-де твой пріятель Хали-хаджи будетъ въ Кіевъ къ г. генералу писать о предосторожности какой противъ россійской стороны отъ хана противное, то они оба за то отъ стороны россійской оставлены не будутъ. Да онъ-же грекъ Янакій секундъ-маіору объявилъ: ежели-де хана не перемѣнятъ, то намѣрены войну съ ханомъ имѣть бахтигиреевы сыны. И болѣе ко увѣдомленію оной грекъ секундъ-маіору ничего не имѣлъ и тѣмъ всѣ разговоры кончилъ, и въ той церкви съ нимъ разстались, и напередъ секундъ-маіоръ изъ церкви тайнымъ образомъ, и никто изъ ихъ народу не видалъ, въ свою квартиру пришелъ.

Того-жъ числа, по доносу запорожскихъ козаковъ И. Орловскаго и Е. Черевка, которые посыланы были вчерашнего числа звать Мировича и Нафимовского на чай, и ихъ, Орловскаго и Черевка, они къ себѣ на слово просили и оныхъ козаковъ секундъ-маіоръ къ нимъ отпущалъ и приказывалъ, что будутъ имъ они говорить, ничего-бъ, по присяжной своей должности, какъ вѣрные его императорскому величеству рабы, не утаили. И съ тѣмъ они къ нимъ пошли и были у нихъ въ квартирѣ, а оттуда возвратясь, донесли ему секундъ-маіору, что отъ нихъ, Мировича и Нафимовскаго, происходило. Во первыхъ, стали-де ихъ увѣщевать: что они, Мировичъ и Нафимовскій, будутъ имъ говорить, никому-бъ не сказывали, и приводили ихъ, козаковъ, къ присягѣ и прикладывались къ образу, и потомъ оные Мировичъ и Нафимовскій стали имъ, козакамъ, говорить: вы-де теперъ присягали, мы вамъ объявляемъ, что лупилъ москаль запорожцамъ головы и завладѣлъ-де отчину нашу Малую Россію, и такъ привели Малую Россію, какъ воловъ въ ярмо, а нынѣ король пруской, король французской и король шведской согласились-де между собою противъ Россіи и намѣрены войну имѣть, а мы-де присланы отъ польской стороны для того, чтобъ совокупить орду татарскую и нападеніе учинить на Россію со всѣхъ сторонъ въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года или предбудущого 1756 г. въ генварѣ мѣсяцѣ; такъ мы москаля со всѣхъ сторонъ возмемъ; а вы не сказывайте молодымъ козакамъ о семъ, а сказывайте такимъ, которые еще были во владѣніи подъ ханомъ, чтобъ они къ намъ писали и чтобъ согласились съ нами вмѣстѣ на москаля, а мы-де по времени будемъ и отъ себя къ старымъ козакамъ, кого знаемъ, писать, а къ кому именно, того не сказали, и тѣмъ разговоры кончились. А нынѣ де ногайская орда кочуетъ въ двухъ мѣстахъ, а именно: первая часть близъ Кинбурна, вторая часть за Очаковымъ.

Того-жъ числа по полудни въ 3-мъ часу съ приданнымъ изъ Перекопа сейменомъ изъ Бакцысарая отъѣхали и слѣдовали по дорогѣ, не доѣзжая Козлева, въ ханской постоялой дворъ, гдѣ и ночевали.

3. Отъ постоялаго двора слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

Будучи-жъ въ Козлевѣ, запорожскій козакъ полтавскаго куреня Трофимъ Григорьевъ приходилъ къ секундъ-маіору и доложилъ, что хлѣба, пшеницы и ячменю въ турецкую сторону запрещено продавать, но зсыпають въ каморы, а нѣкоторую часть возять въ Бакцысарай, какъ-де повидимому, заготовляють въ магазейны, 180 лавокъ насыпано; а въ продажѣ тамо пшеница и ячмень четверть пшеницы по 1 р. 10 к. и по 1 р. 20 к., ячменя по 80 и по 90 к. Въ Козлевѣ на пристани лежать болшихъ мѣдныхъ новыхъ пушекъ десять, видѣлъ ихъ самъ секундъ-маіоръ.

4. Отъ Козлева слѣдовали до села Джи-алана, гдѣ и ночевали.

5. Отъ с. Джи-алана слѣдовали до Соленого озера, гдѣ и ночевали. И при томъ озерѣ находился г. Путивля купецъ А. А. Сушилинъ и секундъ-маіоръ ему приказалъ: егда какія грекъ Янакій будеть ему давать письма, то-бы онъ отъ него принималъ и секретно какъ найскорѣе съ нарочнымъ и надежнымъ или и самъ на никитинской заставѣ находящемуся переводчику Семенову отдавалъ, которой немедленно отправлять въ Кіевъ будеть, или что оной-же грекъ и словесно будеть ему объявлять, то-бы и о томъ какъ найскорѣе давалъ знать.

6. Отъ Соленого озера слѣдовали до Перекопа, гдѣ и ночевали.

7. Отъ Перекопа слѣдовали до урочища Чаплинки, гдѣ и ночевали.

8. Отъ урочища Чаплинки слѣдовали до Каиръ западного мѣстечка, гдѣ и ночевали. Того-жъ числа у секундъ-маіора на дорогѣ явился запорожскій незамаевскаго куреня козакъ Федоръ Чернявской и объявлялъ: пойманъ-де имъ воръ васюринскаго куреня козакъ Григорій Лукьяновъ сынъ Плакущій, которого онъ Чернявскій ему секундъ-маіору представлялъ, и онъ секундъ-маіоръ его Плакущаго спрашивалъ, которой сказалъ: самоволне-де изъ Сѣчи и безъ пашпорту поѣхалъ въ Перекопъ якобы лошадей продавать, а чрезъ Днѣпръ, не явясь при никитинской заставѣ, перевезенъ платнеривского куреня козакомъ Иваномъ Тараномъ, и оной воръ отданъ въ смотрѣніе тому-жъ козаку Чернявскому и при-

казано ему Чернявскому, чтобъ его не упустилъ и, довезя въ Сѣчь, отдалъ бы кошевому атаману.

9. Отъ Каиръ западного мѣстечка слѣдовали до рѣчки Рогачика, гдѣ и ночевали.

10. Отъ р. Рогачика слѣдовали до никитинской заставы, гдѣ чрезъ Днѣпръ переправились и ночевали.

Переводчику Семенову отъ него секундъ-маіора объявлено секретно: какіе будутъ пересылаемы изъ Бакцысарая письма отъ россійскаго купца Андрея Шумилина, то бы не распечатывая отправлялъ какъ найскорѣе въ кіевскую губернскую канцелярію съ нарочнымъ.

Того-жъ числа отъ никитинской заставы въ запорожскую Сѣчь благополучно прибыли.

Какъ ѣхали отъ запорожской Сѣчи до Перекопа и обратно до Сѣчи и отъ Сѣчи до Кременчука, то многіе ватажане секундъ-маіору жалобу приносили, что по дорогамъ чинятся днемъ разбои, а не отъ кого иного, какъ видно отъ запорожскихъ все козаковъ.

По прибытіи въ запорожскую Сѣчь онъ секундъ-маіоръ кошевого атамана въ Сѣчи не засталъ, и объявилъ судья: еще-де отъ розъѣзду не бывалъ. Розъѣздная-же команда, кая посылана была внизъ р. Днѣпра на лодкахъ для поиску воровъ и разбойниковъ, не изымавъ ни одного человѣка, возвратилась въ запорожскую Сѣчь по прежнему, а какъ-де слышно, что тоже и у кошевого атамана чинится, но токмо единой скотъ гонять, лошадей и воловъ.

Въ бытность въ запорожской Сѣчи бывшій кошевой атаманъ Якимъ Игнатовъ ему секундъ-маіору секретно, по присяжной своей должности, объявилъ, дабы ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловали въ войскѣ запорожскомъ быть кошевому атаману безперемѣнно, да и великороссійского войска регулярного по крайней мѣрѣ 600 человѣкъ пѣхотныхъ, а драгунъ двѣ роты, при добромъ командирѣ, почему-де можно самоволцовъ злодѣевъ гайдамаковъ смирять и къ доброму и постоянному порядку привесть, какъ на Дону; а ежели-де кошевые атаманы и съ старшиною будутъ съ перемѣною по прежнему, то, по тамошнему ихъ обыкновенію, никоимъ образомъ таковыхъ злодѣевъ искоренить невозможно и къ доброму и постоянному порядку привесть, ибо-де отъ таковаго самоволного и чрезвычайно пьяного народа, при такихъ перемѣнахъ, такъ какъ кошевого атамана, и старшину бьютъ и смертное убивство чинится, а отъ великого пьянства пропьется, а взять негдѣ, толко воровать и разбивать, болѣе не остается.

Будучи-же въ оба пути и въ бытность въ Бакцысараѣ, нигдѣ никакихъ татарскихъ войскъ въ собраніи и къ воинскому дѣйствію пріуготовленій онъ секундъ-маіоръ не видалъ и никакихъ противныхъ къ Россіи съ татарской стороны поступковъ нигдѣ ни отъ кого не слыхалъ.

Какъ въ Крыму и въ самомъ Бакцысараѣ, въ бытность его секундъ-маіора, опасной болѣзни не было, и въ проѣздѣ отъ Перекопа до Бакцысарая и обратно до Перекопа нигдѣ оной опасной болѣзни не слышно.

Секундъ-маіоръ *Матвѣй Мироновъ.*

Кіевъ, сентября 1755 г.

Библіографія.

Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической коммисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.

Каждое новое изданіе виленской археографической коммисіи естественно вызываетъ вниманіе къ себѣ и интересъ въ кіевскихъ археографахъ, а потому и теперь, съ выходомъ въ свѣтъ названнаго «Сборника», мы чувствуемъ потребность сказать о немъ нѣсколько словъ.

Надо прежде всего отдать должную дань уваженія неустанному трудолюбію членовъ [1]) виленской археографической коммисіи и ея извѣстному ученому предсѣдателю Я. Ѳ. Головацкому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщенному вниманію и заботливости г. попечителя виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго, умѣющаго не только привлекать къ столь трудному и важному дѣлу, какъ археографія, достойныя силы, но и внушать имъ необходимость исполненія той или иной работы, вызываемой требованіями обстоятельствъ, не останавливаясь даже предъ денежными затратами изъ бюджета округа на нужды ученаго учрежденія, ему подвѣдомственнаго.

Привѣтствуемъ за симъ первый выпускъ «Сборника» палеографическихъ снимковъ, изданный коммисіею въ видѣ опыта, полнымъ нашимъ сочувствіемъ, такъ какъ дѣло изданія снимковъ, поставленное на

---

[1]) Желающихъ ознакомиться подробнѣе съ дѣятельностію коммисіи и содержаніемъ ея многочисленныхъ изданій мы рекомендуемъ помѣщенную въ 1-й книгѣ «Сборника археологическаго института» (Спб. 1878 г.) статью В. А. Лялина: «Виленскій центральный архивъ» (стр. 22—38).

строго научную почву, обѣщаетъ въ будущемъ обильный практическій и научный плодъ. «Сборникъ» состоитъ изъ «Предисловія», объясняющаго задачу изданія и пріемы его исполненія, съ изложеніемъ содержанія любопытныхъ актовъ. Предисловіе составлено членомъ коммисіи С. В. Шолкевичемъ. Далѣе, въ «объяснительномъ текстѣ» напечатаны крупнымъ шрифтомъ та часть акта, съ которой сдѣланъ снимокъ, и мелкимъ та, которая опущена, причемъ въ заключеніе указывается, появляется-ли документъ въ первый разъ, или былъ уже гдѣ-либо напечатанъ. Къ «тексту» приложено оглавленіе съ указателями: личнымъ, географическимъ и предметнымъ. Самые «снимки», наконецъ, занимаютъ 30 отдѣльныхъ листовъ и потому, по желанію каждаго, могутъ быть сортируемы какъ угодно. Внѣшность «снимковъ» производитъ пріятное впечатлѣніе: самая главная, литографическая работа исполнена безукоризненно; совершенство сходства копированныхъ почерковъ съ дѣйствительными ясно для всякаго, кто когда-либо работалъ надъ западно-русскими рукописями. Одно неудобство, это—форматъ «сборника» in-folio; неловко читать, ни положа тетрадь на столъ, ни держа ее въ рукахъ. Таковы по формату (правда, не много меньше) и другія изданія виленской коммисіи. Кіевская коммисія давно уже избрала для себя форматъ in-quarto; остается еще только пожелать, чтобы и объемъ томовъ былъ уменьшенъ ею на половину, а то шутка-ли, книга въ 700 и болѣе страницъ. Въ данномъ случаѣ виленская коммисія легко могла отступить отъ газетныхъ размѣровъ, разъ она выпуждена была, какъ сама заявляетъ это, отказаться отъ литографированія снимковъ во всю величину оригиналовъ; и форматъ in-octavo былъ-бы наиболѣе удобнымъ, какъ намъ кажется.

Цѣль изданія снимковъ выражена ясно и опредѣленно въ «предисловіи», гдѣ коммисія устами г. Шолкевича говоритъ, «что для цѣлей историческихъ ей казалось болѣе важнымъ представить просвѣщенному русскому обществу возможно большее количество образцовъ древней западно-русской письменности изъ разныхъ мѣстъ, временъ и учрежденій, нежели останавливаться только на образцахъ извѣстныхъ» (послѣднія слова для насъ какъ-то не вполнѣ понятны: какіе и кому это извѣстные образцы, на которыхъ не было необходимости останавливаться?). И эта цѣль будетъ достигнута вполнѣ, если коммисія въ слѣдующихъ выпускахъ не отступитъ отъ намѣченной программы изданія снимковъ по мѣсту, времени и учрежденію. Все это весьма важно, но почему важно, въ «предисловіи» не объяснено и не видно, чтобы важность и плодотворность начатаго дѣла, научная и практическая, была ясна для самихъ издателей. Выраженіе, что снимки «наглядно покажутъ изслѣдователямъ

не только образцы западно-русской дѣловой рѣчи съ половины XV до половины XVI столѣтія, но и характеристическія особенности очень разнообразныхъ почерковъ ея письменности и этимъ расширять сферу историческихъ свѣдѣній о сѣверо-западномъ краѣ», кажется намъ туманнымъ и неопредѣленнымъ, и потому мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу необходимости изданія снимковъ по мѣстностямъ и эпохамъ. Въ архивахъ, гдѣ собраны рукописи, обнимающія собою большой періодъ времени и притомъ въ болѣе или менѣе хронологической послѣдовательности, а равно добытыя изъ многихъ смежныхъ одна съ другою мѣстностей, занимающихъ значительное пространство, всегда наблюдается очень интересное явленіе, это—генерація почерковъ; каждая эпоха, каждая большая или малая административная единица имѣетъ свой особенный характеръ письма, причемъ въ большихъ единицахъ и разница въ характерѣ больше, въ меньшихъ—меньше. Бывшія воеводства юго-западнаго края: кіевское, волынское, подольское и брацлавское, каждое имѣетъ свои особенныя отличительныя черты письма, свидѣтельствующія о характерѣ культуры, развивавшейся въ той или иной мѣстности. Такъ напр., кіевское и волынское письма носятъ характеръ Византійской культуры почти до XVII вѣка, тогда какъ подольское весьма рано подвергается вліянію романо-германскому, которому было подчинено и польское письмо. Позже это вліяніе, распространившись и на Волынь, доходило только до Кіева, который во всѣ вѣка сохранялъ особенный характеръ своихъ буквъ и лишь въ началѣ текущаго столѣтія началъ мало по малу утрачивать его по мѣрѣ того, какъ увеличивался въ городѣ велико-русскій элементъ. Однимъ словомъ, измѣненія въ характерѣ почерковъ указываютъ на развитіе и измѣненія въ культурѣ, и такимъ образомъ письмо служитъ столь-же достовѣрнымъ свидѣтелемъ пережитыхъ народомъ эпохъ, какъ археологическіе памятники и филологическія данныя [1]). Только при правильной постановкѣ дѣла изданія палеографическихъ снимковъ мы получимъ и руководство для начинающихъ занятія въ архивахъ и матеріалъ для ученыхъ изслѣдованій; вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ имѣть основаніе для опредѣленія по внѣшнимъ признакамъ времени и мѣста составленія документа, а также его подлинности или подложности; при изданіи снимковъ съ бумажныхъ руко-

---

[1]) Будь у насъ подобныя палеографическія изданія, и проф. И. П. Дашкевичъ пріобрѣлъ-бы немало новыхъ фактовъ для выводовъ при изслѣдованіи вопроса о борьбѣ культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ высокой степени интересное изслѣдованіе его объ этомъ печатается теперь въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» (см. № 10 за 1884 г.).

писей нужно обращать всегда вниманіе и на водные знаки бумаги, которые, въ свою очередь, помогаютъ рѣшить безошибочно вопросъ, дѣйствительно-ли документъ написанъ въ томъ мѣстѣ и въ то время, которое обозначено въ немъ. Виленская коммисія упустила это изъ виду такъ-же, какъ упустила познакомить читателей съ особенностями бумаги и болѣе подробно съ внѣшнимъ видомъ оригиналовъ вообще. Сравнивая изданные образцы почерковъ съ южно-русскими, мы находимъ, что они болѣе всего подходятъ къ волынскому письму и въ частности болѣе къ луцкому, чѣмъ къ владимірскому и кременецкому, съ кіевскимъ-же и подольскимъ почти ничего общаго не имѣютъ. Но все это, конечно, только общія положенія; болѣе точно и опредѣленно можно будетъ высказаться тогда лишь, когда обѣ археографическія коммисіи: кіевская и виленская дружно возьмутся за трудъ изданія палеографическихъ снимковъ, проведутъ его по строго научному плану и дадутъ этимъ необходимый матеріалъ для изслѣдованія. Поэтому, пожелавъ еще разъ успѣха такъ удачно и своевременно сдѣланному виленской коммисіей опыту, мы, въ надеждѣ на скорое появленіе слѣдующихъ выпусковъ «Сборника», перейдемъ къ разсмотрѣнію содержанія скопированныхъ въ немъ документовъ.

Нѣкоторые изъ 59 изданныхъ документовъ появляются въ печати въ первый разъ, другіе-же были напечатаны раньше въ разныхъ изданіяхъ виленской коммисіи; послѣдніе составляютъ почти четвертую часть (ихъ 14) общаго числа документовъ «Сборника».

Документы подъ №№ 1, 2, 5, 6, 12, 14, 20, 25 и 29 касаются разныхъ сторонъ исторической жизни бывшей литовской столицы, города Вильны,—ея внѣшняго и внутренняго благоустройства.

№№ 30, 35, 48, 49, 50 и 51 служатъ для исторіи города Ковно, центральнаго города Жмуди.

Подъ №№ 4, 8, 15, 16, 18, 21, 22, 24, 32, 34, 38, 39, 40, 41, 42, и 53 помѣщены грамоты и листы великихъ князей литовскихъ и польскихъ королей, касательно утвержденія за разными лицами правъ на владѣніе землями или на занятіе должностей.

Документъ подъ № 41 относится къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія.

Юридическаго быта евреевъ касается актъ подъ № 45.

Документъ подъ № 36 указываетъ на время, когда вводится въ Литвѣ должность вознаго, а изъ акта подъ № 44 мы видимъ, что съ появленіемъ возныхъ и «вижи» еще не исчезаютъ изъ суда.

Изъ всѣхъ этихъ документовъ для юго-западной Россіи имѣетъ значеніе одинъ № 22; онъ содержитъ въ себѣ подтвердительную грамоту

короля Сигизмунда I отъ 30 іюня 1536 года на продажу познанскимъ бискупомъ Яномъ королевѣ Бонѣ селъ Дунаева, Куликова и Рутки, имѣнія Цециновецъ, опустѣвшаго села Демковецъ и хутора Верха-Велья, лежавшія въ кременецкомъ повѣтѣ волынскаго воеводства. Въ примѣчаніи къ этому акту издатели указываютъ на существованіе въ виленской публичной библіотекѣ другой грамоты, которою король подтверждаетъ дарственную запись того-же бискупа королевѣ Бонѣ на свои предмѣстья подъ замкомъ и городомъ Кременцемъ и Исаевскій хуторъ, на двухъ крестьянъ съ ихъ землею и сѣнокосомъ Хоженевымъ, Ловчимъ и Гремячимъ, и на второе предмѣстье, которое бискупъ заселилъ на полѣ онисковскомъ, гдѣ прежде было село Онисковцы.

Оканчивая нашу замѣтку о виленскомъ «Сборникѣ», позволяемъ себѣ въ заключеніе выразить несогласіе съ объясненіями г. Шолкевича относительно того, будто въ актахъ подъ №№ 36 и 44 указывается на время, когда «дѣтскіе» замѣняются «возными». Не знаемъ, какія наблюденія по этому вопросу сдѣланы авторомъ въ западно-русскихъ актахъ, но въ южно-русскихъ мы замѣтили, что «дѣтскіе» всегда вручають только «дѣцкованные листы», которыми тяжущіяся стороны призываются на судъ въ королевскую коммисію, разбиравшую споры по землевладѣнію; при врученіи «дѣцкованнаго листа» присутствуютъ «вижи». Въ актѣ подъ № 36 дѣйствительно говорится о первомъ возномъ и изъ этого можно заключить, что должность вознаго введена въ Литвѣ въ самомъ началѣ XVI вѣка, тогда какъ въ юго-западной Руси появленіе возныхъ совпадаетъ со введеніемъ въ 1566 году втораго литовскаго статута; вѣрнѣе же, возный окончательно вытѣсняетъ бывшаго до него «вижа» со времени люблинской уніи 1569 года. Въ документѣ, помѣченномъ № 44, идетъ рѣчь о «вижѣ», котораго авторъ отождествляетъ съ вознымъ ошибочно; это были двѣ должности, хотя и родственныя между собою по нѣкоторымъ одинаковымъ обязанностямъ, но различныя по своимъ правамъ; попадаются акты, гдѣ вижи и возные фигурируютъ рядомъ. Во всякомъ случаѣ, болѣе опредѣленныя документальныя данныя о «дѣтскихъ», если они встрѣчаются въ книгахъ виленскаго центральнаго архива, желательно было-бы видѣть напечатанными. «Дѣтскихъ», такъ-же какъ и «копные» суды, можно считать остатками удѣльно-вѣчеваго періода, свидѣтельствующими лишній разъ о вліяніи русской государственной жизни на литовскую.

И. Каманинъ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1884 годъ, книга вторая.

Передъ нами не одинъ изъ обыкновенныхъ томовъ изданій почтеннаго историческаго общества, а книга предназначенная къ поднесенію университету св. Владиміра въ день недавно минувшаго его пятидесятилѣтняго юбилея. На второмъ листѣ настоящей книги напечатано: *посвящается императорскому кіевскому университету св. Владиміра въ день полувѣковаго служенія его наукѣ и русскому просвѣщенію.* А на челѣ содержанія помѣщенъ адресъ общества кіевскому университету по поводу его 50-лѣтняго юбилея. Наша alma mater тѣсно связана съ старѣйшимъ и почтеннѣйшимъ изъ русскихъ ученыхъ обществъ дорогою памятью объ общихъ своихъ членахъ, особенно о незабвенномъ въ наукѣ южно-русской исторіи М. А. Максимовичѣ, первомъ ректорѣ университета св. Владиміра, и О. М. Бодянскомъ, знаменитомъ секретарѣ общества. Упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, адресъ говоритъ между прочимъ: «Да хранитъ на долгія времена и вѣка университетъ св. Владиміра достославно держимый имъ полвѣка святой его завѣтъ: самобытно и независимо свѣтить Владиміровымъ солнцемъ русскому просвѣщенію, озарять исторію священнаго кіевскаго края новыми и новыми изслѣдованіями на утвержденіе и укрѣпленіе русскаго сознанія, какъ озарила и просвѣтила это русское сознаніе наша первая лѣтопись, написанная на тѣхъ-же кіевскихъ святыхъ горахъ». Приведенными словами московское общество исторіи и древностей ясно очерчиваетъ программу и способъ просвѣтительной дѣятельности кіевскаго университета, миссію его въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Въ соотвѣтствіе къ своимъ словамъ оно составляетъ и содержаніе посвящаемаго тома—исключительно почти изъ документовъ, относящихся къ исторіи «Кіевскаго края». Въ высшей степени знаменательны и эти слова отъ лица многозаслуженнаго въ наукѣ русской исторіи московскаго общества, и этотъ подборъ содержанія подносимаго тома. Невольно задаешь себѣ вопросъ: самъ университетъ св. Владиміра такъ-же ли сознаетъ свою священнѣйшую обязанность—служить наукѣ роднаго края, этой исконной «русской земли», съ матерью городовъ русскихъ во главѣ?

Но перейдемъ къ содержанію разсматриваемой книги. Она по обыкновенію раздѣлена на 5-ть отдѣловъ: 1) матеріалы историческіе, 2) матеріалы историко-литературные, 3) матеріалы иностранные, 4) изслѣдованія и 5) смѣсь. Наибольшій интересъ для занимающихся южно-русской исторіей заключаютъ въ себѣ два первые отдѣла. Въ отдѣлѣ *матеріаловъ историческихъ* большую часть занимаютъ описанія актовъ

архива Маркевича. Всѣхъ актовъ перечислено здѣсь до 320; изъ нихъ до 300 относится къ 26 малороссійскимъ монастырямъ, преимущественно трехъ сѣверныхъ полковъ и города Кіева, остальные — къ раскольничьимъ слободамъ Стародубья. Акты монастырскіе въ большинствѣ представляютъ собою жалованныя грамоты и универсалы разныхъ гетмановъ на монастырскія владѣнія; но между ними попадаются и такіе, которые даютъ драгоцѣнныя бытовыя указанія, насколько, разумѣется, это можно заключить изъ краткаго описанія ихъ. Мы узнаемъ напримѣръ, что гетману, какъ говорится, отбою не было отъ настоятелей многочисленныхъ монастырей, засыпавшихъ его поздравленіями съ разными праздниками, — поздравленіями, непремѣнно сопровождавшимися просьбами. Игуменъ крупицкаго батуринскаго монастыря поздравляетъ Скоропадскаго даже «съ полноприщемъ великаго поста» и при сей шаткой оказіи жалуется на чрезмѣрное отягощеніе постоями монастырскихъ подданныхъ. Иногда проскользнетъ образчикъ отношенія самихъ духовныхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, и оказывается, что отцы истязывали иногда ихъ не хуже польскихъ пановъ. Вотъ образчикъ другаго рода бытовыхъ указаній. Игуменъ братскаго монастыря Іосифъ, онъ-же и ректоръ кіево-могилянскаго училища, по запросъ генеральной войсковой канцеляріи о людяхъ, знающихъ иностранные языки, отвѣчаетъ: «Отнюдь таковаго человѣка изобрѣсти въ насъ не возмогаемъ, найбарзѣй же-бы кто нѣмецкаго языка къ переводу не толко былъ искусенъ, но ниже и отчасти свѣдомъ, поneже въ насъ языка нѣмецкаго не учатъ, въ латинскомъ-же и польскомъ языку видно запевне ажъ и канцелярія войсковая искустныхъ, честныхъ и неподозрительныхъ людей имѣетъ довольно, а ту студента отъ школы отдорвати, аще самъ доброволно не восхощетъ, не такъ есть удобно» (1724 г.). Кромѣ этого разряда документовъ, есть еще такіе, которые заключаютъ въ себѣ цѣлую исторію монастырей, нынѣ не существующихъ; таковы два документа спасскаго, рувимо-сосницкаго монастыря. Вообще всѣ документы, относящіеся къ монастырямъ, открываютъ для желающихъ массу новаго матеріала по исторіи ихъ.

Не менѣе важны описанія актовъ, касающихся раскольниковъ Стародубья. Поселившись колоніями среди мѣстнаго малорусско-бѣлорусскаго православнаго населенія нынѣшнихъ сѣверныхъ уѣздовъ черниговской губерніи, эти пришельцы съ замѣчательною устойчивостью сохраняютъ до сихъ поръ свой національно-великорусскій типъ и по сіе время живутъ совершенно обособленно. Тѣ черты ихъ характера, которыя и нынѣ непріятно поражаютъ сосѣдей, какъ-то: высокомѣріе, узкій обрядовой фанатизмъ и совершенно особый кодексъ нравственныхъ правилъ въ сношеніяхъ съ «хохлами-мазепами», особенно давали себя чувствовать

въ первые годы ихъ появленія. Помѣщенные въ разбираемой книгѣ акты именно содержатъ въ себѣ большею частію жалобы какъ разныхъ козацкихъ старшинъ, такъ и цѣлыхъ громадъ на насилія со стороны раскольниковъ; жалобы дышатъ взаимною ненавистью: «ругатели креста Господня... зъ укоризною и наруганіемъ православной нашей вѣры, прельщеніемъ и превращеніемъ правовѣрныхъ на свое злочестіе наклоняютъ» (стр. 1); «если раскольщикамъ, яко теперь, разширятися въ полку нашемъ (стародубовскомъ; пишетъ полковникъ Журавка) допущено будетъ, много зъ полчанъ отъ утиску ихъ чуратися жилищъ своихъ мусятъ, поневажъ они самоволне, що хотятъ, чинятъ, а справедливости нихто на нхъ поискати не можетъ, чого самъ дознавалемъ и дознаю» (стр. 2) и проч. До сихъ поръ въ литературѣ нашей нѣтъ сочиненія, которое-бы ознакомило публику съ бытомъ и исторіей раскольничьихъ колоній Стародубья, и потому описанные документы тѣмъ цѣннѣе; къ нимъ кромѣ того приложена интересная карта этихъ колоній, видимо современная ихъ первому описанію. Добавимъ кстати, что въ «Черниговскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за прошлый годъ есть статья о Стародубьи кандидата московской духовной академіи г. Доброгаева.

Въ томъ-же отдѣлѣ помѣщенъ еще весьма интересный документъ — «росписной списокъ города (крѣпости) Кіева 1677 г.». Это подробная опись всѣхъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ кіевской крѣпости, документовъ, знаменъ, казны, — вообще всего того, что вѣдалъ въ городѣ московскій воевода. Опись и составлена по случаю передачи воеводою кн. Алексѣемъ Андреевичемъ Голицынымъ Кіева своему преемнику Морозову. До сихъ поръ въ литературѣ были извѣстны подобнаго рода описи, относящіяся къ 1661 и 1682 гг. (См. «Сбор. матер. для ист. топогр. Кіева и его окрест., отд. 3, стр. 87 и 96). Собственно для топографіи Кіева, изъ трехъ нынѣ извѣстныхъ документовъ этого рода, болѣе всего данныхъ заключается въ «росписи» 1682 г.; наиболѣе-же подробный инвентарь представляетъ новая «роспись» 1677 года. «Росписи» даютъ точный матеріалъ для приведенія въ извѣстность длины въ цѣломъ и частяхъ валовъ «города» и крѣпостнаго имущества, но не могутъ замѣнить, со стороны рельефности, описаній очевидцевъ современниковъ [1]).

---

[1]) Вотъ напримѣръ какъ живо рисуетъ въ началѣ XVIII в. кіевскій замокъ попъ Лукьяновъ: «*Верхній градъ* (на нынѣшнемъ старомъ городѣ) — валъ земляной весьма крѣпокъ и высокъ, а по градской стѣнѣ все караулы стоятъ крѣпкіе, по сто саженъ караулъ отъ караула; и въ день и въ ночь все полковники ходятъ: тихонько осматриваютъ, таки-ли крѣпокъ караулъ; а ночи уснуть не да-

Перейдемъ ко второму отдѣлу—къ матеріаламъ историко-литературнымъ. Содержаніе этой части книги состоитъ изъ описанія нѣкоторыхъ южно-и западно-русскихъ рукописей изъ собранія Е. В. Барсова, дающихъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи языка, и двухъ документовъ, по поводу которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Первый памятникъ—«Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто». Это приписка на Острожской библіи 1581 года, сдѣланная неизвѣстнымъ ея владѣльцемъ-читателемъ. Нынѣшній владѣлецъ этой замѣчательной книги, о. архим. Амфилохій, въ краткомъ предисловіи во 1) относитъ приписку къ XVII в., во 2) самого автора ея помѣщаетъ, по мѣсту жительства, «между поляками и жидами», въ западныхъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, почтенный ученый не приводитъ основаній, по которымъ онъ относитъ составленіе «Лексиса» къ XVII вѣку. Если-бы это было дѣйствительно такъ, то можно-бы было изъ «Лексиса» воспользоваться нѣкоторыми данными для исторіи языка, но вѣдь при такомъ замистованіи чьего-бы то ни было увѣренія недостаточно, а внутреннихъ указаній на время составленія, при отсутствіи внѣшности подлинника, печатная копія «Лексиса» въ себѣ не заключаетъ. Нѣсколько наивнымъ представляется и заявленіе составителя предисловія о жительствѣ автора «Лексиса» между поляками на томъ основаніи, что въ одномъ мѣстѣ, «противъ словъ: *предъ судомъ Христовымъ*, на полѣ написано: *предъ судомъ панскимъ*», а между жидами потому, что «мѣсяцы въ мѣсяцесловѣ названы по жидовски русскими буквами». Мы не называемъ «Лексиса», обыкновеннаго словарчика, «*украинскимъ* азбуковникомъ», какъ это дѣлаетъ о. архимандритъ, потому что *азбуковники* были нѣчто другое,—скорѣе слабыя попытки энциклопедическо-филологическихъ словарей. Едва-ли не самый цѣнный документъ во всей книгѣ,—это «Слово на Сошествіе Св. Духа св. Димитрія Ростовскаго, произнесенное въ кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1693 году, «на украинскомъ нарѣчіи». Нельзя не пожалѣть, что изъ сборника г. Титова, откуда взято «Слово», не напечатаны остальныя малорусскія проповѣди св. Димитрія, которыхъ тамъ числомъ 5. «Слово на Сошествіе св. Духа» помѣщено г. Барсовымъ въ книгѣ «Чтеній», «какъ образецъ литературнаго южно-русскаго языка XVII вѣка», и то съ замѣчаніемъ, что при сравненіи великорусскихъ проповѣдей св. Димитрія съ его-же малорусскими, первыя выгодно отличаются отъ послѣднихъ «простотою, ясностью

дутъ, все караулъ отъ караула кричатъ и окликаютъ: кто идетъ? Зѣло опасно блюдутъ сей градъ; да подобе блюсти: прямой замокъ московскому государству». (Сборн. мат., отд. 2, стр. 119).

мыслей и художествомъ выраженiй». Не говоря уже о томъ, что почтенный ученый забылъ на этотъ разъ, что ясное и простое въ одной сферѣ можетъ оказаться запутаннымъ и сбивчивымъ въ другой и что слѣдовательно рѣчи Димитрiя Ростовскаго на разныхъ нарѣчiяхъ--вещи несоизмѣримыя (ибо нельзя-же называть запутаннымъ то, къ чему не привыкло современное ухо), не говоря далѣе про то, что св. Димитрiй впослѣдствiи усвоилъ не великорусское нарѣчiе, а тотъ «высокiй штиль», про который трактуетъ впослѣдствiи Ломоносовъ въ извѣстномъ разсужденiи о пользѣ книгъ церковныхъ,—не говоря про все это, достаточно мелькомъ пробѣжать напечатанную рѣчь, чтобы видѣть, что она и картинностью отличается, и даетъ цѣнныя религiозно бытовыя указанiя, стало быть имѣетъ историческое значенiе. Такъ какъ наша замѣтка и безъ того приняла размѣръ больший, чѣмъ слѣдуетъ, то мы ограничимся только двумя примѣрами для доказательства того и другаго. Объясняя напр., въ чемъ должно состоять сыновнее почтенiе людей къ Богу Отцу, проповѣдникъ говоритъ: «а у людей той (изъ) сыновъ пана отца своего чтитъ, который не смѣетъ при немъ усѣсти, але стоитъ предъ нимъ учтиве, шапочку знявши, по словенску мовячи—благоговѣйно; таковымъ кшталтомъ чтятъ Бога Отца старши его сынове, святыи ангелы»... «Или при толкованiи словъ *акцiя и контемпляцiя* объясняется, что *праца (акцыя)* состоитъ «въ коленопреклоненiи, въ руку воздѣянiи, *въ крестообразномъ на землю упанью*» (krzyżem leżeć). Въ виду сказаннаго, весьма было-бы желательно видѣть въ печати и остальныя малорусскiя проповѣди св. Димитрiя.

Остальные отдѣлы можно пройти молчанiемъ, потому что въ нихъ или помѣщаются отрывки большихъ сочиненiй, какъ въ III и IV, не дающiе понятiя о цѣломъ, или менѣе цѣнные историческiе документы, какъ въ отдѣлѣ смѣси. Въ заключенiе пожелаемъ московскому изданiю большей аккуратности въ перепискѣ старыхъ бумагъ и корректированiи ихъ въ печати, такъ какъ въ настоящемъ томѣ встрѣчается огромное число недосмотровъ переписчика и опечатокъ, совершенно портящихъ научное значенiе печатаемыхъ матерiаловъ.

Ѳ. Н.

Dr. H. Michow. Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geografie (Mit drei Karten und einer Skizzer). Hamburg. 1884—91. (Древнѣйшія карты Россіи, докладъ до исторической географіи въ трехъ картахъ и въ одномъ очеркѣ, Гамбургъ. 1885—91).

Восточная европейская равнина, населенная русскимъ народомъ, долго была въ полномъ смыслѣ terra incognita для Запада. Причиной этому были неблагопріятныя условія, въ которыхъ находились русскія княжества впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Кровавыя междоусобія и послѣдовавшее за ними монгольское иго не давали возможности подумать о чемъ иномъ, кромѣ самообороны отъ насильниковъ—своихъ и бусурманъ. О стремленіи къ лучшему во внутренней жизни, объ участіи въ международныхъ европейскихъ сношеніяхъ, о приданіи своей странѣ политическаго значенія—для чего потребовалось-бы общеніе съ Западомъ—между современниками этихъ мрачныхъ эпохъ въ исторіи русскаго народа не могло быть и рѣчи. Западно-европейскіе-же народы, не нуждавшіеся въ обитателяхъ сѣверо-востока Европы, мало ими интересовались, тѣмъ болѣе, что на Западѣ составилось самое фантастическое представленіе о нихъ, какъ о какихъ-то дикаряхъ, попасть къ которымъ значило обречь себя на гибель; а такъ какъ русскіе не показывались на Западѣ и своимъ появленіемъ не разсѣевали ходившихъ тамъ ложныхъ слуховъ, то западно-европейцы боялись даже помыслить о поѣздкѣ на «дикій сѣверъ». Только случайно изъ любопытства заходили туда смѣльчаки, какъ напримѣръ рыцарь Николай Поппель, явившійся въ Москвѣ въ 1486 г. съ письмомъ императора Фридриха III, безъ опредѣленнаго порученія; по его собственнымъ словамъ, онъ сдѣлалъ этотъ рискъ изъ любопытства: «я видѣлъ столько странъ и городовъ, что мнѣ хотѣлось ознакомиться и съ русской страною»[1].

Географическія познанія о сѣверо-восточной европейской равнинѣ, которыми, кстати сказать, и теперь не могутъ похвалиться западно-европейскіе народы, въ особенности французы, были микроскопическія.

Начиная съ послѣдняго десятилѣтія XV в., освободившіеся отъ монгольскаго ига русскіе завязываютъ довольно оживленныя дипломатическія сношенія съ Западомъ. Естественно, что вмѣстѣ съ этимъ постепенно разростается кругъ свѣдѣній о нихъ на Западѣ.

Первое болѣе основательное историко-географическое ознакомленіе Запада съ территоріей, заселенной русскимъ народомъ, относятъ ко вре-

[1]) H. Michow, l. c. 7.

мени появленія труда извѣстнаго рыцаря Сигизмунда фонъ-Герберштейна, цесарскаго посланника въ Москвѣ въ 1516 г., издавшаго въ 1549 г. въ Вѣнѣ in f-o свое сочиненіе: «Rerum Moscovitarum commentarii» съ географической картой. Эта карта была первой картой русской земли, какую только знаетъ наука землевѣдѣнія [1]).

Извѣстный французскій географъ, Vivien de Saint-Martin, говоритъ, что описаніе русской земли Сигизмунда Герберштейна есть первое, какое только имѣлъ Западъ, а приложенная карта—первый опытъ графическаго изображенія сѣверо-восточной европейской равнины [2]).

Свѣдѣнія сообщаемыя Герберштейномъ подвергнуты основательному разбору въ трудѣ петербургскаго профессора Замысловскаго, помѣщавшемся сначала въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», а потомъ вышедшемъ отдѣльной книгой [3]).

Но Герберштейнъ скромно признается, что онъ имѣлъ предшественниковъ въ описаніи русской земли и поименовываетъ ихъ во введеніи къ своему труду.

Авторъ заинтересовавшей насъ книги, dr H. Michow, задался мыслію отыскать труды этихъ предшественниковъ Герберштейна въ области русской географіи и провѣрить сообщаемыя ими свѣдѣнія, которую и выполнилъ съ успѣхомъ. Онъ останавливается на Себастіанѣ Мюнстерѣ, Антонѣ Видѣ и Павлѣ Іовіи.

По части географіи южной Россіи мы находимъ у нихъ очень мало свѣдѣній. Вотъ все, что можно ихъ нихъ почерпнуть: на картѣ (1544 г.) Себастіана Мюнстера помѣщенъ на р. Днѣпрѣ (Néper) только одинъ Кіевъ (Kioff); изъ притоковъ Днѣпра упомянута только Десна (Desna), на сѣверъ отъ Десны указанъ Почепъ [4]) (Potzap). У Антонія Вида (карта издана въ 1555 г., но составленіе ея нужно отнести къ гораздо болѣе раннему времени) указаны въ области р. Днѣпра (Nepper): Кіевъ (Kioff), Почепъ (Potzap), Стародубъ (Staridob), Черниговъ (Szerniho), Новгородъ-Сѣверскъ (Nouigrad Siderszki). Антоній Вида снабдилъ топографическимъ матеріаломъ бывшій окольничій Иванъ Лятцкій, бѣжавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ княземъ Симеономъ Бѣльскимъ къ королю польскому Сигизмунду

[1]) O. Peschel. Geschichte der Erdkunde. Ed. 2 von S. Kuge. München. 1848, стр. 318.

[2]) Vivien de Saint-Martin. Histoire de la géographie et des découvertes géographiques. Paris. 1873, стр. 379.

[3]) Е. Замысловскій, Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи XIV-го вѣка. Спб. 1884 г. in 8°.

[4]) М. Почепъ—нынѣ мглинскаго уѣзда, черниговской губерніи.

послѣ смерти (1533 г.) великаго князя Василія Іоанновича, во время правленія великой княгини Елены, матери Іоанна IV [1]). Сигизмундъ думалъ воспользоваться малолѣтствомъ Іоанна IV, чтобы возвратить прежде отнятыя Москвой у Польши области. Военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ и Лятцкій, происходили въ области Десны, Днѣпра и верхняго теченія западной Двины, оттого Лятцкій и могъ сообщить Антону Виду топографическій матеріалъ. На картѣ (1525 г.) Павла Іовія, или, какъ предполагаетъ d-r Michow, собственно Баптиста Аноезе, на сѣверъ отъ Дуная помѣщена подольская земля (Podolia); у устья Днѣпра указаны два города—находящійся на правомъ берегу названъ Ганане (?); изъ притоковъ Днѣпра указаны: Psola (Псёлъ), Arela (Орель).

Герберштейнъ тоже упоминаетъ: Potzap, Staridob и Czernigow.

Описанія и карты русской земли, упомянутыя нами, были переведены на многіе европейскіе языки и не разъ издавались, такъ какъ представляли едва-ли не все то, откуда можно было почерпнуть географическія свѣдѣнія о русской землѣ.

N. S.

Ив. Франко.—Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатскои Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.

Въ дѣлѣ развитія историческаго самосознанія исторической беллетристикѣ суждена не маловажная роль. Будучи доступною той массѣ, которая не привыкла къ дѣловитости и строгости ученыхъ трудовъ и еще менѣе къ наивному и энигматическому языку первоисточниковъ, она даетъ не сводъ «сухихъ» фактовъ, не послѣдованіе вырванныхъ у прошлаго свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ, а приподнимаетъ завѣсу, за которой видиѣется вся совокупность жизни даннаго времени, вводитъ въ кругъ живыхъ людей той или другой эпохи. Безъ сомнѣнія очень часто «исторической» она бываетъ только по имени. Ея герои напоминаютъ столько-же своихъ былыхъ прототиповъ, какъ маскарадный рыцарь напоминаетъ настоящаго. Но въ рукахъ писателя талантливаго и добросовѣстнаго, изучившаго прошлое научнымъ путемъ и постигнувшаго его поэтическимъ проникновеніемъ, историческая повѣсть можетъ стать великой силой. Нигдѣ, однако, роль ея не можетъ быть столь значительной, какъ въ литературахъ молодыхъ, какъ въ обществахъ

[1]) Карамзинъ. Ист. госуд. рос., т. VIII, гл. 1, стр. 9. Изданіе Эйнерлинга. Спб. 1842 года.

странъ, переживающихъ эпоху культурнаго и политическаго возрожденія. Въ литературѣ родной намъ, возрождающейся Галиціи историческая поэзія еще не имѣла виднаго представителя. Доселѣ галицкіе авторы разрабатывали преимущественно историческую драму. Но, при всей симпатіи къ дѣятельности и цѣлямъ этихъ авторовъ, трудно было побороть въ себѣ возбуждаемое чтеніемъ ихъ произведеній чувство тоски. Дѣло въ томъ, что драма, вся основанная на рисовкѣ отдѣльныхъ лицъ и характеровъ и на взаимныхъ ихъ коллизіяхъ, едва-ли возможна изъ эпохъ отдаленныхъ, если она не задается изображеніемъ общечеловѣческихъ чертъ и страстей. А галицкіе авторы именно излюбили сѣдую древность. Какъ очертанія отдѣльныхъ предметовъ на извѣстномъ разстояніи, такъ и облики отдѣльныхъ лицъ во времени сливаются и скрадываются, и глазъ можетъ угадывать только общіе признаки, массовые контуры. Въ этомъ отношеніи форма романа гораздо благодарнѣе. Рисуя эпоху, извѣстный строй жизни, такой или иной фазисъ и типъ народнаго развитія, романистъ изображеніемъ общихъ чертъ времени сообщаетъ колоритъ эпохи своимъ героямъ, представленнымъ въ приблизительно намѣченныхъ и скорѣе угаданныхъ, чѣмъ изученныхъ образахъ. Широкія рамки романа, не принуждая писателя держаться одной только психологической области, допускаютъ всѣ виды воспроизведенія жизни и позволяютъ автору обставить свой вымыселъ какъ солиднымъ оружіемъ, взятымъ изъ кладовыхъ науки, такъ и болѣе легкимъ, добытымъ изъ творческаго воображенія.

Названная выше книга молодого писателя г. Франка является въ галицкой литературѣ прекраснымъ опытомъ. Не смотря на отдаленность времени дѣйствія, повѣсть полна живого интереса. Авторъ взялъ одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Червоной Руси—время Даніила Романовича. Изображеніе сельскаго общиннаго быта, съ его правдою и младенчески патріархальными порядками, распространеніе губительнаго боярскаго вліянія и ужасное народное бѣдствіе—нашествіе монголовъ—таковы главные мотивы повѣствованія. Общинные порядки и типы того далекаго вѣка занимаютъ центръ картины и изображены съ большою любовью. «Злая доля, говоритъ авторъ, издѣвалась вѣка надъ нашимъ народомъ. Тяжелые удары подкосили его благосостояніе, нужда сломила его могучую, свободную постать. И теперь только смутныя воспоминанія напоминаютъ правнукамъ о далекомъ, счастливомъ житьѣ предковъ. Но мысль поэта летитъ въ тѣ давніе часы и воскрешаетъ давнихъ людей. И у кого чистое сердце и истинно-человѣческое чувство, тотъ въ нихъ увидитъ своихъ братьевъ, живыхъ людей, а въ ихъ жизни, хоть и столь

не похожей на нашу, увидитъ кое что такое, чего можно-бы пожелать и нашему «культурному» вѣку».

Дѣйствіе начинается весною 1241 года. Бояринъ Тугаръ Вовкъ, вновь прибывшій въ горную тухольскую околицу, охотится на медвѣдей съ обывателями Тухли. Обокъ съ нимъ, не уступая никому изъ охотниковъ ни въ ловкости, ни въ отвагѣ, идетъ его дочь—Мирослава. Въ главѣ тухольскихъ охотниковъ шествуетъ молодой горецъ Максимъ, неустрашимый и достойный сынъ главы тухольской общины, 90-лѣтняго мудреца Захара Беркута. На этой охотѣ молодые люди видятся въ первый разъ и тутъ-же, среди опасностей и на краю смерти, зарождается ихъ любовь. Максимъ спасаетъ жизнь Мирославѣ, неосторожно отставшей отъ охотниковъ и вступившей въ единоборство съ медвѣдицей. Такова экспозиція романа.

Своебразность изображаемаго міра и свѣжесть письма пріятно дѣйствуютъ съ первыхъ двухъ его главъ. Въ третьей главѣ это впечатлѣніе усиливается. На сценѣ общинная рада и изображеніе порядковъ общиннаго быта. Руководитъ радою умудренный жизнію, но чистый душею, какъ голубь, беззавѣтно преданный общему благу, старый Беркутъ. Бояринъ является на раду и заявляетъ свои притязанія на господство въ общинѣ и свои требованія подчиненія. Рада встрѣчаетъ эти заявленія крайне враждебно, а когда, какъ аргументъ въ свою пользу, Тугаръ Вовкъ приводитъ то, что онъ проливалъ кровь за народъ, изъ толпы выступаетъ безрукій человѣкъ, при видѣ котораго бояринъ мѣняется въ лицѣ. Этотъ человѣкъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Вовкъ измѣнилъ своимъ и предалъ ихъ въ битвѣ при Калкѣ. Зато князь Даніилъ, ненавидѣвшій его, но боявшійся, какъ всѣхъ подкапывавшихся подъ него бояръ, усылалъ его въ дальнюю Тухлю. Бояринъ убиваетъ безрукаго человѣка, прежде чѣмъ тотъ успѣваетъ открыть все громадѣ. Послѣ этого онъ бѣжитъ изъ Тухли, увлекая за собой и дочь и пристаетъ къ монголамъ, о приближеніи которыхъ уже носились тревожные слухи. Съ небольшимъ отрядомъ монголовъ онъ нападаетъ на село въ то время, когда тухлинская молодежь, съ Максимомъ во главѣ, уничтожала его жилище и разбирала его домъ. Одного Максима щадили стрѣлы, вслѣдствіе слова, даннаго бояриномъ дочери. Онъ становится плѣнникомъ монголовъ. Взбѣшенный бояринъ, потерявшій почти весь свой отрядъ, возвращается къ монгольскому табору и уговариваетъ полководца Бурундая идти на Тухлю, обѣщая указать ему тамъ проходъ черезъ горы. Приводимъ картину одного изъ эпизодовъ нашествія варваровъ, чтобъ познакомить съ манерой автора.

„Монголы! Монголы!—и вслѣдъ за тѣмъ прибѣжали сторожевые люди, крича, что монголы въ безчисленномъ количествѣ показались въ долинѣ надъ Опоромъ. Теперь приходилось рѣшать немедленно, что дѣлать и какъ защищаться? Захаръ Беркутъ еще разъ сталъ на томъ, чтобы впустить монголовъ въ тухольскую котловину и тутъ, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, вырѣзать или выморить всѣхъ до одного.

Теперь не раздавалось уже возраженій противъ этого совѣта и быстро громада рѣшилась дѣйствовать. Всѣ устремились къ своимъ хатамъ, чтобъ прятать имущество въ лѣсахъ. Воины изъ сосѣднихъ селъ двинулись сейчасъ на противоположную сторону долины, чтобъ сдѣлать въ выходѣ изъ нея засѣки и не дать монголамъ туда пройдти. Страшный переполохъ сдѣлался въ селѣ. Крики, разсказы, расспросы, ревъ воловъ и скрипъ деревянныхъ двухколесныхъ телѣгъ раздавались со всѣхъ концовъ, наполняя воздухъ какимъ-то стономъ, отдававшимся эхомъ въ горахъ. Съ тоской прощались тухольцы съ своими хатами, подворьями и огородами, съ засѣянными нивами, которыя сегодня же долженъ былъ истребить и вытоптать страшный наплывъ монголовъ. Матери несли на рукахъ и вели своихъ плачущихъ дѣтей, отцы гнали скотъ, везли на телѣгахъ домашніе пожитки, мѣшки съ хлѣбомъ, одежу; облака пыли стояли надъ селомъ. Только горный потокъ шумѣлъ, какъ и всегда, серебряной волною.

Уже совсѣмъ опустѣло село. Хаты потонули въ вечернемъ туманѣ. Пыль улеглась на дорогѣ. Замолкли голоса и крики, какъ будто въ этой долинѣ никогда и не было жизни. Солнце садилось за тухольскія горы, утопая въ легкихъ, красноватыхъ облакахъ. Темные сосновые лѣса, окружавшіе Тухлю, шептали тихо, таинственно, какъ будто бесѣдовали о какой-то зловѣщей новости. Только земля, неизвѣстно почему, глухо стонала какъ-бы отъ отдаленнаго топоту. Въ воздухѣ, хоть чистомъ и ясномъ, переливались какіе-то необычайные, смѣшанные звуки, отъ которыхъ дрожь пронимала самаго смѣлаго. А далеко-далеко въ лѣсахъ, въ глубокихъ, темныхъ ярахъ, въ недоступныхъ чащахъ выли волки, отрывисто лаяли лисицы, блеяли олени, рычали туры. А въ селѣ такъ тихо, такъ мертво! А на небѣ такъ ясно и спокойно! Но нѣтъ! Вотъ свѣтъ потемнѣлъ отъ какой-то черной тучи. Эта живая туча сплошною массою движется съ запада, оглашая воздухъ дикимъ карканьемъ и спускаясь надъ Тухлей. Это вѣстники и неотступные спутники орды—хищные вороны тянутся безчисленными стадами, чуя поживу. Зловѣщее пернатое ополченіе билось въ воздухѣ, разрывалось огромными чорными платками и металось, какъ мечутся тучи передъ бурей. Мирныя кровли тухольскихъ хатъ въ одинъ мигъ покрылись чорными гостями и ихъ неумолчный клекотъ раздавался, какъ кипѣнье воды въ какомъ-то гигантскомъ котлѣ. Безъ словъ, неподвижно стояли тухольцы надъ обрывистыми берегами своей котловины, смотрѣли на отвратительныхъ птицъ и проклинали въ душѣ тѣхъ вѣщуновъ смерти и разоренія.

Но вотъ видъ измѣнился. Какъ вода, прорвавъ плотину, такъ начали вливаться въ котловину массы темнолицыхъ воиновъ, съ страшнымъ крикомъ. Ряды тѣснились за рядами, безъ конца и краю. Какъ вода внизу водопада, такъ остановили ь они, вышедши изъ тѣснины и стали устанавливаться въ длинные ряды, двигаясь свободно и заливая пустую равнину. Впереди всѣхъ, дорогою, ѣхалъ на бѣломъ конѣ огромный великанъ—Бурундай-богадырь, а рядомъ съ нимъ меньшій всадникъ, Тугаръ Волкъ.

Опустѣлая Тухля разсвирѣпѣлыми хищниками была предана пламени и сравнена съ землей. Закованный въ цѣпи Максимъ сидѣлъ на сельской улицѣ во время пожара. Предъ нимъ горѣла его родная хата. Между тѣмъ Мирослава, еще до вторичнаго нападенія монголовъ на Тухлю, будучи не въ состояніи больше оставаться въ монгольскомъ лагерѣ съ измѣнникомъ-отцомъ и пользуясь правомъ свободнаго прохода черезъ кордонъ, бѣжала къ тухольцамъ. Здѣсь она принесла Захару Беркуту вѣсть о томъ, что сынъ его живъ. Старикъ, относившійся къ ней сперва недовѣрчиво, побѣжденъ былъ ея самоотверженіемъ, храбростью и умомъ. Когда завязалась битва съ монголами, Мирослава совѣтами, указаніями и личной дѣятельностью принесла великую пользу тухольцамъ. По ея наставленіямъ, ночью, устроены были изъ наскоро срубленныхъ деревьевъ метательныя орудія, осыпавшія камнями стоявшихъ въ долинѣ варваровъ. Но безпримѣрный успѣхъ выпалъ на долю тухольцевъ, благодаря мудрости Захара. По его совѣту заваленъ былъ каменными глыбами выходъ изъ котловины, и вода горнаго потока, не имѣя болѣе выхода, стала заливать долину, затопляя стоявшее на ней монгольское войско. Залитое водой и осыпаемое сверху камнями, погибло полчище Бурундая. На глыбѣ камней, по поясъ въ водѣ, стоялъ еще самъ предводитель, съ сотней воиновъ, между которыми былъ Тугаръ Вовкъ и плѣнный Максимъ. Его щадили до сихъ поръ, надѣясь цѣною его выдачи купить у тухольцевъ право спасенія хотя остатками войска. Но Захаръ Беркутъ отвергъ такую сдѣлку, рѣшившись лучше пожертвовать сыномъ, чѣмъ оставить горсть готовыхъ къ мести враговъ. Уже мечъ Бурундая занесся надъ головой плѣнника, но Тугаръ Вовкъ отрубилъ руку монгола. И Бурундай и Максимъ исчезли подъ водой. Прибывшіе на импровизированномъ плоту тухольцы спасли вынырнувшаго изъ воды монгольскаго плѣнника. Максимъ съ торжествомъ отведенъ былъ къ своимъ, къ потрясенному и умирающему отцу, гдѣ,—нужно-ли прибавлять?—испросилъ его благословенія на бракъ съ Мирославой. Старикъ не перенесъ погибели родного села, волненій и бѣдствій этой ужасной ночи. Онъ умеръ въ тотъ-же день на рукахъ дѣтей, обращаясь къ односельцамъ съ словами возвышеннаго напутствія. Вотъ эти слова, заключающія въ себѣ «мораль» разсказа:

„Братья! сегодняшняя наша побѣда имѣетъ для насъ великое значеніе. Чѣмъ мы побѣдили? Только-ли нашимъ оружіемъ? Нѣтъ. Одною-ли нашей хитростью? Тоже нѣтъ. Мы побѣдили нашимъ общественнымъ согласіемъ, единодушіемъ и дружностью дѣйствій. Не забывайте этого никогда! Пока будемъ жить въ общемъ согласіи, дружно держаться вмѣстѣ, несокрушимо стоять всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, до тѣхъ поръ никакая вражеская сила не побѣдитъ васъ. Но я знаю, братья, и чуетъ это душа моя,

что то не былъ послѣдній ударъ на нашу общинную твердыню, что за нимъ послѣдують другіе и разобьють въ концѣ концовъ нашу общину. Для нашего народа настануть тяжелыя времена. Отстранится братъ отъ брата, отмежуется сынъ отъ отца и начнутся великія междоусобія и раздоры въ русской землѣ и сокрушать они силу народную и попадетъ тогда народъ въ неволю чужимъ и своимъ собственнымъ грабителямъ, которые сдѣлають изъ него покорнаго раба своихъ прихотей и рабочую скотину. Но среди тѣхъ невзгодъ вспомнитъ народъ свой давній общинный быть, и благо ему будетъ, если во время и быстро вспомнитъ онъ о немъ: это избавитъ его отъ цѣлаго моря слезъ и крови, отъ цѣлыхъ столѣтій неволи. Но рано или поздно онъ вспомнитъ непремѣнно жизнь своихъ предковъ и захочетъ пойти ихъ путемъ. Счастливъ тотъ, кому суждено будетъ жить въ тѣ дни! Это будутъ дни прекрасной весны, дни народнаго возрожденія!".

«Съ того времени, кончаетъ свою повѣсть г. Франко, многое измѣнилось. Но въ точности сбылись предсказанія стараго общинника. Великія напасти грозовыми тучами пронеслись надъ русскою землей. Давній общинный бытъ давно преданъ забвенію и казалось-бы похороненъ. Такъ нѣтъ-же! Не нашимъ-ли днямъ суждено видѣть, какъ онъ оживаетъ вновь? Не живемъ-ли мы въ ту счастливую пору возрожденія, о которой говорилъ умирающій Захаръ? О, пусть наше время будетъ хоть предразсвѣтными часами той счастливой поры!»

Мы по возможности подробно и близко изложили произведеніе молодого галицкаго писателя, такъ какъ, во первыхъ, съ талантомъ его у насъ совсѣмъ еще не знакомы, а во вторыхъ въ такомъ детальномъ изложеніи могутъ стать болѣе замѣтными какъ сильныя, такъ и слабыя стороны романа. Слабою частью надо признать нѣкоторую искуственность въ развитіи фабулы. Событія являются немного по щучьему велѣнію, какъ deus ex machina, и благополучный случай ждетъ непремѣнно героевъ въ самую критическую минуту. Подчасъ просвѣчиваетъ и даетъ себя чувствовать «мораль», тамъ гдѣ достаточно было-бы голоса однихъ художественныхъ образовъ. Но эти недостатки выкупаются симпатичностью всего замысла, оригинальностью и неподдѣльной поэзіей нѣкоторыхъ мѣстъ разсказа. Какъ на самыя сильныя страницы, можно указать на приведенный уже эпизодъ вторженія монголовъ и послѣдующій за нимъ пожаръ Тухли и на сцену языческаго моленія Захара, на разсвѣтѣ, передъ рѣшительной битвой. Эта сторона борьбы стародавнихъ языческихъ понятій съ новыми, христіанскими, изображена вообще еще очень своеобразно. Захаръ, человѣкъ стараго вѣка, остается еще поклонникомъ силъ природы и шлетъ свою молитву къ солнцу, Дажьбогу,—источнику жизни. Образъ старого общинника наиболѣе удался автору и отъ него вѣетъ эпическимъ величіемъ.

Рисуя общинный строй и общую картину времени, г. Франко не стремится къ фактической точности и беретъ своими героями лицъ вымышленныхъ. Проводниками писателя въ тѣ давніе вѣка могли быть только народныя преданія и безхитростныя слова галицко-волынскаго лѣтописца. Страницы ипатьевской лѣтописи, полныя горячаго патріотизма и чувства, нашли въ душѣ романиста живой отголосокъ. Онъ ненавидитъ отвратительныхъ прошлыхъ хищниковъ не меньше своего древняго предшественника. «О злѣе зла честь татарская!» готовъ онъ воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ-же съ нимъ покарать горячимъ словомъ крамолы, бывшія «въ безбожныхъ боярѣхъ Галицкыхъ». Мотивъ борьбы боярства съ народомъ—не выдуманный, это историческій фактъ, гибельно отразившійся на судьбѣ юго-западной Руси на самой зарѣ ея историческаго существованія. Тамъ ранѣе всего сталъ образовываться туземный, мѣстный классъ угнетателей народа. «Здѣсь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, прорывалось уже начало того панства, которое подъ польскимъ владычествомъ охватило страну и, противупоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ея на борьбу въ лицѣ козачества». Начавшись при Ярославѣ Осмомыслѣ и при Романѣ Мстиславовичѣ, боярская «крамола» усилилась особенно при Даніилѣ и на борьбу съ собой отвлекла силы этого князя, который при другихъ условіяхъ сдѣлалъ-бы, можетъ быть, болѣе для будущности своей страны и народа, такъ какъ былъ человѣкомъ рѣшительно выдающимся по уму и достоинствамъ, «бѣ бо, какъ говоритъ лѣтописецъ, дерзъ и хоборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока». Имя главнаго монгольскаго предводителя, названнаго въ разсказѣ г. Франко Бурундаемъ, принадлежитъ дѣйствительно историческому лицу, предводителю позднѣйшаго монгольскаго нашествія. Авторъ или взялъ Бурундая изъ народной легенды, всегда склонной къ вольному обращенію съ хронологіей, или назвалъ тѣмъ-же именемъ начальника какого-нибудь частнаго монгольскаго отряда. Лѣтописный Бурундай остался непобѣжденнымъ и верховодилъ въ галицко-волынской землѣ, заставляя самихъ князей разрушать города. Такъ, по его приказанію, княземъ Василькомъ былъ разрушенъ городъ Володимеръ. Онъ былъ начальникомъ нашествія 1229 года.

Нельзя въ заключеніе не обратить вниманія на хорошій языкъ повѣсти г. Франко, какимъ вообще не особенно избаловали насъ галицкіе писатели. Онъ очень близокъ къ малорусской литературной рѣчи, если

не считать небольшаго количества мѣстныхъ словъ и нѣкоторыхъ особенностей. Къ этимъ вполнѣ законнымъ особенностямъ привыкаешь, впрочемъ, скоро и не потому только, что ко всему привыкнуть можно, но потому, что въ этомъ говорѣ, столь близкомъ къ украинскому, встрѣчаешь ту-же звуковую прелесть простонародной, «на лонѣ природы» выросшей рѣчи.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

РУССКАЯ СВЯТЫНЯ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ.

Въ столицѣ папства, въ Римѣ, въ церкви св. Петра хранится таинственный образъ Спасителя. Никому онъ не доступенъ, никто его не видитъ и только три дня въ году,—въ среду, четвергъ и пятницу страстной недѣли, образъ этотъ выставляютъ для поклоненія молящимся, но... съ высоты подкупольнаго балкона. «Вблизи, говоритъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ по Риму, никто, кромѣ членовъ соборнаго причта, не можетъ видѣть этого образа. Даже вѣнценосцы западные не иначе были допускаемы до цѣлованія этой иконы, какъ по предварительномъ возведеніи ихъ въ санъ канониковъ св. Петра. Видѣвшіе-же этотъ образъ въ тѣ дни, въ которые его показываютъ, единогласно утверждаютъ, что сколько они ни напрягали свое зрѣніе, не могли, даже при помощи увеличительныхъ стеколъ, разглядѣть что либо, кромѣ какого-то чернаго пятна. А члены соборнаго причта, когда обращаются къ нимъ за разъясненіями относительно лика Спасителя на этомъ образѣ, обыкновенно отвѣчаютъ, что они не разсматривали его вблизи»[1]).

Что-же это за таинственный образъ?

Въ эстампныхъ магазинахъ Рима продаются, по весьма не дорогой цѣнѣ, литографированные, различной величины, снимки съ него, а къ каждому снимку дается печатное на латинскомъ языкѣ,

---

1) Путеводитель по Риму, Вл. Мордвинова, 1875 г., стр. 36—37

за подписью одного изъ членовъ соборнаго причта, удостовѣреніе въ томъ, что снимокъ дѣйствительно сходенъ съ подлинникомъ, который называется изображеніемъ Спасителя, даннымъ отъ него св. Веронинкѣ. Но это названіе въ свою очередь требуетъ объясненія. Надо сказать, что въ христіанской церкви съ первыхъ вѣковъ существовало преданіе о такъ называемомъ у насъ *нерукотворенномъ* образѣ Іисуса Христа, т. е. не писанномъ кистью художника, а чудесно отпечатлѣвшемся на холстѣ, которое Спаситель приложилъ къ своему лицу. По римскому преданію это изображеніе явилось такимъ образомъ. Когда Іисуса Христа вели на Голгофу для распятія и Онъ, изнемогая подъ тяжестію креста, обливался потомъ, шедшая въ толпѣ одна сострадательная дѣвица, по имени Вероника, подала Ему свой платокъ, чтобы Онъ могъ отереть потъ, крупными каплями катившійся съ Его божественнаго лица. Спаситель отеръ потъ и возвратилъ платокъ, но на платкѣ Вероника увидѣла изображеніе лица божественнаго Страдальца. Иначе получилось это изображеніе по преданію восточной церкви. Современный Іисусу Христу едесскій царь Авгарь, слышавшій много о Его чудесахъ, пожелалъ списать съ Него портретъ и для того прислалъ къ Нему живописца. Живописецъ явился съ кистями, красками и холстомъ и объяснивъ, отъ кого и за чѣмъ присланъ, просилъ позволенія приступить къ работѣ. Спаситель взялъ холстъ, приложилъ къ своему лицу и отдалъ назадъ живописцу для передачи царю Авгарю. На холстѣ оказалось точное изображеніе Его лица. Какъ извѣстно, православная церковь ежегодно, 16 августа, празднуетъ память объ этомъ чудесномъ событіи и самомъ образѣ.

Напоминаетъ-ли собою то или другое преданіе окруженный таинственностью образъ Спасителя въ римскомъ соборѣ св. Петра?

Этого образа никто, какъ сказано выше, не видѣлъ и видѣть не можетъ; но есть копія съ него, притомъ очень древняя. Объ этой-то копіи мы нашли любопытныя свѣдѣнія въ одномъ старинномъ французскомъ изданіи половины XVIII ст., заключающемъ въ себѣ описаніе городовъ, королевскихъ дворцовъ, замковъ и болѣе замѣчательныхъ памятниковъ Франціи [1]. По тому, что говорится здѣсь о копіи, легко разгадать и самый подлинникъ, такъ тща-

[1] Nouvelle Description de la France. Paris. 1753. T. I, pag. 427—430.

тельно скрываемый служителями Ватикана. Передадимъ вкратцѣ сообщеніе автора указаннаго описанія.

Въ женскомъ монастырѣ, называемомъ Montreuil-les-Dames, близъ г. Лаона ¹), у подошвы горы, на которой расположенъ этотъ городъ, славится убрусъ или платъ св. Вероники съ ликомъ Спасителя, привлекающій множество богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ. По мѣстному преданію подлинникъ этого изображенія на убрусѣ или на платѣ изъ Іерусалима принесенъ въ Римъ, гдѣ находится и нынѣ въ храмѣ св. Петра, а копія съ него, хранящаяся въ монастырѣ Montreuil-les-Dames, дана сюда въ 1246 году папою Урбаномъ IV, въ бытность его еще архидіакономъ Лаонскимъ и капелланомъ папы Иннокентія IV. Въ верхней части этого образа начертаны буквы I. C., X. C., которыя означаютъ *Іисусъ Христосъ*, а въ нижней виднѣется надпись, надъ прочтеніемъ которой долго и тщетно трудились многіе ученые. Патеръ Мобилльонъ, сообщая объ этой надписи въ одномъ изъ своихъ сочиненій, сознался, что характеръ ея письменъ остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ онъ полагалъ, что здѣсь начертано слово *Abrasax*, употреблявшееся на талисманахъ или филактерахъ. Другой славный своею ученостію писатель, изслѣдовавъ эту надпись въ 1707 году, нашелъ, что это греческій спондаическій стихъ, но спустя 10 лѣтъ послѣ этого призналъ, что это стихъ гекзаметра. Кармъ Дешоссэ (Carme Déchausse'), получившій названіе почетнаго патера св. Маріи, во 2 томѣ своихъ изслѣдованій о правилахъ критики помѣстилъ цѣлое разсужденіе объ этомъ изображеніи Спасителя и пришелъ наконецъ къ заключенію, что находящаяся на немъ надпись не греческая, а славянская. Такое свое мнѣніе этотъ ученый подкрѣплялъ отзывами москвитянъ, къ которымъ онъ обращался по сему предмету. Но авторитетъ ихъ не признанъ достаточнымъ для рѣшенія даннаго вопроса. Сомнѣніе ученыхъ оставалось-бы надолго еще неразрѣшеннымъ, если-бы не прибылъ въ Парижъ русскій царь Петръ Великій. Почтенный патеръ de S. Marie чрезъ маршала де Мессъ обратился тогда къ сопровождавшему царя князю Куракину съ просьбой взглянуть на мѣстно чтимый св. ликъ Спасителя и сказать, дѣй-

¹) *Лаонъ — Laon*, въ древности *Lugdunum Clavatum* — епископскій городъ, былъ нѣкогда главнымъ городомъ Пикардіи.

ствительно-ли буквы, находящіяся на немъ, могутъ быть признаны за славянскія и что они означаютъ. Князь, которому французскій языкъ былъ извѣстенъ почти столько-же, какъ и русскій, письменно удостовѣрилъ, что находящіяся на иконѣ слова значатъ: «Образъ Спасителя или Господа, отпечатлѣнный на платѣ», или что тоже «Образъ Вероники». Это объясненіе оказалось совершенно согласнымъ съ отвѣтомъ, даннымъ прежде почтенному патеру однимъ москвитяниномъ, а бывшій у князей Нарышкиныхъ, во время пребыванія ихъ въ Парижѣ, духовникомъ монахъ прочелъ надпись такъ: *Образъ Господень на убрусь*, что по латыни значитъ: Imago Domini in lintea. Что русскій монахъ прочелъ безошибочно, въ этомъ удостовѣряетъ представляемое здѣсь *fac simile* надписи:

ѠБРА̂ЗЪ ГСПА̂Р НА̂ ОУБРОУСѢ

Въ заключеніе своего сообщенія авторъ упомянутаго выше описанія замѣчаетъ: «если подлинникъ изображенія дѣйствительно сходенъ съ его копіей, данной папою Урбаномъ IV монастырю Монтрель, то весьма сомнительнымъ должно быть то значеніе, которое усвояется хранящемуся въ церкви св. Петра въ Римѣ изображенію лика Спасителя на холстѣ, извѣстному *il Santo Sudario* (св. убрусъ) и ни для кого недоступному, а лишь въ нѣкоторые дни выставляемому предъ народомъ съ высоты подкупольнаго балкона».

Это сказано за 130-ть съ лишнимъ лѣтъ предъ симъ и еще раньше разъяснились и всѣ недоумѣнія относительно загадочной надписи на иконѣ Спасителя въ монастырѣ Монтрель, подлинникъ которой увезенъ въ Римъ. Но не смотря на то, служители Ватикана и доселѣ окружаютъ таинственностью этотъ образъ, выдавая его за святыню 1-го христіанскаго вѣка, ежегодно десятками тысячъ распродаютъ снимки съ него и печатныя удостовѣренія въ сходствѣ его съ подлиникомъ, а самый подлинникъ прячутъ отъ всѣхъ, не давая взглянуть на него никому и лишь однажды въ годъ показывая его съ высоты, можно сказать, птичьяго полета... Не потому-ли они такъ тщательно и скрываютъ этотъ образъ, что опасаются, какъ-бы кто не примѣтилъ на немъ славянской надписи?

Что образъ этотъ славянскаго, точнѣе русскаго происхожденія. въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Кѣмъ однако и когда могъ быть занесенъ во Францію, а оттуда въ Римъ нашъ *нерукотворенный образъ Спасителя?* Съ вѣроятностью можно полагать, что это одна изъ святынь, принесенныхъ во Францію въ XI вѣкѣ нашей княжной Анной Ярославной, супругой французскаго короля Генриха 1-го; копія съ нея въ XIII вѣкѣ оставлена въ монастырѣ Монтрель, а подлинникъ увезенъ въ Римъ французскимъ прелатомъ, вступившимъ на епископскую каѳедру въ Римѣ.

СЕРБЫ ВЪ КІЕВѢ.

(1753—1754).

Въ срединѣ прошлаго столѣтія, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ явилась мысль устроить въ сѣверной окраинѣ теперешней Новороссіи военное поселеніе преимущественно изъ австрійскихъ сербовъ, также изъ болгаръ, волоховъ и пр. Какъ извѣстно, раньше другихъ вышелъ изъ Австро-Венгріи Хорватъ и съ 1752 года принялся за поселеніе своихъ полковъ въ сѣверной части нынѣшней херсонской губерніи; за нимъ послѣдовали другія партіи сербовъ, подъ командой Шевича и Прерадовича, которыя поселены въ сѣверо-восточной части екатеринославской губерніи. Сербы—колонисты слѣдовали на Кіевъ, откуда ихъ и отправляли на мѣста, предназначенныя для поселенія. Хорватъ оставался въ Кіевѣ зиму 1751 г. и отправился въ свою Новую Сербію весною 1752 г., а Шевичъ съ Прерадовичемъ провели здѣсь 1753 годъ и только въ первыхъ числахъ августа 1754 г. тронулись въ путь. Этимъ продолжительнымъ пребываніемъ Шевича и Прерадовича въ Кіевѣ объясняется документальный слѣдъ ихъ, оставшійся въ видѣ связки дѣлъ, съ которой мы познакомились, благодаря любезности А. А. Андріевскаго. Большинство документовъ связки представляютъ «доношенія» и указы касательно выдачи денежныхъ суммъ и потому не имѣетъ важности; но мы отобрали нѣсколько такихъ, которые характеризуютъ нѣкоторыя стороны внутренней жизни будущихъ колонистовъ, ихъ взаимныхъ отношеній и самый способъ ихъ отправленія. Все это—мелочи, конечно, но мелочи, не лишенныя интереса.

Поселившись въ Кіевѣ временно, въ ожиданіи передвиженія, сербы предались пресловутой славянской розни. Главнымъ поводомъ для нея было взаимное переманиваніе людей изъ одной команды въ другую, отъ чего не отставалъ и Хорватъ, хотя его въ это время не было уже въ Кіевѣ.

Прерадовичъ переманилъ у Шевича троихъ гусаръ; тотъ жаловался военной коллегіи; военная коллегія приказала, чтобы Прерадовичъ возвратилъ гусаръ по принадлежности и чтобы впередъ чужихъ людей не переманивалъ, потому что такіе за нимъ зачисляемы не будутъ, а старался-бы комплектовать свою команду вызовомъ изъ-за границы (16 ноября 1753 г.).

Но оказывались безсильными и указы военной коллегіи. Вслѣдъ за указомъ, Прерадовичу опять удалось переманить изъ команды своего соперника какого-то капрала. Послѣдовала жалоба, за нею новый указъ; въ результатѣ получилось «доношеніе» кіевскому вице-губернатору слѣдующаго содержанія: 16 января 1754 г. команды генералъ-майора Шевича подполковникъ Шевичъ отправилъ къ Прерадовичу адъютанта съ просьбою прислать двухъ офицеровъ для выслушанія указа военной коллегіи; Прерадовичъ послалъ капитановъ Радовановича и Губера; когда они пришли къ подполковнику Шевичу, то капитанъ Шевичевой команды, Юзбаша, назвалъ перебѣжавшаго капрала шпіономъ и добавилъ, что его надо бить батожьемъ, чтобы онъ изъ команды не уходилъ; парламентеры оскорбились и одинъ изъ нихъ, Радовановичъ, съ чувствомъ достоинства замѣтилъ, что онъ съ Губеромъ присланы не съ Юзбашею разговаривать, а выслушать указъ ея императорскаго величества; въ отвѣтъ на это, Юзбаша, восточная кровь котораго вскипѣла, представилъ резоны не словесно, а дѣйствіемъ: бросился на Радовановича, «билъ по щекамъ, и таскалъ за волосы и лицо все ободралъ до крови, а потомъ секундъ-маіоръ Шевичъ прискоча, такожъ и прочіе оберъ-офицеры и офицеры и гусары, таскали за волосы», пока Радовановичъ не спасся на квартиру подполковника Шевича. Прерадовичъ съ своей стороны не оставилъ этого дѣла, а просилъ вице-губернатора «куда надлежитъ представить» о происшествіи, изъ опасенія обидъ, «а паче смертнаго убивства». Чѣмъ кончилась распря—не извѣстно.

А вотъ волошенинъ Аѳанасій Коры перекочевываетъ изъ Новой Сербіи къ тому-же Прерадовичу, какъ-бы въ утѣшеніе за понесенную его офицеромъ обиду. Этотъ Аѳанасій очень хотѣлъ выбиться въ аристократію. Онъ вывелъ въ Новую Сербію девять волоховъ и одного грека, всего десять человѣкъ, «съ такимъ намѣреніемъ, чтобы за то награжденъ былъ по вступленіи въ службу какимъ по разсмотрѣнію рангомъ»; но Хорватъ ни чина не доставилъ предпріимчивому колонизатору, ни издержекъ не возвратилъ: вотъ причина, побудившая Коры перейти къ Прерадовичу.

Утѣшившись въ горѣ, Прерадовичъ опять принялся за свое. 24 марта 1754 г. Шевичъ жаловался, что пятеро его гусаръ, «по наущенію и подговору постороннихъ, многія упрямства и ослушности приставленнымъ надъ ними вахмистрамъ чинятъ» и отказываются явиться за жалованьемъ, говоря, что они въ командѣ Прерадовича и жалованье получаютъ отъ него; Шевичъ, указывая на то, что до сихъ поръ эти гусары жалованье получали у него, о чемъ, замѣчалъ онъ, правительствующему сенату и военной коллегіи извѣстно, не безъ ядовитости прибавлялъ: «а чтобъ таковыхъ въ другую команду отдать, о томъ ни откуда указа у меня не имѣется»; поэтому онъ просилъ предписать Прерадовичу возвратить перешедшихъ къ нему гусаръ. О послѣдствіяхъ жалобы не знаемъ.

Бывали случаи, когда, не смотря ни на что, удавалось Прерадовичу оттягать у противника людей. Такъ, собираясь въ путь, 23 іюля онъ доноситъ вице-губернатору, что къ его командѣ причислено трое гусаръ «изъ *спорныхъ* команды генералъ-майора Шевича», и проситъ увеличить число подводъ.

Интриговалъ въ Кіевѣ и Хорватъ черезъ своихъ агентовъ. 29 іюля подполковникъ его команды Дмитрій Перичъ обратился въ кіевскую губернскую канцелярію за справкою о томъ, по какой срокъ выдано жалованье четыремъ называемымъ имъ гусарамъ команды Шевича: они, «по желанію ихъ», находятся въ Новой Сербіи, и Хорватъ хлопочетъ въ сенатѣ объ опредѣленіи ихъ къ себѣ на службу. Подобную-же справку дѣлалъ послѣ и самъ Хорватъ о четырехъ другихъ гусарахъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича, и кіевская губернская канцелярія удовлетворила просьбу.

У всѣхъ троихъ генераловъ чувствовалась нужда въ людяхъ, надо было кѣмъ нибудь комплектовать полки, потому что выведены

ими едва какія нибудь сотни людей, а надобность предстояла въ тысячахъ. Поэтому-то съ такимъ азартомъ они охотились за людьми, поэтому такъ настойчиво просили начальство ловить бѣглецовъ. Губернская канцелярія предписывала объявлять о бѣглыхъ съ барабаннымъ боемъ, а пойманныхъ забивать въ ручныя и ножныя колодки и присылать немедленно; иногда посылались въ погоню гусары-же. Такое свѣдѣніе имѣемъ отъ 1753 г. о прапорщикѣ Дмитріѣ Марковичѣ, котораго, послѣ по возвращеніи изъ неудачной поѣздки за границу, обвиняли въ ограбленіи жидовки, ѣхавшей съ фастовской ярмарки; было наряжено по этой жалобѣ слѣдствіе, но явныхъ уликъ не оказалось; однако истица опредѣлительно заявляла, что ограблена гусарами.

Понятно, что при такой крайней нуждѣ въ гусарахъ, они своевольничали, зная, что не тутъ, такъ тамъ будутъ приняты съ распростертыми объятіями. Интересно напр. слѣдующее «доношеніе», поданное въ губернскую канцелярію муровщикомъ Яковомъ Бубликомъ: изъ 25 работниковъ, данныхъ ему, четверо бѣжали и были замѣнены другими; одинъ изъ бѣжавшихъ, Кирилъ Шапочникъ, явился въ Кіевъ и записался «въ новобранные сербы», по документальному выраженію,—и, ставши «Сербомъ», напалъ на домъ Бублика, разорилъ и обидѣлъ его (подробностей въ документѣ нѣтъ); не удовольствовавшись и тѣмъ, 13 декабря 1753 г. встрѣтилъ Бублика на улицѣ, напалъ съ «другими» сербами и «хотѣлъ ободрать», но тотъ откупился полтиною; Бубликъ утверждаетъ, что Шапочникъ ни сербъ, ни волохъ, а слобожанинъ, въ чемъ, конечно, нельзя и сомнѣваться. Видно, сербскимъ командамъ не приходилось брезговать и такими самозванными сербами.

Но вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ междоусобій, колонисты собираются въ путь. Вѣрный своему праву, Прерадовичъ просилъ отправить его раньше Шевича, на томъ основаніи, что въ его командѣ все обстоитъ благополучно, а въ командѣ его соперника предстоитъ еще разбирать какіе-то споры. Однако, къ обидѣ его, раньше выѣхалъ Шевичъ, а не онъ.

Отправка ихъ не обошлась безъ затрудненій. Надобно было всего 405 подводъ; изъ этого числа 100 подводъ по закону обязанъ былъ поставить магистратъ, остальное число разложено было на кіевскіе монастыри, съ 8 дворовъ по 1 подводѣ; пора была

рабочая (конецъ іюля), раскладка сдѣлана только на правобережныя волости, и потому какъ консисторія, такъ и монастыри согласились удовлетворить требованіе на подводы со стѣсненнымъ сердцемъ, прося выдать впередъ прогоны и увѣдомить, до какихъ мѣстъ наряжаются подводы, а когда вице-губернаторъ потребовалъ добавочныхъ 12 подводъ, духовная консисторія отказала, ссылаясь на то, что повинность должна лечь на весь кіевскій полкъ; указывая, что магистратъ принимаетъ на себя слишкомъ малую долю подводъ и наконецъ жалуясь, что передъ тѣмъ съ великою нуждою поставлены подводы и работники для работъ въ Новой Сербіи, консисторія просила прислать въ копіи указъ, которымъ подобныя повинности налагаются только на правобережныя вотчины.

По требованію губернской канцеляріи, войсковая канцелярія разослала приказы по полкамъ, чтобы сербскимъ командамъ, во время слѣдованія черезъ полки, ставилось достаточное число подводъ и наряжались коммисары для сопровожденія ихъ.

Наконецъ въ первыхъ числахъ августа двинулся Шевичъ; Прерадовичу пришлось подождать нѣсколько дней, за недостаткомъ подводъ. По отъѣздѣ ихъ, Хорватъ заявилъ еще о 13 гусарахъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича еще во время пребыванія послѣдняго въ Кіевѣ; заявилъ о нихъ и на этотъ разъ не съ цѣлью возвратить, а, наоборотъ, присвоить. Впрочемъ и по отъѣздѣ Шевича, съ самаго мѣста его поселенія побѣги продолжались. Ему, замѣтно, въ этомъ не везло,—быть можетъ оттого, что онъ былъ скромнѣе другихъ.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ мѣстныхъ архивахъ, при бѣгломъ ихъ осмотрѣ, намъ удалось найти нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о дѣлахъ и лицахъ той поры, когда край нашъ присоединялся къ Россіи послѣ распаденія Польши. Они не имѣютъ между собою близкой связи и мы передадимъ ихъ въ порядкѣ простой нумераціи.

1) Въ настоящее время болѣе и болѣе разъясняется, что при возсоединеніи нашего края съ остальной Россіей нѣкоторыя имѣнія, принадлежавшія польской коронѣ и находившіяся во времен-

номъ или пожизненномъ владѣніи нѣкоторыхъ пановъ, обращены ими въ свою личную собственность. Незнаніе русскими властями законовъ и обычаевъ вновь присоединеннаго края, завѣдомый обманъ со стороны низшихъ властей и сообщеніе ими невѣрныхъ свѣдѣній о землевладѣніи и пр., были причиною того, что нѣкоторыя казенныя имѣнія остались въ частномъ владѣніи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, генералъ-лейтенантъ русской службы, князь Сангушко 2-й, заявилъ, что ему принадлежитъ г. Кременецъ и приноситъ ежегодно дохода 50 тысячъ польскихъ злотыхъ. Дошло дѣло до сената, который, усмотрѣвъ, что сообщеніе о принадлежности Кременца князю Сангушко сдѣлано только на основаніи показанія, даннаго управляющимъ имѣніями Сангушко, поручилъ произвести по этому дѣлу новое разслѣдованіе.

Бывшій въ то время волынскимъ вице-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ казенной палаты, Грохольскій донесъ военному губернатору минской, подольской и волынской губерніи, графу Гудовичу, что г. Кременецъ не принадлежитъ Сангушко, а находится у него въ пожизненномъ владѣніи на правѣ старостинскомъ. Вѣроятно это добросовѣстное разслѣдованіе Грохольскаго и спасло г. Кременецъ изъ частнаго владѣнія.

2) Около 1798 года возникло подозрѣніе о томъ, что наши жиды, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жидами заграничными, а особенно французскими, усвоили себѣ тотъ взглядъ на Бапапарта, что «якобы онъ есть Мессія, долженствующій освободить народы отъ рабства». Завѣдывавшій въ то время нашимъ краемъ, графъ Гудовичъ, предписалъ секретно всѣмъ начальникамъ округовъ наблюдать за образомъ мыслей нашихъ евреевъ по отношенію къ Бонапарту. Никакихъ свѣдѣній объ этомъ начальники округовъ Гудовичу не сообщили; но надо полагать, что евреи, находясь въ постоянномъ ожиданіи Мессіи, дѣйствительно обращали свои мечты и на Бонапарта. Затѣмъ, когда Наполеонъ, сдѣлавшись французскимъ императоромъ, постоянными войнами препятствовалъ правильному ходу торговыхъ дѣлъ, а реквизиціями и всесословными рекрутскими наборами сильно огорчалъ всѣхъ капиталистовъ и особенно евреевъ, то становится весьма понятнымъ, почему евреи во время нашествія Наполеона не особенно ему сочувствовали и даже дѣлали довольно серьезныя пожертвованія на военныя надоб-

ности въ пользу русскаго правительства, представляя въ этомъ отношеніи совершенную противуположность помѣщикамъ, которые одни только изъ всѣхъ сословій волынской губерніи отъ пожертвованій на военныя надобности въ 1812 году отказались и въ свою очередь смотрѣли на Наполеона, какъ на Мессію. Къ сожалѣнію, во время нашествія Наполеона, помѣщики производили замѣшательства, заявляя то изъ того, то изъ другаго уголка губерніи о мнимыхъ возстаніяхъ крестьянъ противъ владѣльцевъ и требуя для усмиренія ихъ военную силу. Политика хорошо расчитанная: поставить въ непріязненное отношеніе крестьянское народонаселеніе къ властямъ и постоянно безпокоить и разобщать наши войска посылкой отдѣльныхъ отрядовъ для усмиренія мнимыхъ бунтовъ крестьянъ.

3) Лѣтомъ 1795 года распространились на Волыни слухи, что чернь намѣрена рѣзать шляхту и евреевъ и что днемъ всеобщаго избіенія назначенъ праздникъ св. Петра и Павла 29-го іюня. Многіе помѣщики сообщили объ этомъ брацлавскому губернатору Берхману, требуя строгихъ мѣропріятій противъ крестьянъ и посылки войскъ для усмиренія бунтовщиковъ. Но Берхманъ къ такимъ заявленіямъ отнесся очень осторожно и предварительно отправленія военной силы по просьбѣ помѣщиковъ, затребовалъ свѣдѣнія отъ начальниковъ округовъ, а особенно винницкаго, такъ какъ слухи объ избіеніи шляхты и евреевъ шли преимущественно изъ этого округа. Оказалось впослѣдствіи, что слухи эти неизвѣстно кѣмъ распущены: бригадиръ и кавалеръ Исаевъ слышалъ отъ вице-губернатора Кублицкаго, а Кублицкій отъ судьи кіевскаго воеводства Ивановскаго, сей-же послѣдній никакъ не могъ припомнить, отъ кого дошли къ нему слухи о предполагаемомъ избіеніи шляхты и евреевъ.

4) Въ 1794 г. нѣкто Сафоновъ, какъ видно, лице оффиціальное, донесъ по начальству, что профессора житомірской католической академіи на вечеринкѣ у ксендза Венціовскаго пили за здоровье Костюшки. Губернаторъ Шереметевъ поручилъ предсѣдателю уголовной палаты Батурину произвести по сему предмету строгое разслѣдованіе. Но при допросѣ профессоровъ и ксендзовъ на Сафонова полетѣло столько грязи и завѣдомой лжи, что бѣдный доноситель на профессоровъ и ксендзовъ, не имѣя, вѣроятно, понятія

о людяхъ, съ которыми пришлось ему вести дѣло, горько раскаялся въ своемъ неосторожномъ сообщеніи по начальству.

Одинъ изъ ксендзовъ показалъ, а остальные ксендзы и профессоры подтвердили, что незадолго передъ этимъ они имѣли въ виду подать губернатору на Сафонова меморіалъ, что онъ взялъ у нихъ пять эстамповъ, изображающихъ два образа и три портрета и по требованію не возвратилъ, что онъ, Сафоновъ, также взялъ у нихъ шкатулку, погребецъ, ландкарту для путешественниковъ Царства Польскаго и два червонца, и по требованію ихъ также не возвратилъ, а чтобы предупредить на него жалобу послалъ доносъ. Кончилось тѣмъ, что ксендзы и профессоры вышли сухи изъ воды, а Сафоновъ обвиненъ въ ложномъ доносѣ. Да и какъ было повѣрить, что ксендзы и профессоры могли пить за здоровье Костюшки...

5) Русскій посланникъ графъ Панинъ извѣщалъ изъ Берлина начальника присоединеннаго края графа Гудовича, что Костюшко, оставивъ свое мирное пребываніе въ Америкѣ, появился въ Парижѣ, изъ котораго затѣмъ отправился неизвѣстно куда, подъ именемъ Дюфренуа. Одни говорили, что онъ выѣхалъ въ Гамбургъ, съ намѣреніемъ отправиться въ бывшую Польшу, для возмущенія своихъ соотечественниковъ, забывъ данное имъ обѣщаніе не служить противъ Россіи, другіе-же полагали, что онъ ѣдетъ въ Италію, для соединенія съ извѣстнымъ Домбровскимъ. Вслѣдствіе такого сообщенія, графомъ Гудовичемъ было сдѣлано строгое распоряженіе о томъ, чтобы начальники округовъ наблюдали за появленіемъ между помѣщиками какихъ-либо воззваній или подозрительныхъ лицъ и въ особенности было усилено наблюденіе по границѣ. Поэтому, хотя и были попытки со стороны нѣкоторыхъ мечтателей и почитателей Костюшки пробраться на Волынь изъ Польши съ цѣлью поднятія бунта противъ Россіи, иногда въ составѣ небольшихъ вооруженныхъ шаекъ, какъ напр. шайка подъ предводительствомъ шамбеляна Денъска; но эти шайки немедленно были уничтожаемы занимавшими границу донскими козаками.

6) Шамбелянъ Денъско, «кой нынѣ», какъ доносилъ 14 октября 1794 года губернатору Шереметеву секундъ - маіоръ Евдокимъ Степановъ, «называется бригадиръ», принадлежалъ къ старой южно-русской дворянской фамиліи, окатоличившейся и ополячив-

шейся, вмѣстѣ съ прочими волынскими и русскими дворянами, въ XVI столѣтіи. Онъ былъ помѣщикъ с. Лысогорки, близъ м. Ямполя, кременецкаго уѣзда. Послѣ разбитія Суворовымъ арміи Костюшки, остатки ея разсѣялись по всей Польшѣ и подъ предводительствомъ различныхъ безпокойныхъ личностей стремились прорваться и на Волынь, предполагая найти здѣсь удобную почву для своего, какъ они думали, еще не потеряннаго дѣла, несмотря на извѣстное изреченіе Костюшки: «*finis Poloniae*». Денысько съ шайкою болѣе 300 вооруженныхъ воиновъ бродилъ по границѣ ровенскаго и дубенскаго уѣзда. Вотъ какія свѣдѣнія о его шайкѣ даны однимъ изъ невольныхъ участниковъ въ его затѣяхъ.

Шляхтичъ Жабинскій, слѣдовавшій за границу по порученію своего довѣрителя князя Четвертинскаго, былъ захваченъ шайкою Деныска. По показанію Жабинскаго, шайка состояла болѣе, чѣмъ изъ 200 человѣкъ; при ней было четыре плѣнныхъ русскихъ солдата, въ синихъ мундирахъ съ красными обшлагами; ни одинъ изъ плѣнныхъ не былъ раненъ. При дальнѣйшихъ переходахъ шайки, Жабинскій услышалъ въ лѣсу мелкую перестрѣлку, а затѣмъ вскорѣ привели къ обозу донскаго козака, котораго одинъ изъ бунтовщиковъ тутъ-же застрѣлилъ въ упоръ изъ ружья. Затѣмъ привели къ обозу другого донскаго козака, въ богатомъ козацкомъ одѣяніи, котораго также застрѣлили, отобравъ у него предварительно вещи и деньги. Шайка продолжала двигаться по направленію къ Дубно и перешла муравицкую дорогу, идущую отъ Тарговицы и Дубно къ Варковичамъ. Здѣсь попался отряду ѣхавшій верхомъ донской козакъ, котораго также схватили; но когда одинъ изъ бунтовщиковъ взялся за ружье, чтобы застрѣлить козака, также какъ и первыхъ двухъ, то козакъ сильно увернувшись, вырвался и скрылся въ лѣсу, такъ что мятежникъ не успѣлъ и выстрѣлить по немъ. Отсюда опять поворотили къ Дубно, перешли р. Икву, ночевали при с. Садкахъ. Денысько распустилъ свой обозъ и усилилъ маршъ; видя, что Жабинскій, имѣя грыжу, не можетъ слѣдовать за отрядомъ, Денысько отпустилъ его. Отправляясь по направленію къ Ровно, Жабинскій видѣлъ отрядъ русскихъ войскъ, очевидно разыскивающихъ бунтовщиковъ.

На этомъ оканчиваются показанія Жабинскаго; но о дальнѣйшей судьбѣ Деныска есть еще сказаніе.

Отрядъ Денысκа увеличился присоединеніемъ къ нему еще другихъ мелкихъ шаекъ польскихъ мятежниковъ; но близъ м. Козина былъ разбитъ русскими войсками. Затѣмъ Денысκо съ своимъ отрядомъ направился къ г. Кременцу; но подъ Кременцемъ настигъ его донской козачій отрядъ подъ командой подполковника Ребрикова и окончательно разсѣялъ шайку Денысκа. Козаки, преслѣдуя Денысκа, направились въ его имѣніе Лысогорку; но тамъ его уже не нашли; убѣжалъ изъ имѣнія также и коммисаръ Денысκа, Александровичъ. Начались допросы; оказалось, что многіе изъ крестьянъ Денысκа находились въ шайкѣ мятежниковъ; но были забраны туда насильно. Затѣмъ Денысκо очутился въ предѣлахъ Турціи и, тоскуя по родинѣ, находился въ постоянномъ сношеніи съ Волынью, посредствомъ жидовъ. Фамилія Денысκа угасла, кажется, вмѣстѣ съ нашимъ героемъ; но отъ родныхъ его по женской линіи намъ приходилось слышать, что по просьбѣ сенатора графа Ильинскаго Денысκѣ было разрѣшено возвратиться въ Россію и представиться императору Павлу І-му. Плѣнившись красивой и осанистой наружностью Денысκа, императоръ наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а взамѣнъ конфискованной Лысогорки подарилъ большое селеніе «Гетманцы» на Подольѣ, кажется, балтскаго уѣзда.

7) Въ 1800 году состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ за границу французскихъ монаховъ ордена траппистовъ, главный религіозный подвигъ которыхъ состоялъ въ обѣтѣ молчанія. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ траппистовъ мотивировано тѣмъ соображеніемъ, что трапписты принимаютъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей мужскаго пола и не обучаютъ ихъ ничему другому, какъ только подвигу «молчанія», почему повелѣно учениковъ траппистовъ, взявъ изъ монастырей, возвратить на прежнее ихъ мѣсто жительства. Въ волынской губерніи трапписты находились въ двухъ монастыряхъ, въ то время еще уніатскихъ, жидичинскомъ, луцкаго уѣзда и дерманскомъ, дубенскаго уѣзда. Обязанность высылки траппистовъ за границу, чрезъ радзивиловскую таможню, была возложена на фискала волынской губерніи, надворнаго совѣтника Маньковскаго. Изъ представленнаго Маньковскимъ списка высланныхъ за границу траппистовъ видно, что въ дерманскомъ монастырѣ было траппистовъ:

Хорныхъ священниковъ . . . . 7 человѣкъ.
Братіи . . . . 10 »

Послушниковъ или служителей	3	человѣка.
Учителей	4	»
Обучающихся, отъ 10 до 26 лѣтъ. . .	29	»
Всего . .	53	»

Въ жидичинскомъ:

Хорныхъ священниковъ	11	человѣкъ.
Братіи	10	»
Учителей	12	»
Учащихся, отъ 8 до 17 лѣтъ	27	»
Всего . .	60	»

Замѣчательно, что всѣ ученики траписто̀въ оказались иностранными подданными и названы французскими фамиліями, такъ что учениковъ изъ мѣстныхъ жителей, по изысканіямъ Маньковскаго, оказалось только 10-ть, которые и возвращены въ свои дома. Видно, что школы траписто̀въ не были пустыми и обучали въ нихъ не одному молчанію; но странно, что при высылкѣ траписто̀въ за границу всѣ ихъ ученики, даже до десятилѣтняго возраста, оказались французами и выѣхали за границу, а мѣстныхъ учениковъ оказалось будто-бы только 10 человѣкъ.

И. А. Шафарукъ.

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ, КАКЪ ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ.

Въ 1838 году вышло правительственное распоряженіе объ изданіи въ губернскихъ городахъ офиціальныхъ печатныхъ листовъ, или вѣдомостей. Правила изданія Губернскихъ Вѣдомостей предписывали различать отдѣлы офиціальный и неофиціальный. Въ первый входили всякаго рода административныя распоряженія и предписанія должностныхъ лицъ. Границы неофиціальнаго отдѣла были строго опредѣлены. Статьямъ полемическимъ и беллетристическимъ доступъ въ Губернскія Вѣдомости былъ строго воспрещенъ. Нельзя не признать разумности этого запрещенія. И въ столичныхъ журналахъ тридцатыхъ годовъ полемика стояла на низкой ступени личныхъ нападокъ, клеветы и брани. Тѣмъ менѣе могла обстоять благополучно и прилично провинціальная полемика. Несомнѣнно, она

выродилась-бы въ сплетничество. Беллетристика была также совсѣмъ не по плечу областной офиціальной печати. Лучшее, чего можно было ожидать отъ провинціальной беллетристики тридцатыхъ годовъ,—это сентиментальныя повѣстушки и хвалебные стишки разнымъ чиновнымъ милостивцамъ. Правила совѣтовали помѣщать въ неофиціальномъ отдѣлѣ вѣдомостей статьи по мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи. Тридцатые годы были временемъ пробужденія въ русскомъ образованномъ обществѣ склонности къ археологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, временемъ дѣятельности графа Румянцова, Строева, Востокова. Правительственное указаніе редакціямъ Губернскихъ Вѣдомостей о помѣщеніи статей археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ, отвѣчало желаніямъ наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ людей того времени. Много позже, лѣтъ на тридцать, такое желаніе высказывалось самими редакціями Губернскихъ Вѣдомостей. Такъ въ 38 № Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1864 г. редакція съ провинціальной развязностью и словоохотливостью ставитъ такой упрекъ мѣстнымъ, т. е. иркутскимъ пишущимъ людямъ: «статьи этнографическія у насъ рѣдкость; мы больше склонны къ писанію à la Щедринъ (!); насъ все пороки людскіе занимаютъ; мы и Губернскія Вѣдомости старались-бы превратить въ газету сатирическую по преимуществу. А между тѣмъ въ интересахъ края не ощущается именно въ этомъ надобности, при избыткѣ сатирическаго элемента во всѣхъ почти журналахъ и газетахъ и въ особенности при существованіи газетныхъ корреспонденцій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть Губернскихъ Вѣдомостей на длинномъ протяженіи 47 лѣтъ, отъ 1838 до 1885 года, представляетъ бумажный хламъ, обращенный практичными провинціалами на обертку сальныхъ свѣчей и вяленой рыбы. Но въ общей громадной массѣ областныхъ вѣдомостей встрѣчаются весьма цѣнные номера, цѣнные именно для этнографа и историка. Перелистывая Губернскія Вѣдомости пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ въ петербургской публичной библіотекѣ, гдѣ, кстати замѣтить, только и можно отыскать за старые годы Губернскія и разныхъ областей Вѣдомости, я довольно часто находилъ въ этихъ изданіяхъ драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи замѣтки. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ.

Для историка русскихъ народныхъ вѣрованій интересно напечатанное въ 64 № «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1864 года донесеніе псковскаго уѣзднаго священника Яковлева 1783 года о поклоненіи крестьянъ его прихода соснѣ. Яковлевъ доносилъ псковской духовной консисторіи: «усмотрѣно де имъ въ Зачеренскомъ погостѣ, въ церковной оградѣ, на бую, близъ храма, за часовнею лежитъ спадшая великая пожиловая сосна съ нѣсколькими на маковкѣ струтѣвшими (?) сучьями, оберегаемая отъ прельщеннаго невѣжествующаго народа, чрезвычайною отмѣнностью почитаемая; на которую сосну отъ окольностей собирающееся повсегда множество народа къ празднуемой іюля мѣсяца въ разныхъ числахъ Ильинской пятницѣ приносятъ обѣты свои слѣдующіе: шерсть, сыры, масло, хлѣбы, свѣчи, кои свѣчи на той соснѣ прилѣпленныя палятся, и иные капли съ тѣхъ свѣчъ собираютъ себѣ въ тряпочки и въ домы свои носятъ для незнаемыхъ выгодъ; иные отъ той сосны отламываютъ себѣ гнилушки и берутъ въ домы яко бы для излѣченія животныхъ отъ болѣзней». По просьбѣ консисторіи, намѣстническое правленіе приказало военной командѣ срубить сосну и сжечь. Дополненіемъ къ этому документальному свидѣтельству о сохранившемся мѣстами поклоненіи народа деревьямъ можетъ служить корреспонденція изъ г. Славянска, напечатанная въ 174 № «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1880 года. «3 іюля по нашему городу пронесся слухъ, говоритъ корреспондентъ, что будто въ саду одного мѣстнаго обывателя, близъ минеральныхъ водъ, появился какой-то мальчикъ въ красной шапочкѣ, трехъ четвертей росту. Мальчикъ этотъ будто-бы обладаетъ свойствами сверхъестественными; онъ, напримѣръ, внезапно является, внезапно исчезаетъ; для взрослыхъ онъ невидимъ. Послѣднее обстоятельство варьировалось, впрочемъ, различнымъ образомъ; говорили, что онъ является изъ дупла дерева и видимъ только мужчинами; другіе увѣряли, что онъ прыгаетъ по деревьямъ... Иные стали утверждать, что мальчикъ говоритъ; но говоритъ только съ другимъ мальчикомъ, сыномъ хозяйки сада. Послѣдній мальчикъ 8—10 лѣтъ увѣряетъ каждаго, что онъ не одинъ разъ бесѣдовалъ уже съ чудеснымъ мальчикомъ въ красной шапочкѣ. 4 іюля къ мѣсту явленія мальчика хлынула масса любопытныхъ. Наши набожныя старушки начали уже таскать пироги къ дуплу дерева, клали деньги и восковыя свѣчи. Дерево срубили, въ дуплѣ ничего

не оказалось; но мальчикъ, сынъ хозяйки, клянется, что онъ не одинъ разъ говорилъ съ чудеснымъ мальчикомъ. Показанія мальчика подтверждаетъ парень лѣтъ 18, который будто-бы видѣлъ однажды мальчика въ красной шапочкѣ и хотѣлъ поймать его; но тотъ внезапно исчезъ. Въ это время въ городѣ былъ уѣздный исправникъ, который посѣтилъ мѣсто происшествія».—Между донесеніемъ Яковлева и корреспонденціей изъ Славянска лежитъ промежутокъ времени въ сто лѣтъ; одно извѣстіе идетъ изъ сѣверной Россіи, другое изъ Россіи южной, и однако какое поразительное сходство между ними! Въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ очевидномъ проявленіи языческихъ вѣрованій и языческихъ жертвъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ обнаруживается вмѣшательство администраціи.

Значительное число небольшихъ статей и замѣтокъ о южнорусскихъ народныхъ повѣрьяхъ разбросано въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» пятидесятыхъ годовъ. Такъ въ № 22 1859 г. Ѳоминъ приводитъ интересный народный разсказъ объ ужѣ. Ужа не слѣдуетъ трогать; въ противномъ случаѣ, если его обидѣть, онъ отомститъ. Въ доказательство мстительности ужа приводится слѣдующее: однажды мужикъ, поправляя свою комору, нашелъ подъ гнилымъ столбомъ яйца ужа, взялъ ихъ и спряталъ. Ужъ поползъ въ погребъ и напустилъ отраву въ молоко. Мужикъ не захотѣлъ уничтожать яицъ ужа и положилъ ихъ на прежнее мѣсто. Провѣдавъ объ этомъ, ужъ быстро поползъ въ погребъ и вывернулъ отравленное молоко на землю. Въ 23 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. П. С. Ефименко сообщаетъ нѣсколько народныхъ повѣрій о волкахъ, о томъ, что волки дѣлятся по уѣздамъ, имѣютъ своего бога Палисуна и высшимъ управителемъ св. Георгія. «Святый Юръ звиря пасе».

Наплывъ историческаго и этнографическаго матеріала въ тѣ или другія Губернскія Вѣдомости является спорадически, по мѣрѣ того, какъ появляется тамъ или здѣсь страстный и вмѣстѣ свободный любитель археологіи и этнографіи. Такъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ оставилъ въ этомъ отношеніи слѣды своего нахожденія не удѣлъ извѣстный В. И. Аскоченскій, въ Черниговскихъ отмѣтилъ время своей тамъ службы А. М. Лазаревскій, въ Архангельскихъ записалъ годы своего заточенія П. П. Чубинскій, и т. д., и т. д.

Болѣе, кажется, этнографическаго, чѣмъ строго историческаго матеріала находимъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ,—множество загадокъ, пословицъ и особенно пѣсенъ. Встрѣчается много описаній свадебныхъ обрядовъ. Такъ въ 23 и 24 №№ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1880 годъ помѣщенъ весьма интересный этнографическій очеркъ свадебныхъ обычаевъ устюгскаго уѣзда. По какой-то счастливой случайности, въ библіографической литературѣ оказывается хорошій указатель напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статей о свадебныхъ обрядахъ. Указатель этотъ составленъ Якушкинымъ и носитъ названіе «Обычное право». Нужно замѣтить, что описанія свадебъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ грѣшатъ однообразнымъ изложеніемъ, пропускомъ важныхъ бытовыхъ подробностей и, за немногими исключеніями, пропускомъ пѣсенъ.

Что касается былевыхъ и семейно-родственныхъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, то между ними встрѣчаются искусственныя, ошибочно принятыя за пѣсни народныя; такова, напримѣръ, малорусская пѣсня: *Ой выйшла зоря*, сообщенная Косменкомъ въ № 24 Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Весьма дѣльное и основательное критическое и историко-литературное изложеніе пѣсенъ мы встрѣтили только въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ конца 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ. Изложеніе это сдѣлано г. Новицкимъ. Такъ въ 87 № этихъ Вѣдомостей за 1867 г. находится пѣсня: *Родився Травинъ сынъ на чужинѣ самъ одинъ*, представляющая интересный варіантъ пѣсни о «Травинѣ сынѣ», напечатанной позднѣе въ V т. «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край». У Чубинскаго Травинъ сынъ коситъ въ степу одинъ. Онъ увидѣлъ табунъ лошадей, погналъ ихъ въ Ротмистровку и продалъ за сорокъ тысячъ. Наѣхали паны, поймали Травина сына, связали его, заковали въ цѣпи и отдали въ Черкасахъ въ солдаты. Въ варіантѣ, записанномъ Новицкимъ, Травинъ сынъ родился на чужбинѣ. Онъ имѣлъ «стадовья» (рѣдко встрѣчающееся малорусское слово), продалъ ихъ на базарѣ и собралъ много золота и серебра. Онъ сталъ громко звать своего брата. Его поймали, связали и въ тюрьму посадили. Неожиданно явилась дѣвушка съ черными глазами и серебряными ключами. Она выпустила заключенныхъ въ темницѣ, а Травина сына вывела за руку на улицу. Въ 76 № тѣхъ-же Вѣдомостей за

1871 г. Новицкій напечаталъ три варіанта малорусской пѣсни о состязаніи коня съ орломъ, причемъ въ примѣчаніи пѣсня эта отнесена къ козацкому періоду южно-русской исторіи; въ 104 № напечатана пѣсня объ отравленіи брата сестрою и при этомъ указаны пункты сходства этой пѣсни съ пѣснями сербскими, чешскими и польскими. Г. Новицкій полагаетъ, что пѣсня объ отравленіи брата сестрою занесена въ Малороссію сербами въ XVIII ст. Въ 106 № г. Новицкій помѣстилъ 4 варіанта пѣсни о женитьбѣ сына на матери и указалъ сходную сербскую пѣсню о Находѣ Симеунѣ. Вообще, малорусскія пѣсни, напечатанныя г. Новицкимъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, замѣчательны какъ по содержанію, такъ и по остроумнымъ историко-литературнымъ примѣчаніямъ Новицкаго.

Не желая дѣлать настоящую статью обширной и спеціальной, прохожу молчаніемъ Минскія Губернскія Вѣдомости 1865 г., гдѣ напечатана масса бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1859 съ малорусскими пѣснями, собранными г. Ефименкомъ въ харьковской губерніи, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1861 г., гдѣ находится много малорусскихъ пѣсенъ, сообщенныхъ Лавренкомъ, Дорошенкомъ и Косменкомъ, Гродненскія Губернскія Вѣдомости 1868 г., гдѣ въ №№ 23—36 напечатаны бѣлорусскія пѣсни съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей; прохожу молчаніемъ также народныя загадки, напечатанныя Носомъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Нельзя не сказать хоть двухъ словъ о сборникахъ пословицъ, напечатанныхъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1857 и 1859 гг. Шишацкимъ-Иличемъ и П. С. Ефименкомъ. Сборники эти очень маленькіе; но заслуживаютъ вниманія потому, что нѣкоторыя пословицы сопровождаются объясненіемъ. Есть, дѣйствительно, пословицы очень темныя, объясненіе которыхъ издателемъ со словъ народа необходимо, напримѣръ: «годуй мене до Ивана, а я зроблю съ тебе пана (хозяинъ долженъ кормить дома скотъ по крайней мѣрѣ до 19 апрѣля,—дня Іоанна Ветхопещерника); «Иванъ несе плахту, а Настя булаву» (историческая пословица, намекающая на слабохарактерность гетмана Скоропадскаго, которымъ помыкала жена его Настасья); «мовчи видьма! каянська ты дочка»! (приводится народный разсказъ о происхожденіи вѣдьмъ отъ Каина); «що пьяна жинка, що скажена кишка, що зъ Баришполя чоловикъ—то все

одно» (Борисполь—мѣстечко переяславскаго уѣзда, полтавской губ., жители котораго отличаются задорливостью и страстью къ тяжбамъ).

Историко-литературный интересъ представляетъ малорусскій разсказъ о цыганѣ въ 29 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. У цыгана было денегъ всего одинъ шагъ, и вотъ онъ накупилъ на него хрѣну. Ѣстъ бѣдный, слезы изъ глазъ катятся, а онъ все уплетаетъ хрѣнъ, приговаривая: «бачили чортови очи, що куповали». Подобнаго рода разсказъ, какъ извѣстно, легъ въ основаніе повѣсти Квитки-Основьяненка: «Пархимово сниданне».

Въ южно-русскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, харьковскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и др., находится довольно много историческаго, археологическаго и этнографическаго матеріала. Такъ, въ первомъ № Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1838 г. находится статья Квитки: «Краткое историческое свѣдѣніе о харьковской губерніи». Впослѣдствіи въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ были помѣщены статьи о харьковскомъ коллегіумѣ, о городищахъ, о В. Н. Каразинѣ, о Запорожьѣ. Въ 1853 г. г. Лазаревскій помѣстилъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ біографическую статью о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи. Въ 1855 г. Геннади напечаталъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ дополненіе къ этой статьѣ. Въ №№ 20—21 тѣхъ-же Вѣдомостей за 1859 г. появились добавочныя дополненія Григорія Милорадовича. Въ № 24 Милорадовичъ помѣстилъ списокъ иностранныхъ сочиненій о Малороссіи съ 1855 до 1857 г. Весьма важнымъ и любопытнымъ матеріаломъ для бытовой украинской исторіи представляются старинныя духовныя завѣщанія или «духовницы», помѣщенныя г. А. Лазаревскимъ въ 19 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 г. Въ этихъ «духовницахъ» находится подробное перечисленіе предметовъ старинняго домашняго быта, перечисленіе, бросающее яркій свѣтъ на домашнюю жизнь украинскаго панства конца XVII и начала XVIII ст. «Духовницы» интересны также съ историко-юридической точки зрѣнія. «Духовницы» начинаются длинными разсужденіями о кратковременности человѣческой жизни, а оканчиваются цѣлымъ громомъ проклятій противъ того, кто дерзнетъ нарушить выраженную въ духовномъ завѣщаніи волю умершаго. «А на остатокъ, говорится въ концѣ духовницъ, замыкаючи сей моей остатней воли тестаментъ, въ таковый способъ оный обва-

ровую: да будетъ проклятъ анаѳема и маранафа вшеляки въ якомъ колвекъ пунктѣ параграфъ оный нарушитъ и да низверженъ будетъ силою Всевышняго Бога до ада преисподняго живо, и да постигнетъ его тутъ въ временномъ житіи казнь Божія, а въ будущемъ пекельная да ожогнетъ его мука, каждого, кто только важитеметця оный нарушити»...

Черезъ три года исполнится пятидесятилѣтіе существованія Губернскихъ Вѣдомостей. Пятьдесятъ лѣтъ въ жизни органа печатнаго слова срокъ большой. Губернскія Вѣдомости сослужили свою просвѣтительную службу, да,—просвѣтительную. Нельзя не признать, что эти скромныя изданія вносили въ провинціальную глушь кое-какія свѣдѣнія о мірѣ и людяхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ числѣ Губернскихъ Вѣдомостей встрѣчаются Вѣдомости хорошо поставленныя и разумно веденныя, такія напримѣръ содержательныя газеты, какъ Вѣдомости харьковскія, екатеринославскія и нѣкоторыя другія. Можно надѣяться, что редакціи Губернскихъ Вѣдомостей ознаменуютъ пятидесятилѣтній юбилей Вѣдомостей составленіемъ указателя ихъ содержанія за все пережитое ими время. Это было-бы прямой услугой наукѣ. Въ настоящее время такихъ указателей нѣтъ или почти нѣтъ. Мы знаемъ только одинъ указатель,—къ Владимірскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, составленный Тихонравовымъ, и слышали еще, что есть указатель Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, но о послѣднемъ только слышали. Указатель Тихонравова составленъ довольно хорошо и могъ-бы послужить до нѣкоторой степени образцомъ (находится въ петербургской публичной библіотекѣ). Тотъ планъ и распорядокъ содержанія, по какому составленъ указатель содержанія Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, нуждается въ измѣненіи, въ расширеніи, согласно съ мѣстными, краевыми особенностями извѣстныхъ Вѣдомостей. Такъ нѣкоторыя Вѣдомости имѣли свою исторію, и потому не лишнимъ представляется сообщеніе при указателѣ краткой исторической записи.

Время отъ времени въ печати проходитъ слухъ, что Губернскія Вѣдомости въ скоромъ времени подвергнутся преобразованію. Тутъ могутъ быть предъявлены многія пожеланія и требованія, болѣе или менѣе основательныя, и въ числѣ такихъ требованій навѣрно крупное мѣсто займетъ требованіе приблизить Губернскія

Вѣдомости къ массѣ народной. Въ интересахъ этнографіи и исторіографіи вообще, въ особенности этнографіи и исторіи южно-русской, намъ представляется желательнымъ сохранить и, болѣе того, расширить тѣ требованія, которыя были заявлены и выражены въ правительственныхъ правилахъ при самомъ возникновеніи Вѣдомостей, именно требованія этнографическія, историческія и археологическія. Желательно, при этомъ, чтобы малорусскія преданія, пѣсни, заговоры, загадки, историческія сказанія, дневники и письма не были отвергаемы потому только, что изложены языкомъ того народа, среди котораго возникли и сохраняются. Въ строгой наукѣ факты или явленія жизни и слова, ихъ выражающія, неотдѣлимы одно отъ другаго, и полнота смысла и значенія открывается только въ ихъ внутреннемъ органическомъ соединеніи.

Н. Сумцовъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА І-го ВЪ КІЕВѢ ВЪ 1816 Г.

Объ этомъ памятномъ Кіеву посѣщеніи его императоромъ Александромъ помѣщено было въ минувшемъ году въ «Русскомъ Архивѣ» извлеченіе изъ письма бывшаго тогда намѣстника кіево-печерской лавры, впослѣдствіи архіепископа воронежскаго Антонія Смирницкаго, перепечатанное въ нѣкоторой части во всѣхъ почти газетахъ. Помимо того разсказывается объ этомъ-же посѣщеніи въ статейкѣ *Кіевской Старины,* помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ того-же года, подъ заглавіемъ: *Кіевскія Лѣтописныя Замѣтки XVIII и XIX ст.* Шестидневное пребываніе этого государя въ Кіевѣ (съ 7-го по 12-е сентября) описано Миславскимъ очень кратко. Но и это своего рода находка для лѣтописной исторіи Кіева. Ибо время съ 1812 по 1830 г. лишено лѣтописныхъ замѣтокъ о кіевскихъ событіяхъ и у Закревскаго, и у Сементовскаго. На основаніи записи Миславскаго исправляется напр. ошибка Аскоченскаго, который, упоминая вкратцѣ о пребываніи императора Александра 1-го въ Кіевѣ, между прочимъ говоритъ: «день *2-го сентября* навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кіевской академіи, т. е. вслѣдствіе посѣщенія ея Александромъ 1-мъ. Оказывается, что этотъ день былъ не 2-го сентября, а 11-го.

Любителямъ лѣтописной исторіи Кіева пріятно будетъ узнать, что существуетъ *подробное описаніе* пребыванія императора Александра въ Кіевѣ въ 1816 г. Мы нашли его лѣтомъ 1883 г. въ архивѣ одной изъ сельскихъ церквей подольской губерніи, именно въ селѣ *Слободо-Вербкѣ*, ольгопольскаго уѣзда. Туда занесъ его какой-нибудь изъ старыхъ кіевскихъ студентовъ-академистовъ; ибо въ архивѣ томъ нашлись и проповѣди нѣкоторыхъ учителей старой кіевской академіи, напр. *Стефана Семяновскаго*. Старый священникъ села *Слободо-Вербки Ѳома Новицкій*, коего бумаги преимущественно составляютъ архивъ церкви этого села, очевидно, имѣлъ сношенія съ кіевскою академіею. Самое *описаніе* это принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу какого-нибудь кіево-академическаго учителя. Оно, кромѣ сообщенія многихъ подробностей пребыванія Александра I-го въ Кіевѣ, интересно вообще для характеристики этого государя, особенно со стороны его *религіозности*, которая наложила на него свою сильную и неизгладимую печать послѣ великихъ событій *отечественной войны*. Къ сожалѣнію, рукопись *описанія* не вездѣ осталась въ цѣлости... Именно, къ концу, гдѣ описывается посѣщеніе государемъ кіевской академіи, чернила совсѣмъ поблекли—отъ сырости, и нельзя ничего разобрать. Впрочемъ видно, что до конца рукописи уже оставалось немного. Вотъ это краткое описаніе.

«Достовѣрное извѣстіе о въѣздѣ, пребываніи и выѣздѣ Его Императорскаго Величества изъ Кіева въ 1816 году.

7-го сентября, въ 4 часа по полудни, начался звонъ въ одинъ колоколъ въ лаврѣ, и митрополитъ во всемъ облаченіи съ архимандритомъ и двадцатью парами іеромонаховъ въ богатыхъ ризахъ вышли во святыя врата, и ожидали Его Императорскаго Величества. Лишь только узнали, что Государь въ Красномъ трактирѣ остановился для обозрѣнія лавры съ той стороны Днѣпра,—вдругъ въ лаврѣ и во всемъ городѣ ударили во всѣ колокола. Всякая встрѣча со стороны военной и гражданской была запрещена. Его Величество ѣхалъ тихонько въ открытой дорожной коляскѣ съ княземъ Волконскимъ, въ шефскомъ конно-егерскомъ мундирѣ, и прибылъ къ святымъ лаврскимъ вратамъ въ совершенные сумерки. Колокольня и весь монастырь освѣщены были плошками, а у всѣхъ іеромонаховъ были въ рукахъ бѣлыя горящія большія свѣчи. Митрополитъ привѣтствовалъ Его Величество комплементомъ (рѣчью) и началось шествіе въ церковь,

освѣщенную всѣми, гдѣ только ни находятся, лампадами, при пѣніи всѣми духовными и пѣвчими стиха: *Днесь благодать св. Духа насъ собра* и прочая. Приближившись къ церковнымъ дверямъ, Государь отдалъ свою шпагу генералъ-адъютанту Уварову и, положивши троекратные земные поклоны, приложился къ образу чудотворныя Богоматере и мощамъ, почивающимъ въ большой церкви, предводимъ будучи митрополитомъ; во время лобызанія пѣвчіе пѣли: *Достойно есть*, а по облобызаніи Государь сталъ не на приготовленномъ для него подлѣ праваго клироса тронѣ, но подлѣ онаго, и пропѣта эктенія малая и многолѣтіе.

Послѣ сего Государь поѣхалъ въ пріуготовленный для него домъ г. Оболонскаго, ибо дворецъ, хотя совершенно очищенъ и поправленъ послѣ саксонцевъ, но какъ никто еще тамъ не жилъ, то и разсудили всѣ остановиться Государю тамъ, гдѣ и ангелоподобный братъ Его останавливался. Дорога отъ лавры до квартиры Государя была иллюминована и домы всѣ.

8-го сентября, въ день рождества Божія Матере, Государь былъ въ разводѣ предъ дворцемъ. Весь генералитетъ пѣшкомъ, кромѣ верхами государя, графа Сакена, прибывшаго на сей случай изъ Полтавы, графа Милорадовича, князя Волконскаго и ген. Уварова. Послѣ разводу Государь прибылъ въ Софійскъ въ 11 часовъ для слушанія литургіи. Встрѣченъ былъ въ колокольнѣ отъ митрополита комплементомъ, архимандритами и знатнѣйшимъ духовенствомъ. Прибывши въ церковь, приложился къ иконамъ и почивающимъ мощамъ и слушалъ всю обѣдню, стоя почти неподвижно, кромѣ поклоненія при изображеніи креста. Обѣдня была пѣта вся напѣвомъ простымъ по присланнымъ книжкамъ изъ Синода,—пять человѣкъ Государевыхъ пѣвчихъ пѣли вмѣстѣ съ архіерейскими, справившись поутру: и самъ Государь, стоя подлѣ клироса, подпѣвалъ низко баскомъ. По окончаніи обѣдни, Государь осматривалъ митрополичью ризницу и удостоилъ его въ комнатахъ его—угощаемъ былъ богатымъ *столомъ*—завтракомъ. Толпа людей подлѣ дома архіерейскаго была чрезвычайна. Лишь только Государь сѣлъ въ коляску, вдругъ раздалось повсемѣстно: ура! Въ сей день Государь обѣдалъ у себя съ своимъ штатомъ. Въ вечеру Государь подъ именемъ князя Волконскаго посѣтилъ невидящаго совершенно схимника въ лаврѣ *Вассіана* (что былъ нѣкогда казначеемъ въ академіи—*Вавила*) въ глубокія

сумерки; побесѣдовавъ съ нимъ предовольно, какъ поклонникъ, по самымъ словамъ Государевымъ, ищущій путей спасенія, просилъ дать ему исповѣдь, что и совершено, и потомъ сознаъ свое имя. Туда въ 9 уже часовъ призванъ намѣстникъ лавры *Антоній Смирницкій* и удостоился говорить съ Государемъ по откровенности. Затѣмъ Государь удалился въ квартиру.

9-го сентября, въ 7 часовъ утра Государь изволилъ ходить по пещерамъ съ намѣстникомъ и казначеемъ только, да съ княземъ *Волконскимъ* и *Вилье*, лейбъ-медикомъ, и благоговѣйно прикладался ко всѣмъ мощамъ, разспрашивалъ о житіи всякаго святого съ удивленіемъ, како Господь удиви вся хотѣнія своя въ нихъ. По полудни въ часъ митрополитъ съ духовенствомъ допущенъ на аудіенцію: отъ академіи архимандриты—ректоръ и префектъ съ богато-оправленною одою; отъ лавры—старцы съ иконою, хлѣбомъ и книгами; отъ собора—протоіерей *Снигиревичъ* и ключаръ *Семяновскій* съ иконою и хлѣбомъ; отъ флоровскаго—монахини съ иконою и хлѣбомъ, и все принято было ласково. Къ вечеру у генерала корпуснаго *Раевскаго* былъ на балу, данномъ на большомъ государевомъ дворцѣ, и участвовалъ въ танцахъ съ хозяйкою Раевскаго, покойнаго Прозоровскаго женою и статсъ-дамою Браницкою.

10-го сентября за золотыми воротами, что на Старомъ Кіевѣ дѣлалъ смотръ тремъ полкамъ, гдѣ проходило войско два раза мимо его величества церемоніальнымъ маршемъ. Въ 11 часовъ изволилъ прибыть въ лаврскую большую церковь для слушанія литургіи, которую совершалъ митрополитъ; и приказано было отъ его величества пѣть обѣдню лаврскимъ напѣвомъ, и совершали одни монахи по обѣихъ клиросахъ, и Государю сіе пѣніе понравилось и утверждено навсегда для одной лавры. Государь въ сей день былъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ безъ всякихъ лентъ, кромѣ звѣзды и англинской подвязки, чему подражали всѣ генералы. Послѣ обѣдни, въ архіерейскомъ лаврскомъ домѣ Государь угощаемъ былъ богатымъ завтракомъ; но онъ, кромѣ одной рюмки шампанскаго и одного пирожка, ничего не употреблялъ. Митрополитомъ
лавры. выѣхалъ къ подольскимъ лавкамъ,
на фроловскомъ монастырѣ, былъ въ андреевской церкви и въ михайловскомъ монастырѣ. Послѣ обѣда Государь осматривалъ прежнюю крѣпость и арсеналъ, а къ вечеру

былъ на балу, данномъ кіевской губерніи дворянствомъ, въ красномъ мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ и участвовалъ въ танцахъ съ княгинею Шуйскою и прежде сказанными дамами. Потомъ, уѣхавши изъ дому дворянскаго, призвалъ лаврскаго намѣстника въ кабинетъ свой, возложилъ на него брилліантами украшенный крестъ, равно поручилъ для доставки такой-же крестъ и схимнику, яко духовному своему отцу.

11 сентября въ 10 часовъ чрезъ полковника гвардіи посланы были митрополиту отъ Государя брилліантовыя знаки Андрея Первозваннаго и объявлено симъ полковникомъ, что Государь изволитъ быть въ академіи послѣ обѣда въ 4 часа. Предъ обѣдомъ осматривалъ Государь крѣпость, ходилъ часа четыре пѣшкомъ. . . . былъ въ военномъ госпиталѣ...

. Наступало вожделѣнное время посѣщенія его академіи» . .
. . . .

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

СЛѢДЫ ПОСЕЛЕНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ СВАНЕТІИ.

(*Изъ письма въ редакцію*).

Въ почтенномъ вашемъ изданіи за 1882 годъ, въ іюньской книжкѣ сдѣлано было крайне любопытное сообщеніе о живущихъ и въ настоящую пору въ Банатѣ потомкахъ запорожцевъ, неизмѣнно сохранившихъ свою вѣру, языкъ и обычаи, рѣзко отличающіе ихъ отъ окружающаго ихъ венгерско-сербскаго поселенія. Къ сожалѣнію, это сообщеніе, давая точныя свѣдѣнія о времени поселенія тамъ запорожцевъ и первоначальномъ ихъ устройствѣ и положеніи, содержитъ лишь слабыя и случайныя указанія на мѣсто нахожденія и положеніе ихъ потомковъ. Тѣмъ не менѣе и эти указанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подъ режимомъ цесарско-австрійскимъ и подъ гнетомъ венгерскимъ, совершенно изолированно, живутъ потомки вольныхъ запорожцевъ, лишь въ позднѣйшее время, къ немалому своему удивленію, узнавшіе о томъ, что невдалекѣ отъ нихъ, въ Галиціи находятся люди, говорящіе однимъ съ ними языкомъ и имѣющіе книги на томъ-же, природномъ и имъ языкѣ. Никто однако не взялся подробно изслѣдовать этотъ любо-

пытнѣйшій оазисъ малорусской жизни въ мадьярско-нѣмецкой Сахарѣ.

Г. Кондратовичъ въ своемъ драгоцѣнномъ изслѣдованіи о Сѣчи задунайской, помѣщенномъ въ вашемъ изданіи 1883 года, говоря, со словъ уцѣлѣвшаго 120 лѣтняго запорожца Ананіи Коломыйца, о выселеніи запорожцевъ послѣ 1775 г. въ Турцію, Австрію и даже якобы и на островъ Мальту, ни словомъ не упоминаетъ о выселеніи ихъ въ какое-либо другое мѣсто, въ такую напр. неприступную, холодную горную страну, какова Вольная Сванетія, хотя, понятно, не за Дунаемъ можно было искать преданія объ этомъ. А между тѣмъ фактъ выселенія нѣкоторой части запорожцевъ въ Вольную Сванетію имѣетъ за собою нѣкоторыя основанія и при тщательныхъ поискахъ могъ-бы быть установленъ и болѣе прочно.

Не давно попали мнѣ въ руки Записки полковника Бартоломея, который еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ былъ командированъ въ Вольную Сванетію, съ цѣлію привлечь и ее въ такую-же зависимость отъ русской власти, въ какую уже приведена была Княжеская или Дадешкеліановская Сванетія. Записки эти изданы были отдѣльной книжечкой въ 90 стр. въ 8-ю долю листа, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея въ 1853 году». Въ самомъ концѣ обращенія къ читателю отъ редакціи и находится упоминаніе объ интересующемъ насъ предметѣ. Привожу его цѣликомъ.

«Оканчивая печатаніе сочиненія полковника Бартоломея, редакція получила отъ автора еще нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія и замѣчанія. «Тамъ, гдѣ я говорю, пишетъ намъ авторъ, о сходствѣ Дадаша Курбіани съ портретомъ одного изъ малороссійскихъ гетмановъ, слѣдуетъ дополнить, что мнѣ случалось слышать на Кавказѣ, будто въ Вольной Сванетіи, въ Муллакѣ, живутъ потомки запорожцевъ, бѣжавшихъ туда неизвѣстно въ какое время. На одной изъ старинныхъ картъ Кавказа я даже видѣлъ въ верховьяхъ Ингура надпись: *муллаки или запорожцы*. Но кромѣ случайнаго сходства Дадаша Курбіани, о которомъ я упомянулъ и которое, конечно, ничего не доказываетъ, въ муллакскомъ обществѣ нѣтъ никакого признака, отличающаго здѣшнихъ сванетовъ отъ жителей прочихъ сванетскихъ обществъ въ верховьяхъ Ингура и Цхенисцхали».

Въ добавокъ къ этому отдаленному и недостаточно опредѣленному сообщенію мнѣ удалось получить на дняхъ новыя и болѣе рѣшительныя указанія на тотъ-же предметъ. Сынъ бывшаго владѣтельнаго князя Сванетіи Кукаcинъ Дадешкеліани въ случайномъ разговорѣ о его родинѣ передавалъ мнѣ, что когда онъ поступалъ въ ставропольскую гимназію для обученія и ему попались на глаза въ Ставрополѣ какія-то картины, изображавшія малороссіянъ и запорожцевъ, то его, никогда не видавшаго этого племени, поразило сходство изображенныхъ лицъ въ костюмахъ и другихъ типическихъ особенностяхъ съ видѣнными имъ въ дѣтствѣ жителями трехъ сельскихъ обществъ, живущихъ и доселѣ въ Вольной Сванетіи, не подчинявшейся никакимъ князьямъ. Впослѣдствіи во время своихъ поѣздокъ по Сванетіи онъ посѣщалъ эти общества и на мѣстѣ получилъ отъ тамошнихъ жителей свѣдѣнія, что они не тамошніе аборигены, а вышли съ Кубани въ лицѣ своихъ предковъ. Вѣроисповѣданія они православнаго, но говорятъ языкомъ туземцевъ, а изъ обычаевъ у случайнаго туриста осталось въ памяти лишь обыкновеніе ихъ подбривать голову вокругъ и чубъ распускать по бритой уже головѣ. Общества эти: Мужальское, Мулакское и Местійское; всѣ члены ихъ называютъ себя выходцами съ Кубани.

Сопоставляя сообщеніе полковника Бартоломея, въ особенности его упоминаніе о названіи *запорожцы* на старинной картѣ Кавказа, съ тѣми свѣдѣніями, какія вскользь брошены кн. Дадешкеліани, нельзя не видѣть въ общей ихъ совокупности вѣскаго указанія на слѣды поселенія запорожцевъ въ Вольной Сванетіи. Можно сожалѣть, что ни тотъ, ни другой не занялись нарочитымъ и обстоятельнымъ наблюденіемъ надъ языкомъ, вѣрованіями, преданіями, обычаями и домашнимъ бытомъ членовъ названныхъ обществъ. Быть не можетъ, чтобы во всемъ этомъ не оказалось другихъ болѣе существенныхъ указаній на ихъ пришельство, если они сами считаютъ себя пришлецами. Впрочемъ князь Дадешкеліани собирается съ наступленіемъ лѣта вновь посѣтить свою родину, и я надѣюсь, что онъ не откажетъ моей просьбѣ нарочито побывать въ названныхъ выше поселеніяхъ и собрать обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія объ ихъ происхожденіи и настоящемъ видѣ. Если въ нихъ дѣйствительно утратились всѣ признаки малорусской рѣчи, то это можно объяснить развѣ тѣмъ предположеніемъ, что сюда забрели

истые безъсемейные сѣчевики, что здѣсь они переженились на туземкахъ и что настоящее ихъ потомство произошло отъ смѣшанныхъ браковъ. Подобное перерожденіе, по словамъ очевидцевъ, постигаетъ не только единичныхъ русскихъ, попадающихъ въ Польшу и женящихся на полькахъ, но и переселяющихся туда семьями и обществами нѣмцевъ. Тутъ дѣло не въ культурѣ, а въ изолированности переселенцевъ отъ сродныхъ имъ элементовъ жизни и продолжительности воздѣйствія элементовъ иноплеменныхъ. Языкъ матери является въ такихъ случаяхъ главнымъ и рѣшающимъ факторомъ.

Г. Лебединецъ.

1 янв. 1885 г.
Уроч. Манглисъ.

А. Ѳ. Кистяковскій.

(*Некрологъ*).

Въ ночь съ 12 на 13 генваря совершенно неожиданно смерть вырвала изъ нашей среды, не богатой умственными силами и нравственными качествами, еще одну крупную научную и общественную силу, еще одного талантливаго и честнаго дѣятеля. Безжалостно унесла она въ могилу человѣка, еще полнаго умственныхъ силъ и энергіи, обѣщавшаго многое сдѣлать для русской науки, и унесла въ тотъ моментъ, когда онъ готовился подарить насъ рядомъ трудовъ по самымъ интереснымъ и для *ученаго* юриста, и въ особенности для историка, вопросамъ. Унесла она лучшаго, выдающагося изъ профессоровъ кіевскаго университета, одного изъ самыхъ симпатичныхъ людей, и оставила мѣсто, занимаемое Александромъ Ѳедоровичемъ, какъ ученымъ, профессоромъ и человѣкомъ, пустымъ...

15 генваря, въ послѣдній разъ, но уже бездыханный оставлялъ Александръ Ѳедоровичъ горячо любимый имъ университетъ. Тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, вступалъ онъ въ него, въ качествѣ студента, исполненный надеждъ, богатый молодыми силами, и почти ни разу не оставлялъ уже его. Въ немъ онъ воспитался, въ немъ началъ и кончилъ свою учено-педагогическую дѣятельность, ему посвящалъ всецѣло всѣ свои силы. Искренно и горячо предан-

ный своей родной almae matris, дорожившій ея успѣхами и процвѣтаніемъ, онъ не могъ и не рѣшался бросить ее, разорвать съ нею связи даже въ самыя тяжелыя для него лично дни, въ минуты тяжелыхъ испытаній, горькихъ разочарованій, трудной борьбы... Съ университетомъ связывали его юношескія воспоминанія, любовь глубокая къ родной ему странѣ.

Покойный былъ сынъ сельскаго священника черниговской губерніи и семинарскій курсъ ученія окончилъ въ 1853 г. двадцатилѣтнимъ юношей (род. 14 марта 1833 г.). Предъ нимъ открывались двери академіи, обезпеченная жизнь въ школѣ, а въ будущемъ, быть можетъ, карьера, но онъ рѣшился искать высшаго образованія въ храмѣ свѣтской университетской науки. Тяжело и неприглядно было то время, не мало способныхъ людей заглохло въ тогдашней атмосферѣ. Но Александръ Өедоровичъ, перенесшій тяжелую ломку въ бурсѣ, испытавшій ферулу ея съ малыхъ лѣтъ и не исковерканный ею, съумѣлъ и въ средѣ университетской сохранить тѣ нравственныя качества и начала, которыя онъ вынесъ изъ своей семьи, встрѣчалъ и въ окружавшей его съ дѣтства простой крестьянской средѣ. Глубокая, искренняя привязанность къ родной семьѣ не исчезала въ немъ до послѣднихъ минутъ жизни, глубокое уваженіе къ отцу высказывалось Александромъ Өедоровичемъ и потомъ, въ поздніе годы, и выразилось внѣшне въ посвященіи ему одной изъ научныхъ работъ. Ту-же привязанность, ту же горячую любовь сохранилъ онъ и къ народу, съ которымъ связывали его воспоминанія дѣтства.

Два года спустя по вступленіи А. Ө. въ университетъ (на юридическій факультетъ), стало обозначаться новое движеніе въ обществѣ, занималась заря иной, невиданной жизни, и уже на студенческой скамьѣ его увлекла за собой волна новаго движенія, зародившая въ немъ новыя стремленія и еще болѣе укрѣпившая его нравственныя начала. Любовь къ народу, вопросы о его свободѣ и дальнѣйшей судьбѣ каждаго волновали умъ юнаго студента, страстное желаніе видѣть господство началъ права и справедливости,— этого девиза всей послѣдующей жизни Александра Өедоровича,—преданность общимъ интересамъ, хотя-бы и вопреки личнымъ выгодамъ, уже и тогда, и даже въ рѣзкой формѣ, проявлялась въ немъ. Лица, близкія къ нему, уже тогда подмѣчали, съ какимъ увлеченіемъ онъ

относился къ интересамъ товарищей, къ вопросамъ общественной жизни, съ какимъ упорствомъ и горячностью проводилъ и отстаивалъ свои убѣжденія, несмотря на личныя послѣдствія. То было проявленіемъ юношескаго увлеченія, но Александръ Ѳедоровичъ съумѣлъ сохранить эти качества и до самой смерти. Одна черта его нравственнаго характера уже и на студенческой скамьѣ бросалась въ глаза: это—симпатическое отношеніе къ человѣку, любовь къ нему, вѣра въ него, вѣра въ то, что самый дурной человѣкъ способенъ исправиться, что въ немъ всегда рядомъ съ дурными существуютъ и хорошія стороны, что его проступки—временное заблужденіе—черта, не утраченная Александромъ Ѳедоровичемъ и въ послѣдующіе годы, на аренѣ дѣйствительной жизни. Человѣконенавистничество и тогда, и позже, было ему чуждо, просто непонятно. Человѣкъ пятидесятыхъ годовъ, онъ представлялъ изъ себя одну изъ тѣхъ цѣльныхъ, нераздвоенныхъ натуръ, по которымъ не прошелъ разрушающій вихрь скептицизма и отчаянія, натуръ, нерѣдко встрѣчавшихся въ то время и составляющихъ сильный контрастъ съ людьми послѣдующаго времени.

Эта цѣльность натуры, эта вѣра въ человѣка, человѣчество и будущее, которая не оставляла его въ самыя тяжелыя минуты жизни, эта сила и искренность убѣжденій, и дѣлали Александра Ѳедоровича прочнымъ и устойчивымъ противъ невзгодъ, не допускали его отступать отъ разъ усвоенныхъ убѣжденій.

«Задача юриспруденціи, высказалъ однажды Александръ Ѳедоровичъ, состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть основныя начала человѣческаго правосудія и *справедливости*. Тотъ не судья, кто не воодушевленъ мыслію, что онъ въ своей дѣятельности долженъ, насколько возможно для человѣка даннаго общества, стремиться при дѣйствующихъ законахъ къ осуществленію *идеала справедливости*; тотъ не достоинъ имени юриста, кто поставитъ задачею своей дѣятельности только одинъ успѣхъ внѣшній, матеріальный, личный, торжество во чтобы-то ни стало своей стороны, съ забвеніемъ началъ права, которыя въ концѣ концовъ суть начала справедливости,—съ попраніемъ посредствомъ уловокъ, изворотовъ, софизмовъ того, что совѣсть человѣческая издавна признала справедливымъ и истиннымъ. Воплощеніе въ мірѣ человѣческомъ идеи справедливости путемъ дѣятельности практическаго юриста способствуетъ

въ высокой степени благосостоянію и процвѣтанію человѣческихъ обществъ, возвышенію ихъ индивидуальной и общественной морали, водворенію лучшихъ способовъ общежитія и человѣческихъ отношеній. Напротивъ, правосудіе, не воодушевленное идеею справедливости, не руководящееся принципами, равнодушное къ добру и злу, погрязшее въ одномъ только лишенномъ духа формализмѣ, въ казуистикѣ, уловкахъ и тонкихъ хитросплетеніяхъ, бываетъ источникомъ большихъ общественныхъ бѣдствій, задерживаетъ развитіе истинно нравственныхъ, справедливыхъ и возвышающихъ общественное благосостояніе отношеній». Въ этихъ словахъ—полное и настоящее profession de foi Александра Ѳедоровича. Правда, они были произнесены по одному частному случаю, касаются лишь одной изъ сферъ общественной дѣятельности,—судебной, но то, что сказано имъ было въ 1880 г., при открытіи засѣданій юридическаго общества, повторялось имъ много разъ и раньше по разнымъ другимъ случаямъ, въ отношеніи къ другимъ сферамъ и сторонамъ жизни. Кто встрѣчалъ Александра Ѳедоровича еще юнымъ человѣкомъ, въ скромномъ званіи домашняго учителя, вскорѣ по выходѣ его изъ университета въ 1857 г. (у М. А. Маркевича), кто видѣлъ и сталкивался съ нимъ, простымъ чиновникомъ сначала сената, а потомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія (съ 1858 по 1863 г.), кто зналъ его въ Кіевѣ въ первые годы пребыванія его здѣсь (съ 1863 г.), когда онъ проходилъ цѣлую лѣстницу ученыхъ степеней отъ кандидата (1863) до доктора (1868) включительно, тому не разъ приходилось слышать такія-же рѣчи и мнѣнія, дышавшія всегда тономъ глубокаго и искренняго убѣжденія. Убѣжденіе въ высокомъ значеніи и силѣ идеи справедливости Александръ Ѳедоровичъ вынесъ еще съ студенческой скамьи, хранилъ и поддерживалъ въ теченіе всей своей жизни и могъ сказать съ полнымъ правомъ, что не измѣнялъ ему никогда. Онъ не зналъ, что такое честолюбіе, не искалъ почестей и съ постояннымъ усердіемъ проводилъ вездѣ, гдѣ могъ, чистую идею правды. Проводилъ онъ ее и на каѳедрѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ ученыхъ трудахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, и въ рефератахъ, читанныхъ имъ въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ, и наконецъ въ собственной жизни. Лицамъ, знавшимъ его близко, либо дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, не разъ приходилось видѣть, какъ горячо

отстаивалъ онъ то, что считалъ справедливымъ, съ какою энергіею, а иногда и забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ заступался онъ за тѣхъ, кто представлялся ему несправедливо обиженнымъ или оскорбленнымъ, защищалъ тѣхъ, чьи труды подвергались несправедливымъ нападкамъ, злобной и, по его мнѣнію, несправедливой критикѣ. И это не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ шло дѣло объ его друзьяхъ... Будущему историку университета прійдется не разъ помянуть въ этомъ смыслѣ покойнаго, какъ прійдется помянуть его и тогда, когда рѣчь зайдетъ о лучшихъ членахъ университета, выдающихся научныхъ его силахъ, которые, благодаря его личнымъ усиліямъ, достигли университетской каѳедры. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Александръ Ѳедоровичъ является уже какъ дѣятель науки, какъ защитникъ ея интересовъ.

Но не одни нравственно-общественные идеалы вынесъ Александръ Ѳедоровичъ изъ любимаго имъ университета. Еще на студенческой скамьѣ пріобрѣлъ онъ здѣсь любовь къ наукѣ, къ научнымъ занятіямъ, къ тому научному труду, который постепенно создалъ ему почетное положеніе въ русской наукѣ. Еще здѣсь зародились въ немъ нѣкоторыя изъ тѣхъ научныхъ тенденцій, которыя не позволили ему сдѣлаться зауряднымъ, цеховымъ ученымъ, погрузиться въ узкую сферу изученія исключительно правовыхъ отношеній самихъ въ себѣ, безъ отношенія ихъ къ жизни, къ окружающей обстановкѣ. Въ средѣ тогдашнихъ профессоровъ, въ лицѣ покойнаго Иванишева, къ которому Александръ Ѳедоровичъ не переставалъ питать чувства глубокаго уваженія, какъ къ выдающемуся русскому ученому дѣятелю, онъ встрѣтилъ рѣзко отличавшагося отъ цеховыхъ юристовъ, профессора-человѣка юриста, который стремился перенести изученіе права на *научную* историческую почву и одинъ изъ немногихъ мечталъ о разработкѣ вопросовъ исторіи права помощью сравнительно-историческаго метода. Вліяніе Иванишева сказалось уже рано на Александрѣ Ѳедоровичѣ, и молодой юристъ-студентъ ревностно изучалъ не только право, но и чуждыя тогда юридическому факультету науки: всеобщую исторію и политическую экономію.

Не переставая быть юристомъ, не переставая интересоваться юридическими вопросами самими по себѣ, но съ той точки зрѣнія,

которая составляла его profession de foi, Александръ Ѳедоровичъ, усиленно работавшій по выходѣ изъ университета въ императорской публичной библіотекѣ, старался всегда находить объясненіе нормамъ и институтамъ права въ ихъ историческомъ развитіи. Уже въ первые годы своей ученой дѣятельности, къ которымъ относятся первыя его статьи по уголовному праву (объ уголовномъ судопроизводствѣ въ Англіи 1860 г.), онъ обнаружилъ свои историко-юридическія наклонности въ своей небольшой, но и до сихъ поръ цѣнной статьѣ объ исторіи крѣпостнаго права въ Малороссіи (въ 1861 году). Въ этой полно, обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла написанной статьѣ онъ далъ первый и весьма удачный опытъ той исторіи, которую нѣсколько позже, на основаніи новыхъ данныхъ, разработалъ А. М. Лазаревскій въ своей книгѣ «О посполитыхъ». Наклонность къ изслѣдованію вопросовъ права на исторической почвѣ получила еще большее развитіе, болѣе яркое выраженіе въ томъ трудѣ Александра Ѳедоровича, который создалъ ему сразу высокое положеніе въ научномъ мірѣ, именно въ его «Изслѣдованіи о смертной казни» (Кіевъ 1867 года). «Взявшись за изслѣдованіе этого предмета, заявилъ авторъ въ предисловіи, я обратилъ большую часть вниманія и работы на историческую сторону смертной казни, на связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣка». И это была не обыденная фраза съ его стороны: какъ-бы мы не относились къ тѣмъ общимъ выводамъ и заключеніямъ Александра Ѳедоровича относительно послѣдовательныхъ примѣненій, чрезъ которыя прошло развитіе смертной казни, для каждаго знакомаго съ его трудомъ несомнѣнно, что онъ имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ изслѣдователемъ, съ глубокимъ знатокомъ своего дѣла. Болѣе того: читающій наталкивается здѣсь на ученаго, понявшаго вполнѣ, что изучать кодексы прошлаго можно и должно не такъ, какъ изучаемъ мы современные кодексы, а съ иной научно-исторической точки зрѣнія, что юристу мало знать тѣ или другіе писанные законы, но необходимо знать обычаи и воззрѣнія и первобытныхъ, дикихъ народовъ, и народныхъ массъ вообще.

Эта точка зрѣнія, которой придерживался Александръ Ѳедоровичъ въ своемъ трудѣ «О смертной казни», являющемся первымъ опытомъ исторіи смертной казни не въ одной только русской

литературѣ, была всегда основною и неизмѣнною во всѣхъ чисто научныхъ его работахъ. Она привела его и къ тому ряду работъ по обычному праву, которыя остались, къ сожалѣнію, не оконченными. Тѣмъ не менѣе его труды въ этой области (изслѣдованія о волостныхъ судахъ, о цензурѣ нравовъ у народа и т. д.) составили крупный вкладъ въ науку, а его заботы о собираніи этого рода матеріала, составленная имъ программа для собиранія юридическихъ народныхъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, возбудили общее вниманіе. За такіе труды свои Александръ Ѳедоровичъ избранъ былъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества и награжденъ отъ того-же общества серебрянною медалью. Въ тоже время, въ признаніе ученыхъ заслугъ Александра Ѳедоровича въ той-же области, московское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Но Александръ Ѳедоровичъ не только работалъ самъ лично, но своимъ вліяніемъ возбуждалъ къ работамъ такого-же рода и другихъ, старался создать цѣлую школу работниковъ въ важной области изученія народныхъ обычаевъ и народнаго обычнаго права (часть трудовъ напечатана была въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» кіевскаго университета) и для болѣе быстрой и усиленной разработки матеріаловъ этого рода создалъ при кіевскомъ юридическомъ обществѣ спеціальное отдѣленіе обычнаго права. Благодаря усердной и постоянной своей дѣтельности, Александръ Ѳедоровичъ успѣлъ скопить массу матеріала по обычному праву и началъ даже разработку его, когда смерть прервала драгоцѣнные его труды...

Исторія Малороссіи и сама по себѣ, внѣ спеціально научныхъ цѣлей сравнительнаго изученія права, нашла въ лицѣ Александра Ѳедоровича не менѣе усерднаго и плодовитаго работника. Достаточно упомянуть изданный имъ сборникъ Малороссійскихъ правъ, его изслѣдованіе по исторіи этого права, столь мало извѣстнаго до него, чтобы оцѣнить тѣ заслуги, которыя онъ и въ этой области оказалъ наукѣ.

Намъ долго пришлось-бы говорить, если-бы мы стали перечислять въ подробности все то, что сдѣлано уже для науки покойнымъ А. Ѳ. и что предполагалъ онъ сдѣлать. Полная оцѣнка его трудовъ—дѣло исторіи; но можно и теперь уже сказать, что во всѣхъ тѣхъ

сферахъ знанія, въ которыхъ работалъ онъ, имя его останется навсегда въ русской наукѣ. Уже и при жизни ученыя заслуги Александра Ѳедоровича были единогласно признаны всѣми выдающимися дѣятелями науки въ Россіи. Избраніе его почетнымъ членомъ московскаго юридическаго общества, почетнымъ членомъ двухъ русскихъ университетовъ, сосредочивающихъ въ себѣ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области науки, одно уже говоритъ за то, съ какого рода научною силою мы имѣли дѣло въ лицѣ Александра Ѳедоровича. Смерть его въ самомъ разгарѣ его научной дѣятельности является, поэтому одному уже, крупною и трудно вознаградимою потерею.

Научный авторитетъ Александра Ѳедоровича, его личныя качества, та постоянная, неустанная дѣятельность, которую обнаруживалъ онъ и какъ ученый, и какъ членъ юридическаго общества, не говоря уже о другихъ сторонахъ его жизни и дѣятельности, легко объясняютъ то отношеніе, то глубокое уваженіе къ нему интеллигентнаго общества, которыя ярко сказались въ тотъ день, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что этого выдающагося дѣятеля науки не стало.

Похороны А. Ѳ. Кистяковскаго не были похоронами зауряднаго человѣка, не были они и простымъ выполненіемъ долга, обязанности, но были яркимъ выраженіемъ сознанія той горестной утраты, которую въ лицѣ покойнаго понесла наука.

14 января при громадномъ стеченіи публики, состоявшей изъ лицъ самыхъ разнородныхъ сферъ дѣятельности: профессоровъ, учителей, членовъ судебнаго міра, студентовъ и т. д., тѣло Александра Ѳедоровича было вынесено изъ его дома на рукахъ его бывшихъ товарищей и учениковъ въ университетскую церковь. 15 числа въ зданіи университета, въ университетской церкви совершено отпѣваніе дорогаго и уважаемаго покойника. Все время службы церковь и корридоръ подлѣ нея были запружены толпою, чрезъ которую поминутно и съ большимъ трудомъ протискивались лица, приносившія вѣнки, эту послѣднюю дань уваженія покойнику. Вскорѣ вѣнки покрыли весь гробъ. Тутъ были вѣнки отъ ученыхъ обществъ: общества пр. Нестора Лѣтописца, московскаго и кіевскаго юридическихъ обществъ, уважаемымъ и полезнѣйшимъ членомъ которыхъ былъ Александръ Ѳедоровичъ, масса вѣнковъ отъ бывшихъ

его слушателей и учениковъ и отъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, вѣнки отъ присяжныхъ повѣренныхъ, отъ чиновниковъ канцеляріи 2-го гражданскаго отдѣленія кіевскаго окружнаго суда, отъ рубежовской колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и т. д., и т. д. Въ половинѣ перваго часа окончилось отпѣваніе; началось послѣднее прощаніе съ покойнымъ. Снова поднятъ онъ былъ руками товарищей и слушателей и вынесенъ изъ церкви на парадный выходъ изъ университета. Въ предверьи университета гробъ былъ поставленъ, чтобы можно было сказать послѣднее «прости» покойному; всякій чувствовалъ, что не одно лишь тѣло многолѣтняго дѣятеля науки выносилъ изъ своего зданія университетъ. Огромныя массы почитателей покойнаго толпились вездѣ и кругомъ. Онѣ наполняли всю громадную переднюю университета, обѣ широкія лѣстницы, ведущія къ большой актовой залѣ университета, скрывались отъ глазъ стоявшихъ внизу въ корридорахъ верхняго этажа. Въ простомъ гробу, въ простомъ костюмѣ лежалъ этотъ дорогой дѣятель съ спокойнымъ лицомъ, застывшимъ въ ту минуту, когда мысль его неслась въ залу суда присяжныхъ. Послѣднее слово ему сказалъ отъ лица университета проф. Тальбергъ, ученикъ и преемникъ его по каѳедрѣ, воздавъ должное заслугамъ и трудамъ покойнаго. Похоронное шествіе тронулось, направляясь къ самому скромному изъ кіевскихъ кладбищъ, къ Байковой горѣ. Все время длиннаго пути покойнаго несли на рукахъ, катафалкъ слѣдовалъ пустымъ до самой могилы. Процессія растянулась болѣе чѣмъ на полверсты: за хоругвями и крестами слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ, шли факельщики, тянулся длинный рядъ представителей разныхъ учрежденій съ вѣнками въ рукахъ, шелъ второй хоръ, сформировавшійся экспромптомъ на пути изъ любителей, а съ боковъ и сзади гроба, во всю ширину улицъ, колыхалась трехтысячная масса сопровождавшихъ, главнымъ образомъ изъ лицъ учебнаго и вообще интеллигентнаго міра. Около 3-хъ часовъ похоронная процессія достигла Байковой горы, гдѣ въ уютномъ и отдаленномъ уголкѣ вырыта была простая яма близъ могилы матери покойнаго, по его личному желанію.

Три рѣчи произнесены были у могилы: проф. В. Б. Антоновича, пишущаго эти строки и рѣчь П. И. Житецкаго, прерванная рыданіями. Среди родной семьи и друзей пропѣли въ послѣдній разъ

«вѣчную память». Гробъ былъ опущенъ въ могилу, и чрезъ нѣсколько минутъ земля навсегда раздѣлила покойнаго съ тѣмъ міромъ, который онъ такъ любилъ и отъ котораго такъ часто страдалъ.

Честнаго человѣка, выдающагося ученаго, любимаго учениками профессора—не стало!

И. Лучицкій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Съ новаго года періодическая печать въ Галиціи увеличилась однимъ органомъ, возникшимъ въ найболѣе глухомъ и отдаленномъ ея уголкѣ: въ Черновцахъ, столицѣ маленькой Буковины, стала выходить два раза въ мѣсяцъ русинская газета, посвященная исключительно народнымъ дѣламъ и интересамъ. Въ первомъ номерѣ «Буковины», редакція состоящая, какъ видно, изъ кружка мѣстныхъ патріотовъ, высказываетъ въ такихъ словахъ свой взглядъ на задачи и значеніе политическихъ органовъ, желающихъ служить народу: «газеты должны быть зеркаломъ нашей духовной жизни, голосомъ нашихъ желаній и мѣстомъ обмѣна нашихъ мыслей и думъ. Въ нихъ должны мы встрѣчать совѣтъ и утѣшеніе на всѣ наши душевныя боли—отъ нашихъ учителей, наставниковъ, голосъ которыхъ научилъ-бы насъ жить полнотою народной жизни, хранить и оберегать нашу народную честь и пробуждалъ-бы въ насъ народное самосознаніе. Ихъ голосъ долженъ скликать насъ на борьбу съ неправдой и на смѣлое отстаиваніе справедливости и предоставленныхъ намъ законныхъ правъ». Единственною цѣлью, которую ставитъ себѣ газета—это «способствовать тому, чтобы буковинскій русскій народъ сталъ на равную степень моральнаго и духовнаго развитія съ остальными народами австрійской монархіи и вступилъ равноправнымъ членомъ въ общую жизнь страны».

Въ статейкѣ о сеймовыхъ выборахъ и господствующихъ на нихъ порядкахъ газета горько жалуется на отсутствіе въ сеймѣ, не смотря на предоставленную закономъ возможность, истинно мѣстныхъ представителей. Съ 1868 года въ сеймѣ не засѣдаетъ ни одинъ русинъ. Объясненіе этого факта авторъ статьи видитъ въ томъ, что ближе къ 1848 году еще жива была въ народѣ память о крѣпостномъ правѣ и онъ относился съ недовѣріемъ ко всѣмъ обществен-

нымъ элементамъ, чуждымъ крестьянству. Но когда черезъ 20 лѣтъ у него явилась своя интеллигенція, то онъ привыкъ къ «сюртучникамъ», принимая ихъ всѣхъ за происходящихъ изъ подъ сельской «стрѣхи». Передъ выборами всѣ эти господа объявляютъ себя русскими, обѣщаютъ стоять за учрежденіе русской гимназіи въ Коцмани и т. п. и задаютъ угощеніе народу. Главная причина неудовлетворительности буковинскаго представительства—народное легковѣріе, оружіе противъ этого зла—просвѣщеніе.

Особая рюбрика заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности русскихъ буковинскихъ обществъ. Въ Черновцахъ ихъ нѣсколько: «руска Бесѣда» (библіотека и клубъ), драматическое общество, русскій народный домъ, академическій союзъ и мѣщанская читальня. Изъ этихъ обществъ «Союзъ» собирается въ нынѣшнемъ году праздновать десятилѣтіе своего существованія изданіемъ литературнаго альманаха.

Въ «Мелкихъ Извѣстіяхъ» встрѣчаемъ новости объ успѣхѣ народнаго дѣла въ Галиціи: близкомъ открытіи школы въ Львовѣ съ обученіемъ на мѣстномъ языкѣ, учрежденіи тамъ-же пѣвческаго общества, благопріятныхъ для русиновъ распоряженіяхъ министра торговли Пино на галицкихъ желѣзныхъ дорогахъ и т. п.

Но чисто литературный интересъ обѣщаетъ сообщать газетѣ участіе извѣстнаго, талантливаго беллетриста Осипа Федьковича. Въ настоящемъ номерѣ помѣщенъ его очеркъ «Сафатъ Зиньчъ», вошедшій въ собраніе его повѣстей, вышедшее въ 1874 году въ Кіевѣ, но, вѣроятно, еще неизвѣстный на родинѣ писателя. Федьковичъ въ галицкой да и во всѣхъ славянскихъ литературахъ представляетъ совершенно своеобразное явленіе. Никто лучше его не владѣетъ искусствомъ развернуть на двухъ-трехъ страничкахъ текста цѣлую бытовую драму, дать въ этихъ крошечныхъ рамкахъ отличающуюся глубиной бытовую картину. Это настоящій «маньятюристъ» блестящей поры искусства, особенно интересный тѣмъ, что въ его талантѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются типичныя черты народности, къ которой онъ принадлежитъ. Возвращеніе его на литературную арену нельзя поэтому не привѣтствовать истиннымъ сочувствіемъ.

Г.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною преміею—**5 р блей.**

Тоже, съ приложеніемъ 3 книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе—**6 рублей.**

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

---

12 книжекъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ" книжекъ 12

Изд. 1884 г. (второе изданіе).

съ портретами: имп. **Елисавета Алексѣевна;** Его Имп. Выс. Вел. Кн. **Константинъ Николаевичъ;** митрополитъ С-Петербургскій **Исидоръ;** гр. **Аракчеевъ** и Н. Ѳ. **Минкина;** гр. И. И. **Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ** (отпечатанъ красками); **Лермонтовъ;** Н. А. **Некрасовъ;** Н. И. **Пироговъ;** педагогъ бар. Н. А. **Корфъ;** В. В. **Самойловъ;** портретъ-группа: лордъ **Рогланъ,** марш. **Пелисье** и **Омеръ-паша** подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ **Волынскаго**—академ. М. **А.** Щурупова; имп. **Александръ II,** рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, каррикатура.

Содержаніе: Записки *Штрандмана,* 1771—1780 гг.;—Записки Мих. *Фонвизина:* очерки русской исторіи IX—XVIII вв;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. *А. Е. Розена;* Разсказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. *Н. А. Валуевъ;*—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. *С. А. Мадатовой;*—Зап. *Д. И. Ростиславова* о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста *А. П. Бѣляева;*—Дневникъ декабриста *В. К. Кюхельбекера* въ заключеніи, 1831--1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. *М. И. Пущина;*—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. *М. Я. Ольшевскаго;*—Моск. воспом. *Н. В. Берга,* 1845—1855 гг;—Зап. сен. *Я. А. Соловьева* о крест. дѣлѣ 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. *А. Ѳ. Гамбургера;*—Зап. педагога бар. *Н. А. Корфа;*—Посмертныя записки *Николая Ив. Пирогова;*—Зап. крестьянина-поэта *С. Дрожжина.*

Изслѣдованія и очерки: профес. *Д. И. Иловайскаго,—И. А. Линниченко;*—очеркъ *С. Л. Пташицкаго;*—Патр. Никонъ по вновь открытымъ матеріаламъ *Н. А. Гиббенетъ,* 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. *В. А. Бильбасова;*—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева; Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ *Ад. П. Берже;*—Гр. Каподистрія и гр. К. В. Нессельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. *С. С. Уварова;*—Польское возстаніе въ 1830--1831 гг., разсказъ *Мохнацкаго* и переписка имп. Николая

I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разсказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ *Ад. П. Берже;*—Разсказъ правосл. латыша *Индрика Страумита,* 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ,—Вредныя секты, очерки *А. Пругавина;*—19 февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положенія о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковскій,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій—И. С. Тургеневъ,—В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, восном., очеркахъ жизни и литературной дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «Русскую Старину» изд. **1885 г.**

„Одесскій Вѣстникъ",

на 1885 г.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Зо вступленіемъ въ соиздатели «Одесскаго Вѣстника» кандидата правъ *С. Ю. Ломницкаго,* средства газеты усиливаются. Вслѣдствіе этого, не позже первыхъ чиселъ декабря настоящаго 1884 года, послѣдуютъ значительныя улучшенія въ отношеніи содержанія и внѣшности газеты. Въ составъ редакціи приглашены новыя литературныя силы для восполненія бывшихъ пробѣловъ и болѣе чуткаго отношенія къ назрѣвающимъ вопросамъ.

Не смотря на увеличеніе объема газеты и другія улучшенія, требующія затратъ, подписная плата остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
Зт годъ (12 мѣсяцевъ)	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ. . . .	7 р. — к.	За 6 мѣсяцевъ. . . .	8 р. — к.
За 3 мѣсяца	3 р. 85 к.	За 3 мѣсяца	4 р. 50 к.
За 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	За 1 мѣдяцъ	1 р. 50 к.

На пересылку за границу *прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.*

Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочка платежа подписной платы** по полугодіямъ и по четвертямъ года. При разсрочкѣ *полугодичной* вно-

сится 1 января 8 р., и 1 іюля 6 руб.; по четвертямъ года: 1 января 4 руб., 1 апрѣля 4 руб.; 1 іюля 3 руб. и 1 сентября 3 руб.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иногородные-же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15 числа каждаго мѣсяца.

Подписка принимается въ **Одессѣ,** въ конторѣ «Одесскаго Вѣстника», по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

и ошибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше подымаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матерьяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

(Желающіе получить альманахъ въ роскошномъ штампованномъ, золоченомъ переплетѣ прилагаютъ за переплетъ къ подписной цѣнѣ 1 р.)

Подписная цѣна журнала на 1885 годъ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . **4 р.**	Безъ дост. въ Москвѣ, чрезъ кон. Л. Метцля **4 р. 50 к.**	Съ доставк. въ Спб. и въ друг. городахъ и мѣстечкахъ Россіи. **5 р.**

За границу . . . . 6 руб.

Принимается подписка на ¼ года—**1 р. 25 к.**; на ½ года —**2 р. 50 к.**; и на ¾ года—**3 р. 75 к.** Желающіе получать журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммы, уплачиваютъ: при подпискѣ **2 р.**, къ 1-му марта **1 р.**, къ 1-му іюля **1 р.**, и къ 1-му сентября **1 р.**

Желающіе ознакомиться съ журналомъ, могутъ получить пробный нумеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной Конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО",

иллюстрированный журналъ раціональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью полученія наибольшаго дохода,

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяевъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Черноглазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата *съ безплатнымъ приложеніемъ* литературно-политическаго журнала **„Еженедѣльный Обзоръ"**.

По примѣру истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотою. **Программа**: 1) Полеводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигіена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранные рынки. При статьяхъ помѣщаются политипажи въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе разсказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество до-

рого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находитъ возможнымъ оставить прежнюю цѣну' т. е. съ доставкою и пересылкою *шесть руб. въ годъ за оба изданія.* По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1-го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель-Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ“,

примѣнимые въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помадъ, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ на счетъ разведенія цвѣтовъ, растеній, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) **Культура пшеницы,** монографія профессора Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста **„Практическій пасѣчникъ“** съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ *С.-Петербургѣ, Троицкій пер.*, д. № 40.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ“,

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуреннаго, пивоваренпаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала: 1) Узаконенія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное произв. 5) Сахарное производ. 6) Мукомольное произв. 7) Писчебумажное произв. 8) Кожевенное произв. 9) Технологія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслобойное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библіографія. 19) Смѣсь. 20) Объявленія.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зелимюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *И. Л. Вилькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА",

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ **1885 году**, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библіографія.* Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранные (въ приложенія къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ** въ 1883 году.

состоящихъ при немъ центральныхъ учрежденій, въ неофиціальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ официальную часть академической церковной газеты своимъ официальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофиціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики,—идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофиціальная часть «Церк. Вѣстн.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи. статьи и сообщенія* внѣшнихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *«Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ»*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *«Разныя извѣстія и замѣтки»*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяцъ разъ); 9) *«Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяцъ), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *«Библіографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

Такимъ образомъ, редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначенными *десятью отдѣлами* неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» довольно полно обнимаются всѣ важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученыя, статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ страницъ, «Толкованія на Ветхій Завѣтъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаіи», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Шестой (пятый вышелъ въ 1883 г.) выпускъ, содержащій продолжніе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ декабрѣ 1884 года. Ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составятъ въ годъ болѣе **двухсотъ шестидесяти** (260) печатныхъ листовъ («Церк. Вѣстн.» 142 л. и «Христ. Чтен.» 142 л.).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала* **7 р.** съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5 р.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» **5 р.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р**, за каждый отдѣльно **7 р.** съ перес.

Подписка.—*Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣст.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчнаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева), въ Москвѣ—при кн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ",

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагопріятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый страною, успѣла освободиться отъ прежней обывательской замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи становятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ представителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общеттвеннаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачею знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцевъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованіемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по краевымъ вопросамъ), городской, земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышеупоменованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городѣ:		*Съ пересылкою въ другіе города:*	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.
